

Соколов Николай

МАГ НА ВРЕМЯ

Николай Соколов

Маг на ВРЕМЯ 1. Чернобад.

«Автор»

2026

Соколов Н. А.

Маг на ВРЕМЯ 1. Чернобад. / Н. А. Соколов — «Автор», 2026

Что если во время застольного пьяного спора вам предложат проверить на себе разницу между виртуальным миром и настоящим фэнтези? Вы рассмеётесь: «Какая смешная шутка!» Но реальность посмеется над вами. Бросив в круговорот событий, где каждый шаг - испытание, а каждое решение может стать последним. Здесь нет сохранений, нет перезагрузки, нет кнопки «выйти из игры». Здесь всё по-настоящему. И вы заключенный смертник, над головой, низкий потолок камеры. Чтобы выжить, придётся постараться. Гномы с хитрыми глазами будут предлагать «выгодные сделки». Призраки долины водопадов станут нашептывать сладкие обещания, заманивая в ловушки. Личи с глазами, полными тьмы, попытаются сломить волю одним взглядом. Каждый будет пытаться вас обмануть. Так, - думаете вы. - Значит, это не игра. Значит, правила другие. Вы делаете первый шаг вперёд, первый удар, первый уничтоженный враг. Назад пути нет.

© Соколов Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Казнь откладывается	5
Глава 2. Из огня да в полымя.	13
Глава 3. Катакомбы подгорных гномов.	30
Глава 4. Долина водопадов.	46
Глава 5. Ученик призрака.	62
Глава 6. Проблемы ученика гранд архимага не волнуют.	74
Глава 7. В лабиринтах подземелий.	85
Глава 8. Браконьер.	97
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Николай Соколов

Маг на ВРЕМЯ 1. Чернобад.

Глава 1. Казнь откладывается

Этот путь проделан мною.
Стонет пламя за спиною.
Синий мрак огнем истерзан.
Это гибель, это бездна.
Груз ошибок плечи давит.
Сил бороться не хватает.
За непокорность жестоко
мне рок отомстит,
но я делаю шаг.
Безумцам нет пути назад.
Ломает стрелки на часах
последний мой азарт.
Мосты горят, горит земля.
За острый край шагаю я,
так надо.
(Арктида - Безумцам нет пути назад)

Моя история началась во время китайского Нового года, в воскресенье, второго февраля 2020 года. Мой друг Георгий, как и тысячи влюблённых, решил запечатлеть в свидетельстве о браке зеркальную дату, красивую и симметричную. Именно поэтому в этот палиндромический вечер я оказался за свадебным столом в окружении совершенно незнакомых людей с серьезными, чужими лицами: трех девушек и пятерых парней.

Весёлый и неугомонный тамада пытался задать празднику нужный тон. Вокруг царила суэта: игры, конкурсы, смех. Все гости были примерно одного возраста, и нас без устали втягивали в смешные забавы. Мы бегали вокруг столов, прыгали через ленты, неуклюже изображали брачные танцы разных животных - кто павлина, кто волка, кто ещё невесть кого.

Тамада - веселый и неугомонный, словно заводной волчок - задавал тон празднику, без устали выдумывая игры и конкурсы. Нам, ровесникам, собранным за одним столом, то и дело приходилось вскакивать из-за тарелок: бегать между столов, прыгать через натянутые ленты, неуклюже изображали брачные танцы разных животных - кто павлина, кто волка, кто ещё невесть кого. Гости долго оставались напряженными, и лишь после двух алкогольных конкурсов, «Бокал за новобрачных» и «Розыгрыш наблюдателей», их лица наконец просветлели. Языки развязались, и праздничное застолье оживилось разговорами.

Сначала обсуждали загадочный вирус, поразивший китайский Ухань. Тревожные новости доносились из далёкой восточной страны, словно отголоски приближающейся грозы. Потом разговор плавно перетек в сторону массовых многопользовательских ролевых игр. Тех самых миров фэнтези, что манили к себе миллионы пользователей.

Молодой человек с азиатскими чертами лица, с Китая, а может Тибета, привлёк моё внимание. На его правом виске красовалась татуировка в виде спящего дракона, будто заснувшего в вечном сне. Он уверенно заявил, что ни одна ММОПГ в мире не способна передать истинной реальности фэнтези.

Я же, как заядлый геймер и студент-программист, ввязался в спор с ним со всей страстью.

- Технологии виртуальной реальности за последнее время сделали огромный шаг вперёд, - горячо возразил я. - Сегодня у каждого желающего есть шанс испытать эффект глубокого погружения благодаря новому поколению VR-шлемов. Ты просто не пробовал в деле по-настоящему качественные модели!

Моя пламенная речь, явно, задела его за живое. Он посмотрел на меня с лёгкой насмешкой, и в его глазах мелькнуло, что-то странное и агрессивно хищное.

- Пойдём! Взглянем на реальный мир фэнтези без розовых очков? Или тебе слабо? - бросил он, и в голосе прозвучал вызов, от которого у меня по спине пробежали мурашки.

За столом грянул хохот и кто-то, смеясь, звонко выкрикнул: - Какая смешная шутка!

Но я вдруг почувствовал, что это не просто слова, а вызов.

- Пошли, выйдем! - согласился я, хотя внутри всё сжалось от недоброго предчувствия.

Предположив, что он зовёт меня не объясняться в дружбе, а подраться, я взял со стола бутылку водки и для антуража выпил с горла как минимум сто грамм. Бутылку же я, оставил при себе, на всякий пожарный случай. Прошлый жизненный опыт подсказывал, выйдешь бывало на разговор по душам, а там семеро одного поджидают. В таких обстоятельствах стеклянный аргумент в руке окажется совсем не лишним.

Мы вышли на крыльцо банкетного зала, не потрудившись даже накинуть куртки. С ночного, безлунного неба в тот поздний февральский вечер падал пушистый, неторопливый снег.

Яркие светодиодные фонари очерчивали в темноте островки света на тротуарах, создавая сказочную картину: снежинки вспыхивали искрами, кружились в медленном танце, будто волшебные светлячки.

То ли хмель, то ли упоение зимней красотой помешали мне настроиться на серьёзный лад и притупили бдительность. Я не успел среагировать на резкое движение китайца и пропустил удар.

Узкое, граненое лезвие стилета вошло мне в плечо по самую крестовину гарды. Крови сразу выступило много. Боли не было - лишь ледяной холод разлился по левому плечу и, казалось, пытался проникнуть в самое сердце. Рука повисла плетью, а лицо китайца ощерилось в довольной, хищной усмешке. Рука безвольно повисла вдоль тела, а хищное лицо китайца исказила довольная усмешка.

В ответ я ударил его полупустой бутылкой, вкладывая в замах остатки сил и всю накопившуюся злость. Китаец, не ожидавший такой прыти, успел лишь моргнуть, но в тот самый миг татуированный дракон на его виске, к моему изумлению, за малую долю секунды до столкновения дохнул огнем. Светло-синее пламя лизнуло стекло, и бутылка в моей руке раскололась, превратившись в острую «розочку». Остатки водки выплеснулись, обливая одежду и лицо китайца, которое на секунду-другую вспыхнуло, озарив ночь. Моя рука внезапно ослабла и, дрогнув, по инерции ушла чуть ниже. Горлышко разбитой бутылки, к моему ужасу, вошло ему в шею, разрезав сонную артерию. Кровь брызнула ярко-алым фонтаном, но, падая на снег, неожиданно становилась черной, словно впитывая в себя весь свет вокруг. Мир вокруг меня сжался до размеров игольного ушка, выцвел и схлопнулся в ничто.

Пробуждение было мучительным. Каждая клеточка моего организма стала чужой и взрывалась невыносимой болью. Онемение и холод ощущались во всех частях тела, которое сейчас отказывалось отвечать на мои требования подняться, словно принадлежали кому-то другому. Оно настойчиво, молило о покое для восстановления сил, и я поддался, провалившись в тяжёлый сон, полный кошмаров.

Сначала я, или, быть может, не я, был ребенком. Потом - черно-белым кинофильмом - промелькнуло короткое детство, отрочество, учеба в какой-то академии. Во сне я проживал чужую жизнь: видел, как чистый, светлый ребенок превращался в подлого и расчетливого мага, не гнушавшегося ничем ради собственного благополучия и карьерной высоты. Но, как известно, сколько веревочке ни виться, а расплата за подлость настигает каждого. «Товарищи»

Алкеса, сочтя его опасным конкурентом, подложили свинью в виде доноса королевскому прокурору. Схваченного мага бросили в допросную тюрьму, а после короткого суда обвинили в измене престолу и приговорили к смертной казни через четвертование.

Я, наверное, так и лежал бы дальше, тихо сходя с ума от осознания того, какая участь уготована мне в этом мире реального фэнтези, но чей-то хриплый голос властно потребовал подняться, пригрозив в противном случае физической расправой. Я переждал секунду, другую, с трудом разомкнул тяжелые веки и рывком попытался приподняться на локте. Но навалившаяся слабость вновь уронила моё тело на холодный каменный пол. Через мгновение со скрежетом лязгнул замок, заскрипела дверь, разорвав глухую тишину камеры. Я услышал шаги неизвестных. Один из них склонился надо мной и проверил пальцами пульс на шее.

- Как он? - раздался хриплый старческий голос.

- Помирает, господин, - проговорил второй, молодым голосом.

- На, влей ему в рот. Должно помочь.

- Господин! - в голосе молодого прозвучало неподдельное изумление. - Зачем смертнику эликсир «Дыхание звезд»?

- Я хочу, чтобы он выглядел здоровым и полным сил перед казнью, - отрезал старик.

Меня приподняли, и в рот полилась горькая, с полынным оттенком жидкость. Она огненной волной прокатилась по горлу, вспыхнула в желудке и ринулась по жилам, жарким цунами пробуждая измученное тело к жизни.

Энергия бешено закружилась в крови, но голова по-прежнему отказывалась думать, а тело оставалось физически слабым. Не смотря на огромное желание вскочить и разобраться, где я нахожусь. Я был не в состоянии шевелиться или задавать вопросы.

- Ёлы-палы, Алкес, поднимайся, - произнес обладатель хриплого голоса. Не дождавшись реакции, добавил: - Тебе принесли сытный завтрак.

Они потоптались вокруг меня некоторое время, затем, не сказав больше ни слова, вышли, не забыв закрыть за собой скрипучую дверь.

Через часик я, кое-как оклемавшись, снова приподнялся и огляделся. В темноте поначалу не разглядел ничего, кроме сырых каменных стен, покрытых светящейся зеленоватой плесенью. Потолок был слишком низким. Я попробовал толкнуть дверь - безрезультатно. Ручки с внутренней стороны не было, зацепиться было не за что.

- «Замуровали... замуровали, демоны!» - пробормотал я, не узнавая собственного голоса.

- «И крест животворящий не помог...» - некстати всплыла в памяти фраза из любимого фильма отца.

Положенная мне, как приговорённому к смерти последняя трапеза стояла на столе для осуждённых, но я не смог заставить себя съесть ни кусочка. Пить хотелось невероятно сильно, и я большими глотками выпил из деревянного бокала разбавленное кислое вино с лёгким неприятным привкусом ржавого железа. Лёгкое алкогольное опьянение чуть-чуть закружило голову и помогло с презрением отогнать путанные панические мысли. Разозлившись на собственную беспомощность, я подошёл к двери и с силой ударил кулаками в деревянную дверь. Глухой звук дерева и боль в руке подтвердили: это не сон.

- Попал ты, Алексей Владимирович! - подумал я. - Непонятно где, непонятно как, а оказался в каменной одиночке, напоминающей карцер для особо опасных преступников. Выпрямиться в полный рост здесь было невозможно. На шее - странный ошейник, на руках - кандалы, из одежды - лишь длинный плотный халат на голое тело.

Я принялся общаривать камеру в поисках тайника и нашел под столом заточку, изготовленную в виде шила. Она была воткнута в зазор между камнями, и я обнаружил ее только потому, что в полумраке она слабо мерцала синеватым светом. Клинок оказался необычным: им можно было царапать камень. Я тут же выскреб под столом: «Здесь был А. В. Воробьёв. Томск».

Да, я - Воробьёв Алексей Владимирович, родившийся первого марта двухтысячного года. Меня называли в честь героя-десантника, погибшего в Аргунском ущелье.

- Гордись, сын, - говаривал мне отец, - и носи имя с честью. В день твоего рождения восемьдесят четыре бойца вписали себя в вечность. Узнав об их подвиге, я вновь поверил в Россию.

С раннего детства отец отдал меня в военно-патриотический клуб, где из меня выращивали здорового, патриотически настроенного гражданина. Летом я отправлялся на сборы в «Томскую Заставу»: мы жили в палаточном лагере в лесу, нас учили русскому боевому искусству, навыкам военных разведчиков, метанию ножей в ростовую фигуру. Устраивали маршброски, традиционные вечерки с пением у костра. Но главным, ради чего родители отпускали нас в эти леса, были прыжки с парашютом и дайвинг.

Все эти воспоминания хлынули обратно, когда, пытаясь расковырять замочную скважину ошейника заточкой, я нечаянно порезался и залил клинок кровью. По мозгам словно ударило током. Память прочистилась, раздвоенность исчезла. В голове тут же вспыхнуло множество планов - от самого дерзкого, прорваться с боем, до совершенно абсурдного, вроде жалобы генсеку ООН. Я даже рискнул пофантазировать, как, подобно аббату Фариа, проложу путь к свободе.

Но трезвый рассудок быстро охладил пыл. Осознав бесперспективность фантазий, я спрятал заточку в подкладку халата - как раз вовремя: за дверью раздались приглушенные шаги, в замке проскрежетал ключ, лязгнул засов.

За мной пришли. Двое орков. Зеленокожие, длиннорукие, с крупными головами и чудовищными, выступающими челюстями. В руках - дубинки. Задавать им вопросы я не стал - под их прочными черепами, должно быть, было слишком грустно, чтобы понимать шутки.

Орки, следуя чуть позади и подгоняя щедрыми толчками, провели меня узким тюремным коридором. Выходная дверь скрипнула, как древняя старуха, и выпустила нас во двор, на свежий воздух.

Я вздрогнул от неожиданности.

Судя по солнцу, небу и облакам, я все еще был на Земле. Но все остальное - архитектура, деревья, трава, двуногие существа - было чуждым, неправильным. Я онемел, остоленел. И тут же получил увесистый удар дубинкой, сбивший меня с ног. Орки не стали ждать, пока я поднимусь: бесцеремонно схватили за локти и швырнули в сундук, стоявший на телеге.

Вот там, в ящике, окованном железными полосами, меня окончательно проняло. Если до этого я еще мог отрицать информацию, хранящуюся в памяти об этом мире, то теперь реальность сна наконец обрела плоть. Я *вспомнил*. Знал об этом мире всё: расы, названия деревьев, зверей, государства, политические течения. В этом мире я был магом, Алкесом Великолепным. Зазнайкой и хвастуном. Тем, кто не прощал ни малейшей обиды.

Мозг, помимо моей воли, уже плел проклятие для ударивших меня орков. Их спас только поглотитель магии, оформленный в виде ошейника на моей шее. Или не спас? Даже сквозь толстые доски я услышал, как один из зеленокожих, громко рыча, яростно чешет спину.

Телега тронулась. Колеса застучали по мостовой, снаружи послышался еле уловимый шум улицы. Вскоре гул усилился, и чей-то визгливый голос выкрикнул:

- Смотри! Смертника на казнь везут!

Его тут же поддержали десятки других голосов, слившихся в невнятный, звериный рев.

Ящик открыли. Передо мной предстала площадь, запруженная народом. Люди стремились протолкнуться поближе к эшафоту, который казался островом, омываемым живыми людскими волнами. Стражники в начищенных латах, с короткими мечами, теснили толпу, расчищая узкий проход.

- Смерть изменнику! Смерть! - донесся чей-то одинокий выкрики, и толпа подхватила его, взревев единой глоткой.

- И все они жаждут моей смерти? - тихо спросил я у самого себя, спрыгивая с телеги и взглядываясь в лица, искаженные жадой зрелища.

Орк, не выдержав моего замешательства, решил подтолкнуть меня кулаком. Я ждал этого. Чего смертнику бояться. Ловко уклонившись, нанес отработанный множество раз удар в правое подреберье, усиленный энергией. Орк тяжело охнул и мешком рухнул на мостовую. Публика, получив новое развлечение, довольно взревела.

Второй орк зло взмахнул дубинкой, но промахнулся. Я же, подобрав с мостовой выпавшую из руки первого орка дубинку со всей силы ударил его по коленной чашечке. Толпа взорвалась радостным воплем. Похоже, орков здесь не любили. Точку в моем поединке поставил булыжник, прилетевший из толпы и угодивший зеленокожему прямо в голову.

Но не успел я порадоваться победе, как меня окружили стражники - восемь человек с мечами наголо. Из-за их спин вынырнул невысокий старичок с небольшой седой бородкой и удивительно небесно-голубыми глазами. Он смело подошел ко мне, и я узнал хриплый голос, звучавший в камере.

- Алкес, не сопротивляйтесь, - сказал он тихо, но твердо. - Сейчас государь призовет смертников на службу. Сделайте шаг вперед и король помилует вас. Выполните его задание и будете свободны.

Я взглянул в его глаза и узнал. Это был Рух Правдивый, получивший свое имя за честность, о которой ходили легенды.

Я кивнул и направился к лестнице, ведущей на эшафот. На помосте стояли осужденные: десять - с левой стороны, трое - с правой. Повинуясь приказу стражника, я встал справа от лестницы. Десять бедолаг напротив едва держались на ногах. Жестокие пытки не прошли для них даром. Те же, кто стоял в моей группе, выглядели удрученными и поникшими, но, как и я, были полны сил.

Из королевской ложи король махнул платком, отдавая приказ начинать. Помощники палача - оба в красных балахонах, скрывавших лица, с узкими прорезями для глаз - принялись хватать приговоренных слева и одного за другим волочить на эшафот. Сильным тычком ставили на колени, и быстрый взмах топора под улюлюканье толпы обрывал жизнь.

Меня пробирал озноб всякий раз, когда голова очередного казненного скатывалась в корзину. Моя очередь становилась все ближе. Хотелось бежать, кричать, вопить - но я стоял, вцепившись в остатки самообладания, и ждал.

На эшафот пригласили всех четверых. Вместе с нами поднялся королевский глашатай, развернул огромный пергамент с красной восковой печатью и потребовал тишины. Когда шум стих, он зачитал приказ о помиловании.

- Помилованным предоставить выбор, - голос герольда прогремел над площадью: - Каменоломни или королевская служба на благо государства!

Он повернулся к нам.

- Желаящие послужить королю - два шага вперед!

Не сговариваясь, мы все четверо шагнули вперед. Тут же к нам подскочил Рух и молодой человек в мантии ученика мага. Они достали из кожаного тубуса пергамент с магической печатью, черный кинжал с рукоятью из белого императорского нефрита и огромным изумрудом в навершии.

- Стандартную клятву знаете?

Мы кивнули, понимая, что выбора все равно нет.

Первым вышел невысокий, невероятно широкоплечий обладатель всклокоченной рыжей бороды. Он уверенно взялся за тонкое, украшенное золотистыми рунами лезвие.

- Я, Тинбалбен Дубовая Голова, клянусь кровью своего рода верно служить Его Величеству Самизену Второму и ни словом, ни действием, ни мыслью не причинить ему вреда.

Кинжал окрасился кровью по всей длине, несколько капель упало на черную печать. Кровь зашипела, словно на раскаленной сковороде, и исчезла. Рух довольно кивнул.

Вторым выступил долговязый верзила с длинным носом.

- Я, барон Иероним фон Лугис из Тазенхила, клянусь...

Третий был худ и неприметен, он вызывал у меня наибольшее опасение. Такими бывают самые безжалостные убийцы. Китаец, ткнувший меня ножом в том, другом мире, выглядел так же.

- Я, охотник Боген из Ронхила, клянусь...

Настала моя очередь.

Я внимательно прочел пергамент. Красивым почерком, с королевским вензелем, был написан указ о помиловании. В постскриптуме амнистированным повелевалось отыскать в горах Алтаида редчайший артефакт - «Око Провидения», обладающее способностью предсказывать будущее. С помощью этой ценной вещи король надеялся избавить государство от всех бед и привести к процветанию. А посему Самизен Второй высочайше повелевал отыскать и доставить! Иначе - голову с плеч долой! Восклицательный знак в конце говорил об огромной заинтересованности короля. Но сроков в указе не значилось. Искать артефакт можно было хоть тысячу лет - и это меня вполне устраивало. Как говаривал Ходжа Насреддин в похожей ситуации: «За эти годы кто-нибудь из нас уж обязательно умрет - или я, или падишах, или этот ишак».

Я сжал холодный металл кинжала.

- Я, Алкес Великолепный, клянусь кровью своего рода выполнить поручение моего короля Самизена Второго в срок и ни словом, ни действием, ни мыслью не причинить ему вреда.

Острый клинок взрезал кожу, и ладонь обожгло холодом, словно я коснулся металлического прута на пятидесятиградусном морозе. Тонкая струйка крови брызнула на пергамент и на глазах впиталась в печать.

Рух, бросив на меня быстрый взгляд, недовольно поджал губы - вольная трактовка клятвы ему явно пришлась не по вкусу. Но он промолчал.

Казнь откладывалась. Игра начиналась.

ЗА СУТКИ ДО ЭТОГО СОБЫТИЯ.

Самизен Второй, король Королевства Одиннадцати Рек, в негодовании мерил тайную комнату дворца широкими шагами - взад и вперед по толстому ворсистому ковру, чьи узоры, изображавшие древних героев в битве с драконами, словно оживали под его сапогами. Час назад наглый посланец из империи посмел угрожать Ему - Владетелю Вселенной, прямому потомку бога Раки!

- Мой Император Анри II Ласкарис, - ухмыляясь уголком рта, чеканил дипломат, - заключил с Вашим королевством договор и выплатил аванс за десять лет вперед. Вы, как наследник, вступив во владение королевством, приняли обязательства своего отца. И что же мы узнаем?! Через два дня артефакт «Цветок Ангела» откроет ущелье, а вы до сих пор не начали формировать отряд разведчиков-искателей.

Голос дипломата был сладок, как патока, но в каждом слове чувствовалась сталь.

Хочу Вам напомнить: если Вы не выполните условия договора, моему Императору отойдут два Ваших баронства, открывающие доступ к Ущелью, - Морулус и Бревис.

Король резко остановился у окна, сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Больше всего Самизена II раздражало то, что шесть лет назад он сам уговорил отца подписать этот договор. Тогда, полный амбиций, он искренне считал его выгодным. Собственно, вначале так и было.

Первый отряд «искателей», отправленный в Мертвый город, действительно принес в казну королевства приличный доход: маги сами платили за проход, надеясь на богатые трофеи, а королевство лишь открывало ворота.

Аванс был потрачен на строительство нового дворца и череду увеселительных балов - блистательные, шумные, с фонтанами из вина и фейерверками, озарявшими ночное небо всеми цветами радуги. Их до сих пор с придыханием вспоминали придворные дамы.

Между тем из ушедших магов, в Мертвый город, никто не вернулся.

Второй отряд, отправленный на поиски через год, растворился в ущелье так же бесследно. Третий состоял сплошь из высокооплачиваемых профессиональных наемников - их исчезновение обошлось казне в круглую сумму. После этого желающих испытать судьбу резко поубавилось.

Теперь, когда прошло шесть лет, наступил кризис. Все боевые маги, способные хоть как-то противостоять древним ужасам Мертвого города, еще в прошлом году сбежали из королевства. Казна была пуста, министры лишь разводили руками, и даже последние идиоты понимали, что, империя затягивает петлю.

Тихо скрипнула, открываясь, потайная дверь. Цветастые гобелены на стенах колыхнулись, пропуская порыв сквозняка, и в комнату, не дожидаясь приглашения, вошел архимаг Рух Правдивый. Его небесно-голубые глаза, обычно ясные и спокойные, сейчас были прищурены, а седая борода топорщилась в разные стороны - верный признак того, что старик провел без сна не меньше, чем сам король.

- Вам удалось найти добровольцев среди наших отважных магов? - Король шагнул навстречу, не в силах скрыть нетерпения.

Рух остановился, поправил завернувшийся рукав мантии и с мрачным спокойствием человека, ответил:

- Ёлы-палы, внучек, - хрипловато рассмеялся архимаг, - ну где ты видел отважных бытовиков? Они богаты, трусливы и расчетливы, как ростовщики. Все без исключения предложили хорошие откупные, и я... согласился.

Самизен Второй, услышав это, от злости и досады скрипнул зубами. Гнев подкатил к горлу горькой волной, но он приложил усилие, чтобы со злости не запустить тяжелым подсвечником, стоящим на столе, в стену. Баронства и последние деньги, уплывали сквозь пальцы, а взамен он получал лишь трусливое бездействие.

- Тише, тише, - Рух поднял сухую ладонь, и в его голосе прорезались успокаивающие нотки, которыми он, бывало, умирал норовистых учеников. - Не волнуйтесь, Ваше Величество. В этот раз я решил проблему с отправкой отряда в Мертвый город.

- Кто же из магов согласился его возглавить? - спросил он с таким сарказмом, что слова можно было намазывать на хлеб.

- Ни один из них по доброй воле не согласился, - признал Рух без тени смущения. - А возглавит отряд любимчик столичного бомонда - Алкес Великолепный.

Король на мгновение замер, не веря своим ушам, затем изумленно выдохнул:

- Рух, так он маг «совершенствования тела», - удивился Его Высочество. - Как боевой маг Алкес, полный ноль! Его самые большие успехи, были лишь у дам и девиц высшего общества. Ты хочешь отправить в Мертвый город прожигателя жизни?

- Он прошёл ритуал Чокнутого Деуса! - весело произнёс архимаг.

Тишина повисла тяжелая, как надгробная плита. Король медленно опустился в кресло.

- Да, но ты сам говорил, что выжить после него невозможно, - возразил король, хмуря брови.

- Я понятия не имею, как он выжил, - в голосе архимага впервые прозвучало искреннее недоумение. - Это противоречит всему, что мы знали до сих пор о природе магии. Но факт остается фактом, сейчас его магические каналы способны пропускать через себя огромное коли-

чество маны. Поставь такого на острие удара с подпиткой из мощного источника магической энергии, и победа у тебя в кармане.

Рух сделал паузу, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на сожаление.

- Жаль терять такого мага, - добавил он тише. - Но после ареста и приговора, доверять ему мы не можем. Он с такой мощью легко может переметнуться к имперцам.

Король прикрыл глаза. В его голове быстро прокручивались варианты, соображения выгоды и риска.

- Ты хочешь сказать, - спросил он, наконец, чеканя каждое слово, - что имперцы, после проверки его силы магическим зрением, не предъявят нам претензий, как в прошлом году? Они ведь в чуть тогда не разорвали договор, обнаружив при проверке, что наш «главный маг» едва способен создать пару файерболов.

- Какие претензии? - в голосе Руха прорезалась едва заметная усмешка. - У Алкеса после приема эликсира «Дыхание звезд» аура будет во много раз мощнее моей. Представьте себе замешательство имперцев, когда они обнаружат в нашем, как они считают, загнивающем королевстве могущественного молодого мага. Они не посмеют тронуть нас, пока не разберутся, в чем секрет.

Король медленно кивнул, встал, подошел к висящей на стене карте. Провел пальцем по изгибам горных хребтов, остановился на черной точке, обозначающей вход в Мертвый город.

- А если он вернется? - спросил он, не оборачиваясь. – Живой, и с артефактом?

- Тогда, - Рух помолчал, прежде чем ответить, - у нас появится, очень злой на нас маг, прошедший ритуал, которому нет равных, и обладающий силой, способной потрясти основы этого мира. Но, - добавил он, и в голосе его прозвучала жестокая честность, - Я уже говорил, что после ритуала Чокнутого Деуса долго не живут! Через месяц или два, произойдет разрушение души и тела. Алкес сгорит от выплеска бурлящей в его магическом ядре энергии.

- Хорошо, - наконец произнёс король. - Действуй. Но помни, если что-то пойдёт не так, отвечать будешь ты.

Рух склонил голову:

- Разумеется, Ваше Величество. Я всё подготовлю. К завтрашнему утру отряд будет сформирован.

Глава 2. Из огня да в полымя.

Чёрный маг, безумный гений
Смерти эликсир решил создать.
В мрачном замке привидений
Кто ему сумеет помешать?
Ночь царит над землёй,
Где найдётся герой?
Чёрные руки жестом умелым
Ловко сплетают смерти мотив,
Но Белый Сокол молнией белой
Тучи разгонит, жизнь возвратив!
(Эпидемия - Белый сокол)

Через полчаса мы навтыжку стояли перед архимагом в комнате с позолоченной лепниной на потолке, поблёскивающей в мерцающем свете магических светильников. Их мягкий, переливающийся свет отбрасывал причудливые тени на стены, увешанные портретами древних магов и гобеленами с батальными сценами. За гобеленом, на котором искусные мастера выткали сцену охоты на единорога, я уловил тихое шуршание и приглушенное постукивание оружия. Всё понятно, стража. Готовая по первому знаку Руха наброситься на нас и, недолго думая, прикончить прямо здесь.

- Бунтари, изменники, ёлы-палы... - несколько холодно начал Рух. Его голос звучал ровно, но в глазах читалась стальная решимость. - Будете меня слушаться, значит, ещё проживёте и может будете богаты. Садитесь.

Он жестом показал на табуретки у стола, приглашая сесть, и следом опустился в кресло сам. Стол, за которым он сел, был массивным, изготовлен из тёмного дуба и украшен инкрустацией в виде магических защитных символов. Я был уверен, что они были сделаны не только для украшения.

- Итак, - продолжил он, когда тишина стала почти осязаемой. - Вы уже поняли, что я магистр тайной канцелярии Его Величества и уполномочен Самизеном Вторым поручить вам задание, от которого нормальные разумные предпочли отказаться. Ваша задача спуститься в Мертвый город Чернобад, что в горах Алтаида, и принести оттуда артефакт «Око Провидения».

Он сделал паузу, давая нам осознать услышанное.

- Обворовывать мертвых - дело, конечно, не самое благовидное, - добавил он с тенью усмешки. - Но выбора у вас нет. Король приказал, вы выполнили.

Рух сделал длинную паузу, и обвёл нас внимательным, оценивающим взглядом.

- Вам повезло: недавно в архиве нашли карту, где указано точное нахождение артефакта. Прошлые экспедиции ушли вслепую, не имея практически никаких сведений. Кроме того, на ваш отряд выделены припасы, защитные амулеты и деньги на снаряжение. Завтра утром проводник вас проведёт до ущелья «Двенадцати Призраков». У меня всё. Можете задавать вопросы.

Он откинулся на спинку кресла, вопросительно глядя на нас.

- Скажите, - голос барона Иеронима фон Лугиса прозвучал неожиданно твердо, вопреки его тощей, нескладной фигуре, - как, имея такой артефакт, погиб город? Разве «Око Провидения» не должно было предотвратить катастрофу?

- Исследователями древности выдвигались разные версии произошедшего, - неспешно начал Рух, сплетая пальцы рук. - Последняя гипотеза магов-архивариусов наиболее правдоподобна и, если можно так сказать, логична. Виной всему - сам артефакт «Око провидения».

Он помолчал, собираясь с мыслями.

- Темный правитель подземного королевства, как гласят хроники, в очередной раз заглянул в «Око» и увидел там свою скорую безвременную кончину. Испугавшись смерти, он провёл запретный ритуал тёмной магии с выделением колоссального выброса некротической энергии.

В итоге правитель переродился в лича, а вместе с ним в нежить обратился и весь город. Могу рассказать и романтическую версию, если желаете.

- Не стоит, - буркнул гном за всех нас, спрятав свой взгляд под густыми бровями, что нависли над глазами как скальные козырьки.

- Разрешите? - Я решил, что пришло время прояснить главное, что меня волновало. - В академии магии нам рассказывали, что пройти через ущелье невозможно. Как мы должны...

- Не переживайте, - перебил меня Рух с таким видом, словно успокаивал капризного ребенка. - Вас проведут и встретят на обратном пути. Если, конечно, вы вернетесь живыми. Но возвращаться лучше через стационарный городской портал. На карте он обозначен. Для его работы нужно установить заряженный кристалл-накопитель маны и указать координаты. За эту работу вам будет выплачено отдельное вознаграждение.

Рух открыл ящик стола и вынул четыре небольших кожаных мешочка и бросил каждому в руки. Мешочки приятно оттягивали ладонь - в них лежали обещанные деньги и амулеты.

- Здесь обещанные королем деньги и амулеты. Карта одна на всех - берегите ее пуще глаза. Дальше будете общаться через моего ученика Ариана. Свободны.

Мы уже начали подниматься, когда я снова подал голос. Пальцы сами потянулись к проклятому ошейнику, давившему на шею холодным металлом.

- Разрешите? - вновь я обратился к магистру и показал ему на свой ошейник. - Прикажете снять негатор магии, иначе я бесполезен в походе.

Рух прищурился, изучая меня с каким-то новым, почти хищным интересом. Затем, не говоря ни слова, протянул руку, коснулся перстнем ошейника, и мир взорвался.

Боль пронзила тело, острая, колющая, словно тысячи иголок вонзились в кожу. Но она тут же сменилась неимоверной сладостью во всём теле. Одновременно с этим по телу начали струиться потоки магии - тёплые, живые, пульсирующие. У меня закружилась голова, но это было не от слабости, а от внезапного прилива силы. Пришло необычное ощущение могущества, а мир засверкал новыми красками: разноцветными потоками магической энергии, пересекающимися в воздухе, сияющими нитями ауры вокруг живых существ, мерцанием камней и деревьев. Я мог их видеть. Мог чувствовать.

- Ёлы-палы, - хихикнул магистр, и в его голосе прозвучало искреннее, почти мальчишеское изумление. - Ничего себе как тебя торкнуло. Да, чуть не забыл, - он бросил на стол кованный серебряный перстень с потускневшим от времени камнем. - Возвращаю родовой перстень вашей семьи. Похоже, он пригодится.

Меня корёжило ещё часа четыре, как я мысленно окрестил это состояние. Магические потоки бушевали внутри, не желая укладываться в привычные каналы, а тело медленно привыкало к новой силе. Мышцы то сводило судорогой, то расслабляло до приятной неги. Но это не помешало мне разрабатывать маршрут вместе со всеми, пусть и приблизительно, а затем отправиться на рыночную площадь, купить лошадей: по одной вьючной и по одной верховой каждому. Деньги в мешочках оказались золотыми, и мы пустили их в оборот со всей щедростью людей, которым, возможно, больше никогда не придется тратить монеты. Приобрели припасы, веревки, факелы, защитные амулеты (те, что выдал Рух, внушали смутное сомнение), и к концу дня кошельки наши основательно отощали.

Завершили день в трактире. Мы отметили свое спасение так, как умеют только люди, только что глянувшие смерти в лицо. А потому пили много, говорили громко и, кажется, даже смеялись - истеричным, рвущимся наружу смехом. Именно там, за грубым дубовым столом, мы приняли коллективное решение: гнома по прозвищу Дубовая Голова в следующие вылазки в город с собой больше не брать.

Мало того, что он выпил два из трёх огромных кувшинов старого выдержанного вина. Так он съел почти всё мясо, устроил грандиозную драку с местными возчиками из-за, как мне тогда показалось, неверно приятного комплимента их родственнице и едва не разгромил заведение.

Трактир и наши кулаки нам было не жалко. А вот деньги, которые пришлось выложить трактирщику за разбитую мебель, наутро мы гному припомнили с особой тщательностью.

Утро встретило нас серым небом и суетой у складских ворот. Получив припасы - мешки с сухарями, вяленое мясо, крупы и бурдюки с водой, - мы основательно пообедали и тронулись в путь.

Я, покопавшись в обрывках памяти Алкеса, запустил золотистую искорку магического поисковика, настроив его на обнаружение любых человекоподобных существ. Искра затрепетала в воздухе, послушно закружилась вокруг, и я, почувствовав прилив уверенности, занял место в авангарде рядом с проводником. Ехать по дороге предстояло долго, и если есть возможность не глотать пыль в задних рядах, почему бы ею не воспользоваться?

Проводник оказался молчаливым типом с обветренным лицом и внимательными глазами, которые, казалось, видели все, но предпочитали не высказываться. Дорога вилась среди невысоких холмов, поросших колючим кустарником, и к вечеру мы добрались до сторожевого поста - двух километров не доезжая до ущелья «Двенадцать Призраков».

Пост представлял собой полуразрушенную каменную башню с остатками крыши и провалившимся полом на втором ярусе. Мы расположились на ночлег, быстро перекусили, и я, оставив товарищей заниматься лошадьми, принялся за главное - защиту.

Снова покопавшись в обрывках памяти Алкеса, я с помощью родового перстня установил сторожевые заклития, натянул сигнальные струны, возвел силовой щит, а поверх всего наложил иллюзию, скрывающую наш лагерь от случайных взглядов. Сердце колотилось где-то в горле: не дай бог кто-нибудь из спутников увидит, что я на самом деле полный профан в магии.

Начал с простейшего - с огонька-светляка. И тут выяснилась странная закономерность: если я накладывал заклятие на автомате, не задумываясь, доверяясь не памяти, а какой-то древней, вплавленной в тело Алкеса привычке, - все получалось. Светляк послушно загорался, струны натягивались как надо, щит держал форму.

Но стоило мне начать вспоминать формулу, разбирать ее по составляющим, как мана шла прахом. Или того хуже - из пальцев вылетало нечто совершенно невообразимое. Как там, у Леонида Дербенёва? «Сделать хотел грозу, а получил козу, розовую козу с желтой полосой...»

Я усмехнулся собственным мыслям и решил больше не умничать. Пусть тело делает то, что умеет, а голова пока помолчит.

Ночь прошла спокойно. С утра мы наполнили все бурдюки, проверили подпруги, задали овса лошадям и на заре уже стояли у входа в ущелье.

Встретило оно нас тишиной. Не просто тишиной - звенящей, гнетущей, какой-то неправильной пустотой, которая давила на уши, заставляя слышать собственный пульс. Судя по настороженным лицам товарищей, мрачные скалы, нависавшие над расщелиной, словно занесенные для удара каменные молоты, не приглянулись никому. Даже гном, обычно брюзжащий по любому поводу, молчал и только теребил бороду.

Мы выстроились на узкой тропе парами. Проводник, подняв над головой артефакт, засиявший тревожным розовым светом, двинулся первым. Серое свинцовое небо, казалось, опускалось все ниже, придавливая к земле, создавая мрачную, мистическую атмосферу, от которой

по спине полз холодок. Мои волосы на голове стали дыбом, когда я ощутил чей-то потусторонний пристальный недобрый взгляд. Я повертел головой, выискивая его. Но так никого и не обнаружил.

Вскоре на нас опустился туман. Он выползал из расщелин, из-за камней, из-под копыт лошадей - густой, липкий, осязаемый, словно сотканный из чьих-то кошмаров. Видимость упала до десятка шагов. Пришлось сжать строй еще плотнее, так, что я чувствовал дыхание лошади гнома за своей спиной. Вьючные лошади сбились в кучу, встревоженно прядая ушами и косясь в белый туман налившимися кровью глазами.

До безумия хотелось ударить шпорами, сорваться в галоп, проскочить, пролететь это проклятое место, но в таком тумане даже рысь была бы самоубийством.

Новый всплеск тревоги. Я поднял голову и увидел их. Полупрозрачные, грязно-белесые тени кружили в вышине, то смыкаясь в плотный рой, то рассыпаясь в стороны. Зловещую тишину разорвал шепот, неразборчивый, многоголосый, идущий отовсюду и одновременно ниоткуда. Он звучал прямо в голове, заставляя кровь стынуть в жилах, а руки тянуться к оружию, хотя я был уверен, что против бестелесных призраков меч бесполезен.

Артефакт в руках проводника, словно почувствовав наш ужас, вспыхнул ослепительно-белым светом. Луч ударил вверх, в самую гущу теней, и они с отвратительным, режущим по нервам криком шарахнулись в стороны, растворившись в тумане.

В тот же миг подул ветер. Его порыв взбудоражил высокие заросли травы и разогнал туман, разметал его по щелям, открывая чистое небо. Голубизна ярким насущенным цветом разлилась над нами, и мир снова стал почти обычным.

Проводник махнул рукой, указывая на выход из ущелья, и, не говоря ни слова, развернул коня и поскакал рысью назад. Его фигура быстро удалялась по тропе, и вскоре стук копыт затих вдали.

Мы проводили взглядами проводника, пока тот не скрылся в туманной дымке. После чего, как по команде прищипорили коней. Копыта коней стучали по каменистой тропе громче и чаще, словно отбивая дробь собственного страха. Высокие скалы, похожие на исполинские сторожевые башни, сомкнулись почти вплотную, нависая над нами с обеих сторон, заставляя инстинктивно вжимать голову в плечи. Дорога нырнула под высокую арку, вырубленную в красном камне, из которой, как из зева древнего чудовища, клубился туман. Мы замерли перед ней, повинувшись не разуму, а древнему, животному инстинкту. За этой аркой чувствовалась сила, чуждая и враждебная всему живому. Она струилась из проёма, как холодное дыхание могилы. Но выбора не оставалось. Мы рванули рысью, пересиливая страх, и вылетели на простор.

За аркой открылась обширная пустошь, усеянная мелким, чахлым кустарником. Земля здесь была выжженной, серой, словно кто-то однажды пролил на нее огонь, и с тех пор ничто не могло прорасти по-настоящему. Я бросил взгляд назад: скалы ущелья смыкались за спиной, оставляя лишь узкую щель, из которой мы только что вырвались. В ней все еще клубился туман, но он не решался выходить наружу, словно наткнулся на невидимую границу.

Отъехав на безопасное расстояние, мы спешили на довольно обширной площадке, свободной от растительности. Здесь, на голой земле, нас не могли подслушать, разве что ветер, но ветру, как известно, чужие тайны ни к чему.

- Что ж, - голос барона Иероним фон Лугис прозвучал на удивление спокойно. - Кажется, обратной дороги у нас больше нет.

Гном сплюнул сквозь зубы.

- Не было её и с самого начала, - буркнул он и первым соскочил с коня.

Я оглянулся на сузившуюся щель, из которой мы только что выехали. Скалы сомкнулись за спиной, словно стражи, которым было поручено всех впускать и никого не выпускать. Для

нас осталась только одна дорога. Вперёд. В Мёртвый город Чернобад, который за шесть лет собирал богатую жатву людских душ и, судя по всему, не он не собирался останавливаться.

- Господа! - начал я, едва мы сбросили поклажу с выючных лошадей. Голос мой прозвучал, из-за эмоционального напряжения, слишком громко в этой давящей, почти осязаемой мертвой тишине. - Надеюсь, все понимают, что послали нас на смерть.

Барон и охотник переглянулись. Гном, занятый подпругой своего пони, даже не поднял головы.

- Во-первых, - продолжал я, загибая пальцы, - здесь сгинуло уже больше пяти отрядов. И каждый из них был мощнее и многочисленнее нашего. Во-вторых, на магический выброс артефакта, который позволил нам пройти через ущелье, в скором времени непременно пожалует нежить. Всех мастей и видов, без разбора. В-третьих, - я обвел рукой наш отряд, - в налиции имеются: маг, недавно окончивший академию, лучник, вор и гном. Прекрасный набор для балаганного представления, но не для путешествия в логово Темных.

Я сделал паузу, давая немного времени осознать, всё сказанное мною.

- В отправленных ранее отрядах обязательно был некромант. Каждому члену команды выдавали атакующие и защитные амулеты для борьбы с нежитью. А у нас что? - Я развел руками. - Думаю, как и меня вас мучает один и тот же вопрос: что делать? Как выжить?

- Ха-ха! - Барон Иероним откинул голову, не дал мне продолжить мою речь, демонстративно хлопнул себя по колену, и смех его прозвучал в мертвой тишине пустоши резко, неестественно. - Молодой маг хочет показать, что он самый умный?

- Он будет очень умным, - подхватил Боген, и в его голосе я ощутил желание поиграть со мной в кошку с мышкой. Не спеша, с ленцой, он вытащил из ножен кинжал с тёмным лезвием, на котором тускло блеснули вделанные в сталь руны. - Если отдаст нам всё, что имеет. И тогда, быть может, мы его отпустим на все четыре стороны, живым.

Угроза прозвучала недвусмысленно. И я решил показать, что они ошиблись, приняв меня за мальчика для битья.

Я поднял левую ладонь к плечу, собирая магию. Между пальцами вспыхнул крохотный светло-голубой файербол, шарик пульсирующий энергией, как живое сердце. Одновременно правая рука выдернула из ножен палаш с развитой гардой и тускло поблескивающими амулетами на корзинке. В голове пульсировала одна мысль: как не вовремя они решили устроить мне проверку! Час-другой, и здесь от нежити не протолкнуться, а мы в это время будем рвать друг другу глотки.

Смех смолк. Барон Иероним смотрел на меня зло, и в его глазах до этого смотревших на меня пренебрежительно, как в котле над жарким огнем, закипала ненависть.

- Какой грозный маг! - процедил он сквозь зубы. - Думаешь, твоя магия тебя спасет?

Я вгляделся в его лицо, не понимая, что я им сделал. Час назад мы вместе пили вино, пусть и без особой душевности, но хотя бы не резали друг друга. Краем глаза скошил на гнома. Если и он ввяжется в драку против меня, то против троих подготовленных боевиков мне не выстоять. Но к моему облегчению, Тинбалбен Дубовая Голова, как ни в чем не бывало, уводил лошадей подальше от места, где вот-вот должна была начаться схватка.

Стоило мне отвлечься на этот короткий миг, и я едва не поплатился за это.

Охотник Боген уже двигался по широкой дуге, заходя слева, пытаясь напасть на меня с фланга. А барон вскидывал лук, направляя его на меня. На тетиве заряжена стрела со странным, мерцающим бледно-зеленым наконечником. Точно зачарованная. Все оказалось гораздо хуже, чем я предполагал. Меня не собирались грабить или запугивать. Меня сейчас хотели убить.

Времени на размышление, что делать не осталось.

Я наплатил файербол энергией из проходящей рядом красной силовой линии, поток бурлящей маны хлынул в заклинание, раздувая его, усиливая до предела, и метнул шар в сторону барона, одновременно выставляя перед собой магический щит и уходя с линии стрельбы.

Видимо, в спешке я что-то напутал, что для такого новичка, как я не мудрено.

Мой скромный огненный шарик раздулся до полуметра в диаметре, налился жаром, и в этот самый миг стрела барона вошла в его пылающую сердцевину. Взрыв ослепительной вспышкой разорвал пространство. Огненный вихрь, закрутившись с бешеной скоростью, поглотил барона фон Лугиса, окутал его с головой. Я не успел увидеть, что стало с ним дальше, потому что время кончилось.

Боген стремительно сократил дистанцию и с ходу, даже не попытавшись обойти мой щит, атаковал. Его сабля с нанесенными на лезвие рунами рассекла воздух и магический щит, а я едва успел подставить палаш.

Клинки столкнулись с гулкими металлическим звоном, и в месте их соприкосновения родились несколько ветвистых разрядов - ослепительных, похожих на молнии, бьющих в разные стороны. Пальцы на рукояти палаша скрючило судорогой, ноги подогнулись, и я рухнул на колени, не в силах удержать тело.

А вот охотнику Богену пришлось хуже.

Из его распахнутых глаз, из ушей и носа тонкими ручейками потекла темная, почти черная кровь. Тело конвульсивно изогнулось, дернулось, из открытого рта вырвалось предсмертное хрипение - и он замертво осел на землю, даже не успев, кажется, понять, что произошло.

Палаш выпал из онемевших пальцев. Я не удержал равновесия и кулем свалился набок, глотая ртом воздух, которого вдруг стало катастрофически мало. Тело и руку покрыли причудливые узоры, нарисованные разрядами, - они пульсировали, вызывая жжение, будто под кожу залили расплавленный свинец. Желудок скрутило тугим узлом, начало выворачивать изнутри. Я перекатился на бок, ожидая, что сейчас меня вырвет, но вместо этого вспомнил заклинание исцеления.

Слова лечебного заклинания сами, выплыли из памяти Алкеса, и я наложил их на себя, едва шевеля языком. Прохлада целительного восстановления разлилась по телу, щекотливая, мелкими приятными мурашками, и боль отступила, оставив после себя лишь тупую, глухую усталость.

- Вставай!

Требовательный голос гнома прозвучал где-то над ухом. Я приоткрыл глаза и увидел его сапоги, густо присыпанные дорожной пылью.

- Чего разлегся, как у жены под боком? - рявкнул он. - Слышишь, как нежить костями гремит? У нас час, может, меньше, до встречи с ними. Поднимайся!

Я встал на четвереньки, затем на колени, и наконец, с трудом разогнулся, чувствуя себя столетним стариком. Гном, пока я изображал из себя умирающего лебедя, деловито обшаривал тела барона и охотника. Делал он это аккуратно, без лишней брезгливости, но и без той театральной жестокости, которую любят приписывать его народу. Просто марадерка. Не для обогащения, для выживания.

Я отвернулся, когда он извлек что-то пропитанное кровью из-за пазухи барона. В компьютерных играх добыча всегда падает на пол аккуратным мешочком. В реальности придется копаться в кровавом месиве, вдыхая запах лопнувших внутренностей и разлитой желчи.

Меня снова скрутило. Я отошел в сторону, согнулся пополам, и меня вырвало, желчью и всем, что оставалось внутри. Гном, покончив с осмотром, повернулся ко мне, и на его лице мелькнуло что-то, отдаленно похожее на усмешку.

- Ты, оказывается, еще зеленый мальчишка, - сказал он беззлобно. - Крови не нюхал. Иди к лошадям, приведи себя в порядок. А после, нам нужно найти место для обороны. Чтобы

проход был узкий, и камней побольше, чтобы было за чем укрыться. Если не найдем, в ближайшее время нам каюк.

Я кивнул, не в силах вымолвить ни слова, и мелкими, нетвердыми шагами побрел к лошадям. Воды, глоток воды, вот что мне было нужно сейчас больше всего на свете. Дрожащими, непослушными пальцами я открутил крышку фляги, несколько капель сорвалось и упало на землю, а я с наслаждением присосался к горлышку. Вода оказалась необыкновенно вкусной. Напившись, я плеснул в лицо остатками воды из фляги и туман в голове начал рассеиваться. Желудок, который ещё минуту назад скручивало в тугой, болезненный узел, наконец унялся. Предательская слабость, сковавшая мышцы, отступила, унося с собой оцепенение.

Я выпрямился, сделал глубокий вдох, ощутив, как злость на собственную беспомощность разгоняет кровь.

Я вспомнил слова гнома, что нужно срочно найти удобное место для отражения атаки нежити.

Достал и разложил карту, выданную нам Рухом Правдивым, прямо на земле и тут же придавил края камнями, чтобы не унесло ветром.

Заклинание магического сканера местности выплыло из памяти само собой, я даже не успел подумать, просто сделал, как учило тело Алкеса. Искорки-поисковики взлетели вверх, брызнув серебряными нитями во все стороны, и на карте горной долины начал проступать трехмерный рисунок рельефа. Словно миниатюрный три-Д ландшафт, сотканный из света и теней, замерцал на пожелтевшем пергаменте карты.

Этому трюку Алкеса научила еще в детстве мать. Кто бы мог подумать, что именно это спасет мне жизнь?

- Родовое заклинание? - спросил подошедший гном, с интересом разглядывая мерцающую карту.

Я молча кивнул. Скрывать то, что и так ясно, не было смысла.

- С одной стороны гора, - Тинбалбен Дубовая Голова ткнул корявым пальцем в мерцающую карту, и его ноготь, похожий на кусочек свинца, оставил на световом изображении едва заметную рябь.

- Склон достаточно крутой, они не смогут пройти. С другого фланга нас защитит глубокая промоина, этакое «бутылочное горлышко». Лучшего места для обороны не найти.

Я поднял взгляд от карты, посмотрел на серые, голые камни, на низкое небо, на две фигуры, оставшиеся лежать там, где их настигла смерть. Ветер донес откуда-то издалека, как мне показалось сухой, костяной перестук, о котором меня недавно предупреждал гном. Нежить приближалась.

- Тинбалбен, - спросил я, чувствуя, как где-то под ложечкой сформировался тугой узел тревоги. - Как думаешь, там много нежити?

Гном хмыкнул, почесал бороду, и его ногти заскрежетали по амулетам вплетенным в рыжие волосы, словно по камню.

- Эпицентр темной энергии далеко, - сказал он неспешно, махнув рукой куда-то в даль. - Её фон за три сотни лет в этом районе должен был ослабнуть. Мертвяки не могут без подпитки некроэнергией долго существовать. Разваливаются. Поэтому. Большая часть ушла, искать поживу там, где её ещё много.

Но моя интуиция, подсказывала, что здесь не может быть всё так просто. Какая-то деталь ускользала, пряталась на периферии сознания, не желая показывать свое истинное лицо.

Я всмотрелся в указанную точку, стараясь разобраться в причудливом переплетении линий и значков. Если верить карте, триста лет назад рядом с этим местом стоял город, обнесенный крепостной стеной, с правильной планировкой и окруженный поселениями. В те времена он имел огромное значение для всех, кто населял долину. От него во все стороны в глубине три-Д схемы разбегались пунктирные линии, помеченные угловатыми рунами подгорных

гномов. Я, конечно, не блистал познаниями в топографии этого мира, но кое-что мог предположить. Тоннели. Древние подземные ходы, ведущие в города гномов, погребенные теперь под толщей гор. Если они выходили на поверхность здесь, на территории мертвого города, то скопившиеся в них полчища оживших мертвецов могли исчисляться тысячами.

И сообразил, вот что не давало мне покоя.

- А из тоннелей? - я ткнул пальцем в пунктирные линии, что вились под землёй, словно корни большого дерева. - Нам в спину не ударят?

Тинбалбен на мгновение замер, и его лицо, обычно грубое и непроницаемое, будто каменная маска, вдруг стало серьезным.

- Большинство тоннелей засыпаны жителями города, - ответил он после паузы. - Во всяком случае, так говорит дошедшая до наших времён легенда.

Он свернул карту, развеяв моё заклинание и сунул мне в руки, и его голос обрел прежнюю решительность:

- Хватит разговоры вести! Идти надо. На вопросы потом отвечу.

Я убрал карту в нагрудный карман, ощутив кожей шуршание пергамента через ткань. Мы двинулись дальше, ведя лошадей под уздцы.

К древнему городу когда-то вела дорога, неширокая, но аккуратно вымощенная камнем. Времена, однако, не пощадили ее. За столетия мостовую засыпало каменной крошкой, затянуло грязевыми оползнями, и местами нам приходилось буквально пробиваться сквозь заросли колючего кустарника, проросшего прямо сквозь щели между плитами. Лошади, к счастью, оказались на удивление спокойными. Даже в самых узких местах, где тропа сжималась до двух с половиной метров, зажата между отвесной скалой и глубоким обрывом промоины, они шли без понуканий, аккуратно переставляя ноги, словно понимали, что любой неверный шаг станет последним.

Я покосился вниз. Там, на дне расселины, клубился белый туман, и невозможно было угадать, какая там глубина. Камень, сорвавшийся из-под копыта моего коня, упал вниз, и я не услышал, чтобы он ударился о дно. Только тишина. Бесконечная и мертвая.

Вскоре впереди, на гребне холма, проступили очертания руин города. Он возвышался на холме, а окружавшая его крепостная стена, во многих местах пусть и была разрушена, но все еще хранила былую стать. Мы остановились, окинули взглядом серые камни руин, заросшие высокой, поблекшей травой, и переглянулись.

- Надо бы разведать, - сказал я.

Гном молча выудил из кармана монету, блеснувшую тусклым серебром, подбросил в воздух, поймал, шлепнул на тыльную сторону ладони. Монета показала вместо орла, какую-то незнакомую мне геральдическую зверюгу с раскрытой пастью.

- Тебе, - коротко бросил Тинбалбен.

Я кивнул, вскочил в седло и, придерживая лошадь, чтобы не слишком гроыхала копытами по камням, двинулся вперед. Кустарник цеплялся за штанины колючими ветками, а ветки кустов норовили хлестнуть по лицу. Я то и дело уклонялся, низко пригибаясь к лошадиной шее.

Приблизившись, я разглядел, что ров перед стеной хоть и затянуло землей, но он все еще угадывался, широкой ложбиной, опоясывая город. Сама стена, сложенная из огромных, грубо отесанных блоков, кое-где просела, но местами сохранила прежнюю высоту. За ней открывались руины величественных построек, и я на мгновение замер, пораженный.

Город был великолепен даже в своем полуразрушенном виде, его строения вздымались к небу остовы стен, мраморные колоннады античных храмов белели среди зелени, прямые, как стрелы, линии древних мощенных улиц уходили вдаль, и на них не было ни души. Даже спустя столетия чувствовалось, что здесь когда-то кипела жизнь, ремесленники открывали лавки, торговцы выкрикивали товар, жрецы возносили молитвы в мраморных святилищах.

Теперь здесь царил тишина.

Не та живая тишина, что бывает в лесу или в поле, где все равно слышишь дыхание жизни, шелест листьев, стрекот кузнечиков или пение птиц. Здесь была тишина мертвая, давящая. Она обволакивала, проникала настойчивым шепотом в уши, заставляла сердце биться слишком громко. Даже цоканье подков глохло в высокой густой траве, не успев прозвучать, казалось, земля умерла и сама пожирает звуки, не желая выпускать их на волю.

Я остановил лошадь, прислушался. Ничего. Ни птиц, ни насекомых, ни шуршания мышей. Только ветер, выл среди развалин, протяжно и грустно, словно оплакивал то, что было утрачено навсегда.

Впервые в жизни я оказался один в совершенно пустом городе. Это меня пугало. Глаза то и дело ловили смутные тени за темными провалами окон, за зияющими дверными проемами, и даже за грудками камней, чудились ужасные монстры готовые напасть в любой момент. Моё разыгравшееся воображение, на всю катушку.

Я поднял руку, и из пальцев вырвались несколько искорок-поисковиков, тех самых, что использовал еще с той стороны гор в лагере. Они разлетелись в стороны серебряными нитями, прочесывая руины, заглядывая в каждый закоулок. Я закрыл глаза, пытаюсь уловить их сигнал, и через несколько мгновений с облегчением выдохнул. Опасности нет. Город был пуст. По крайней мере, сейчас.

Я развернул лошадь и вернулся к гному.

- Чисто, - сказал я, спрыгивая на землю. - Никого.

Мы въехали в город через ближайший пролом в стене и выбрали один из более-менее уцелевших домов с сохранившейся крышей и крепкими стенами. Лошадей привязали к каменной кормушке, рассёдлывать не стали, только отпустили подпруги, чтобы дать отдых спинам. Засыпали в торбы корм, подвязали их к мордам, и лошади принялись жевать с ровным, успокаивающим хрустом.

- Пора, - бросил гном, затягивая потуже пояс с секирой.

Мы поспешили назад, к месту, которое он присмотрел для засады.

По дороге я украдкой поглядывал на Тинбалбена, который нес на плече тяжёлую боевую секиру. Гном двигался по дороге легко и уверенно, будто не было позади ни перехода через ущелье, ни беспокойного дня. Он совсем не выказывал ни малейшего страха перед предстоящим боем. Я знал из книг, что так ведет себя либо дурак, не понимающий опасности, либо воин, настолько уверенный в себе, что страх просто не имеет над ним власти.

А вот меня трясло. Не по-детски. Адреналин бушевал в крови, заставляя сердце беспокойно колотиться где-то в самом горле, мне казалось, что оно вот-вот выпрыгнет наружу, как перепуганная птица из клетки. Пульс стучал в ушах, гулко, и мне чудилось, что этот звук слышат все вокруг. Ладони стали влажными, и я то и дело вытирал их о штаны. Это в компьютерных играх можно чувствовать себя непобедимым героем, который, развалившись в кресле, сражается с драконами, спасает прекрасных принцесс и испытывает от этого лишь эйфорию побед. Здесь же, в этом мире, где смерть была настоящей, а от каждого поворота тропы зависела жизнь, игра закончилась.

Я вспомнил уроки из прошлой жизни. Еще в школьные годы, когда мы занимались в военно-патриотическом клубе, инструктор говорил: справиться с волнением перед боем помогает разговор. Отвлеченный, пустой разговор, который не дает мыслям заикливаться на страхе.

- Тинбалбен, - начал я, стараясь, чтобы голос не выдал моего волнения и звучал уверенно.

- Мы давали клятву на крови. Ещё в академии магии профессор на занятиях рассказывал, что это один из самых мощных магических договоров. Он не терпит полумер.

Гном хмыкнул, не сбавляя шага.

- Хм. Тебя интересует, как барон и охотник смогли обойти клятву?

- Да! - выкрикнул я горячее, чем хотел. - Убийство члена команды, прямое нарушение приказа короля!

Тинбалбен остановился, повернулся ко мне, и в его глазах, обычно веселых и насмешливых, я увидел нечто иное, холодную, трезвую оценку.

- Хм. Как бы тебе объяснить. Эти два дурака ничего и не нарушали. Наоборот, твое убийство, по их мнению, должно было помочь выполнить задание короля.

- Как?! - Я почувствовал, как внутри закипает глухая злоба. Меня хотели убить не из ненависти, не из корысти, а из какой-то идиотской, извращенной логики.

- Вчера вечером, когда ты тренировался, проводник рассказал нам об одном человеке. Единственном, кто вернулся из Мертвого города живым. В прошлом году при открытии ущелья этот «счастливчик» пытался прокрасться за проводником через ущелье. Заметили, задержали. На допросе он заявил, что в гибели отрядов виноваты маги. И если от них избавиться, все остальные останутся в живых.

Гном пожал плечами, и его секира, качнувшись на плече, звякнула зацепившись о металл защитной накладки.

- Я единственный не поверил в бред сумасшедшего. Но и быть уверенным наверняка не мог. Так что без обид. Нам лучше поспешить. Время быстротечно...

Я хотел возразить, сказать, что это безумие, верить словам какого-то полоумного выжившего, но слова застряли в горле. В самом деле, разве я мог их за что-то винить? Они не были уверены во мне. Я был для них чужаком, магом, от которого можно было ожидать любой подлости. И они поступили так, как считали нужным.

Дальше мы двинулись в молчании.

По всему было видно, что гном, опытный и опасный вояка. Будучи ниже меня ростом больше чем на голову, Тинбалбен передвигался по пересеченной местности с удивительной ловкостью. Он перепрыгивал с булыжника на булыжник, обходил расселины, карабкался по осыпям и при этом умудрялся обгонять меня метров на тридцать. Затем останавливался, вглядывался впереди, поджидал, пока я, тяжело дыша, подтянусь, и снова срывался с места.

Я уже готов был рухнуть без сил, когда гном наконец остановился.

- Бой примем здесь! - объявил он, внимательно осматривая выбранное им место.

Я поднял голову и огляделся.

Место, выбранное гномом, было на редкость удачным. Прямой, ровный выступ тянулся вдоль глубокого обрыва промоины, в которой все так же клубился туман. С другой стороны нависала отвесная черная скала, гладкая, отполированная за тысячелетия ветрами. Ширина выступа, была не больше двух метров, длина около сотни. Узкий каменный язык, зажатый между пропастью и стеной. Лучшего места для обороны, пожалуй, и не придумать.

- Осталось только соорудить укрепление, - сказал гном, оглядываясь по сторонам. - Из камней. И можно принимать «гостей».

За пару часов мы, не сговариваясь, расчистили площадку, заваленную обломками скальной породы. Тинбалбен работал с яростью одержимого, укладывая подгонял, камни так, будто строил не временный редут, а фамильный склеп. Я помогал, как мог, таская тяжелые глыбы и поднося их к месту кладки. К концу работы у нас получился небольшой ромб высотой около полутора метров, в центре которого мы и встали.

Замысел гнома был прост. Редут, подобно острому форштевню корабля, должен был разрезать колонну наступающей неживой рати пополам. Те, кто пойдут со стороны гнома, окажутся на краю обрыва, и любое неловкое движение, любой толчок отправят их в пропасть. С стороны скалы должен был действовать я огнем и магией.

Я стоял за камнями, сжимая в руках палаш, чувствуя, как страх понемногу отступает, сменяясь холодной решимостью. Гном рядом замер, положив секиру на плечо, и его дыхание было как всегда ровным и спокойным.

Первые скелеты появились неожиданно. Они выбежали из-за поворота тропы, тощие, костяные, с ржавым оружием в руках. Я инстинктивно вскинул руку, собирая магию, но гном опередил меня. Его секира взвилась в воздух и обрушилась на ближайшего скелета с такой силой, что кости разлетелись в стороны, не успев даже звякнуть о камни. Следующий удар пришелся по второму, отправив его вниз в глубокий обрыв промоины. Третий, описав дугу, улетел туда же. Гном двигался с удивительной для его коренастой фигуры скоростью, и я смотрел, как он крошит полумертвую рать, словно дрова.

Волнение, еще минуту назад сжимавшее грудь ледяными пальцами, исчезло. Осталась только ясность, мы выстоим.

Егор Летов в своей песне утверждал, что «мёртвые не тлеют, не горят, не стреляют, не шумят». Так я вам скажу: это неправда. Они шумят. Клацают зубами, скрежещут костями, машут ржавыми железяками. А некоторые, как выяснилось, неплохо стреляют из лука и ещё и копьё метают.

В этом меня убедила выпущенная кем-то из скелетов стрела, которая высекая искру, ударила в камень рядом с моим плечом. Я сразу окружил себя мощным воздушным щитом и добавил ему плотности, после чего включил истинное зрение. Мир преобразился. В каждом из этих полумертвых тлел магический огонек - грязный, тусклый, подпитываемый темной энергией, что сочилась из земли, из воздуха, из самих камней. Я увидел, как эта энергия пронизывает кости, заменяя собой кровь и мышцы, как она вливается в пустые глазницы, зажигая в них холодный, безжизненный свет.

Я сформировал файербол, вкладывая в него ровно столько маны, сколько требовала формула и метнул его. Огненный шар ударил в группу скелетов, собравшихся у основания выступа, и взорвался с глухим, утробным хлопком. Пламя охватило сразу троих, их сухие кости вспыхнули как бенгальский огонь, ярким, ровным пламенем, и они закружились на месте, размахивая мечами в беспорядочной, судорожной пляске. Несколько мгновений, и они рухнули на камни, рассыпавшись в горстки горячего пепла, который тут же подхватил ветер.

- Неплохо, маг! - крикнул Тинбалбен, отбивая секирой летящее в него копьё. Деревянное древко не выдержало и разлетелось в мелкие щепки. - Но не увлекайся огнем, маны много уйдет. Используй силовые удары. Против нежити они эффективнее.

Я осмотрел поле боя, ощущая, как магическая энергия медленно, капля за каплей, восполняет мой внутренний магический резервуар. Магическая энергия возвращалась неохотно, словно нехотя, и я понимал: надолго меня не хватит. Необходимо было тщательно выбирать каждое заклинание, каждый удар.

Я провёл несколько экспериментов, пока была возможность проверить на практике, и результаты их оказались поучительными.

Если напитать файербол энергией из синей силовой линии, той, что пульсировала глубоко под землёй, словно вены великана, то заклинание превращалось в нечто иное. Не просто шар, а плотное, тяжёлое «ядро огня», прожигающее насквозь сразу трёх-четырёх скелетов, словно раскалённое копьё. Кости не вспыхивали, они испарялись, оставляя после попадания аккуратные, оплавленные дыры.

Красная линия давала иной эффект. При добавлении её энергии происходил объёмный взрыв - огненная сфера раздавалась вширь, раскидывая нежить в разные стороны, разбрасывая кости так, что они падали на камни за десятки метров от эпицентра. Красиво. Эффектно. И оказалось жутко неэкономно.

С зелёной линией я экспериментировать перестал почти сразу. Энергия, взятая из неё, уменьшала силу воздействия огненного шара на нежить. Файербол, который должен был испепелить скелета, всего лишь отбрасывал его на пару шагов. Какая-то неправильная аномалия, или, может быть, сама природа этой линии сопротивлялась огню. Я решил оставить исследования этих линий до лучших времён.

К сожалению, мои изыскания пришлось прервать на неопределённый срок.

Казалось нежить, уловила, что я увлёкся экспериментами и множество разрозненных мелких групп, двигавшихся до этого хаотично, вдруг обрели порядок. Они формировались в отряды и двигались в нашем направлении по старой дороге организованно, а в их строю чувствовалась чья-то холодная, расчётливая воля. Словно отряды двигались под чьим-то управлением. Я заметил личей не сразу, сначала только уловил краем истинного зрения характерное свечение, более яркое, более сложное, чем у простых скелетов. А затем личи начали колдовать а это не обещало ничего хорошего....

Мало того неспешным шагом вперёд вышло существо, закутанное в порванную мантию, едва скрывающую его мумифицированный костяк. Капюшон скрывал оскал черепа и под ним клубилась тьма. Весь силуэт был окутан тёмным туманом. Ног видно не было, казалось он летит, а по земле стелилась его тень. Завидев нас с гномом, личь воздел руку к небу и принимался плести заклинание «Могильный ветер». Я чувствовал, как оно рождается, в воздухе появлялся сначала слабый, едва уловимый сквозняк, затем он крепчал, набирал силу, и вскоре уже целый поток зеленоватого пламени сорвался с его рук, устремляясь к нам и рассеиваясь в воздухе пропитанной гнилью смерти. Этот дебафф, и я поймал себя на том, что мысленно использую игровую терминологию, но иного слова не находил, - попав в цель, высасывал жизненные силы. Поглощал здоровье живого существа. А оно у меня, как выяснилось, было бесконечным.

Я ощутил это на себе, когда первый же направленный на меня поток «Могильного ветер» задел край моего щита. Даже сквозь защиту пробился холод, не обычный от которого бегут мурашки, не тот, что сковывает мышцы, а какой-то внутренний, проникающий в кости, в самую сердцевину души существа. Я пошатнулся, и на мгновение показалось, что моё сердце пропустило удар.

- Личи! - крикнул я гному, запуская на пределе сил в этого наглеца заклинание. - Их нужно снять в первую очередь!

Тинбалбен молча кивнул, отшвыривая секирой очередного скелета в глубокий обрыв промоины.

Моё атакующее заклинание, пробив щит, буквально разметало предводителя личей и я сосредоточился на оставшихся. Я бил по ним мощными файерболлами, вкладывая в каждый удар столько силы, сколько мог позволить. Огненные шары легко прожигали защиту неуспокоенных магов, их щиты, сотканные из тьмы и холода, не выдерживали встречи с живым, яростным пламенем. Я видел, как личи вспыхивают, как их иссохшие тела превращаются в факелы, и чувствовал, как с каждым уничтоженным врагом давление на наши позиции слегка ослабевает.

Попутно я уничтожал и скелетов. Огненные шары объёмного взрыва, напитанные из красных линий, выкашивали небольшие группы, разбрасывая кости в разные стороны. Я поймал себя на том, что после некоторой практики начал стрелять файерболлами «по-македонски», с двух рук разом или по очереди, не давая нежити опомниться. Левая рука посылала ядро огня в гуцу скопления, правая, точечный удар по выскочившему из-за камней скелету с луком.

Это было бы весело. Если бы я сидел в кресле перед монитором с чашечкой кофе в руках.

Моё развлечение с файерболлами закончилось внезапно. Нежить перестроилась. Вместо разрозненных групп по старой дороге двинулась одна большая колонна - плотная, монолитная, идущая стеной. Удары по площадям больше не давали прежнего эффекта: я уничтожал десяток, а на его место вставало два десятка новых.

Я перешёл на более мощные затратные заклинания. «Дыхание дракона» вырывалось из моих рук широким веером пламени, выжигая всё на пути. Но и мана уходила соответственно. Я чувствовал, как мой резерв тает, как с каждым ударом становится всё труднее черпать силу из окружающего мира.

Запустив «Стену огня», я надеялся хоть немного задержать наступающую волну. Огонь взметнулся вверх, полыхнул жаром, на мгновение ослепив даже меня самого, и, выждав секунду, я повернулся к Тинбалбену.

Гном стоял за моей спиной, положив секиру на плечо, и смотрел на приближающуюся нежить с выражением, которое я не мог прочесть. Может равнодушие? Он, что уже сдался, мелькнула паническая мысль у меня в голове?

Возбуждение, кровь, адреналин - всё это ударило в голову, и я заорал громче, чем следовало:

- Пора сматываться! Маны у меня на два удара, не больше!

Гном не дрогнул. Он оглядел поле боя, прикинул что-то в уме и кивнул.

- Молодец! - крикнул он в ответ, и в его голосе мне почудилось что-то похожее на одобрение. - Хорошо поработал! Отдохни немного. А я сейчас подпущу мертвяков поближе и «Радужным сиянием» ударю.

Я замер. «Радужное сияние». Я знал это название. Память Алкеса услужливо подсказала: дорогой, редчайший разовый амулет с частицей силы истинного света. Радиус воздействия - более километра. Нам такого не выдавали. Купить почти невозможно - такие вещи не продают на рынке, их передают из рук в руки, хранят как величайшую ценность.

Откуда у простого гнома, осуждённого на смерть, оказался такой артефакт?

Я посмотрел на Тинбалбена другими глазами. Непростой он гном. И ухо с ним надо держать остро.

Если верить памяти Алкеса, мертвые, что попадают под лучи радужного сияния, становятся абсолютно мертвыми. Даже их останки в течение двух часов фонаят повышенным уровнем света, отпугивая нежить. Два часа спокойствия. Два часа передышки.

Нежить, конечно, не спринтеры. На первый взгляд она двигалась неторопливо, даже неуклюже. Но уже через двадцать секунд, пока я размышлял, в меня полетели стрелы. Они ударили в мой ослабевший щит, проверяя на прочность его и мои нервы. Каждый удар отдавался в висках пульсирующей болью.

Я выключил истинное зрение и уже хотел поторопить гнома, открыл рот, и в этот самый миг мир взорвался.

Я поймал «зайчика». Глаза резанула яркая, совершенно нестерпимая бело-фиолетовая вспышка. Она разгоралась, наливалась силой, и я зажмурился, но свет проникал сквозь веки, прожигал сетчатку, заставлял мозг сжаться в комок. В глазах заплескали тёмные пятна, и на несколько мгновений я абсолютно ослеп.

Когда зрение начало возвращаться, медленно, пятнами и размытыми контурами, - я увидел, что старая дорога буквально устлана костями. Сотни, тысячи скелетов, только что наступавших плотной стеной, лежали на камнях, рассыпавшись в прах и отдельные фрагменты. Белое, чистое, словно выбеленное солнцем, костяное поле простиралось насколько хватало глаз.

Тинбалбен уже не стоял на месте. Он неторопливо и обстоятельно разгребал бранные останки, перебирая их с видом знатока, оценивающего коллекцию скелетов для кабинета анатомии. Иногда он наклонялся, что-то внимательно рассматривал, и, если находка его устраивала, отправлял её в кожаный мешок притороченный к поясу. Чаще же брезгливо отбрасывал в сторону.

- Алкес! - зычный голос гнома разнёсся над полем боя. - Присоединяйся! У нас всего час на сбор добычи - и валим отсюда нафиг!

«Валим отсюда», мне понравилось это выражение куда больше, чем перспектива остаться здесь навсегда.

Я подчинился. Вновь включил истинное зрение и мир окрасился в привычные уже оттенки магических потоков. Перелез через камни редута и тоже принялся разгребать кости в поисках лута.

Где-то здесь, в куче останков нежити, должны были быть амулеты. Я вспомнил, в играх ещё в той, другой жизни, добыча всегда лежала на полу аккуратным мешочком. Здесь всё было иначе. Здесь нужно было копать в костях, перебирать их пальцами, вдыхать запах вонючей плоти и чего-то ещё, неуловимого, что никак не желало выветриться из этих мест.

Но амулеты были. Я чувствовал их свечение в истинном зрении, тусклое, едва заметное, но всё же живое. Пусть огонь и подпортил их, но я надеялся, что наложенные магические плетения, скорее всего, сохранились. Напитай силой, и пользуйся.

Много амулеты нашлось в останках личей. Большинство из них были в пригодном состоянии, цепи, медальоны, кольца, тускло светились в истинном зрении разноцветными искрами магии.

Но снять их оказалось непросто.

Все личи были покрыты иссушенной, беспощадным временем за долгие столетия плотью. Она обтягивала кости, как старая, потрескавшаяся кожа на барабане, срослась с амулетами в монолит. Лишь голые черепа сверкали в оскале рта белыми зубами среди рваной, полуистлевшей одежды.

Я наклонился над одним из личей, попытался подцепить массивную цепь кончиком клинка. Раздался мерзкий, чавкающий звук, и в нос ударила омерзительная вонь протухшего мяса. Я отшатнулся, чувствуя, как желудок подкатывает к горлу. Хорошо, что в округе не было мух, эти мелкие твари обычно слетающиеся на мертвечину, казалось, обходили Мёртвый город стороной.

- Дракон тебя сожги! - громовой голос гнома грянул прямо над ухом. Я вздрогнул и обернулся. Тинбалбен стоял надо мной, уперев руки в бока, и его лицо побагровело от гнева. - Ты что, молокосос, брезгуешь?!

Я не стал оправдываться. Вместо этого применил заклинание, которое пришло в голову само собой, смесь струи воздуха, мелкого песка и какой-то очищающей формулы, всплывшей из глубин памяти Алкеса. Пепел и грязь сдуло с цепи, она зазвенела, очищенная.

Я повернулся к разгневанному гному, подцепил амулет на кончик сабли и протянул ему.

- Если такой умный, - сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, - попробуй, возьми. Он быстро руку откусит. Не любят архимаги, когда их вещи кто-нибудь трогает.

Сердитое выражение лица гнома медленно сменилось на заинтересованное. Он окинул амулет внимательным взглядом, присвистнул сквозь зубы и произнёс с уважением, которого я не ожидал:

- Это амулет Пузослава. При жизни он был магистром первой ступени. Пиромант-маньяк, каких свет не видывал. Гордый, отчаянный и непримиримый. Участник нескольких серьёзных заварушек.

Гном почесал бороду, разглядывая амулет.

- Ставить ловушки - не в его характере, - продолжал Тинбалбен, и в его словах слышалась какая-то странная, почти личная интимность. - Всем известно: маги-огневики, балующиеся боевой магией высшего уровня, всегда немного не в себе. Он помолчал, и я увидел, как его взгляд уходит куда-то вглубь, в собственные воспоминания. Пальцы гнома машинально поглаживали рукоять секиры, которую он так и продолжал держать на плече.

- Вообще-то, я должен сказать ему спасибо, - голос гнома стал тише, словно он обращался не ко мне, а к тому образу гордого пироманта, что до сих пор жил в его памяти. - Три года назад он мне отказал. Жестко так отказал брать в экспедицию.

Он вдруг выпрямился, расправил плечи, и в его осанке, в том, как он вскинул подбородок, мелькнуло что-то театрально-пародийное. Голос его зазвучал выше, с напыщенным, презрительным оттенком:

- В моем отряде нечего делать отверженным гномам.

Он спародировал мага с такой точностью, что я на мгновение увидел перед собой не коренастого бородатого воина, а тощего, облаченного в алые одежды чародея, смерившего его высокомерным взглядом. А затем Тинбалбен усмехнулся, жестко, и в этой усмешке было столько горечи и злорадства одновременно, что даже я ощутил это на себе.

- И вот я здесь, - сказал он, кивнув на рассыпавшиеся кости у наших ног, - а он упокоен.

Тинбалбен вдруг усмехнулся, достал из сумки на поясе инструмент, похожий на кусачки, и ловко, одним движением, выкусил два кольца на высохшей руке мага, Бросил их в мой мешок, а кусачки протянул мне.

- Все амулеты с негоними, - резким голосом скомандовал он. - И с остальных тоже. Работай.

Я взял инструмент выданный мне гномом и ощутил непривычную тяжесть в руке. Металл кусачек был холодным, шершавым, на рукоятке виднелись следы долгого использования. Похоже, что гномы всё солидно делают на века.

За час я прошёл прямую часть дороги, методично обирая павших магов. Трёх личей-огневигов, чьи амулеты ещё хранили тепло давно угасшего пламени. Двух бывших магов, оперировавших электричеством, их артефакты слабо потрескивали, когда я приближал к ним пальцы. И ещё трёх - стихией воздуха, чьи амулеты были лёгкими и невесомыми, словно их выточенными из застывшего ветра.

Судя по амулетам, все личи они были магистрами. Я чувствовал это по сложности плетений в их амулетах, по тонкости работы, по тому, как сами артефакты, настроенные на владельца сопротивлялись мне, когда я пытался их снять.

Удача, казалось, была на моей стороне, богатство росло в геометрической прогрессии.

Я уже собрался возвращаться, когда услышал голос.

Он был тихим, едва различимым на грани слышимости, шелестящий, наполненный странной, тягучей мольбой. Говорил он на каком-то непонятном языке, но смысл слов каким-то чудом проникал прямо в сознание, минуя уши. Он звал меня. Манил к себе, обещая, что подарит мне невероятное могущество.

Я сделал шаг в направлении зова. Потом ещё один. Родовой перстень на пальце нагрелся, это я почувствовал даже сквозь перчатку, но проигнорировал предупреждение. Голос, словно «песня сирены» обещал, сулил, завораживал вводя меня в транс.

Поворот - и я увидел его.

Останки того самого наглого лича-архимага, атаковавшего нас первым, лежали в небольшом углублении между камнями, и от них исходило такое яркое свечение в истинном зрении, что я на мгновение зажмурился. Десяток неопознанных артефактов сверкали в куче праха, как разноцветная ёлочная гирлянда. Кольца, браслеты, диадема, жезл, всё это переливалось, пульсировало и дышало магией.

Но голос звал не оттуда.

Чуть в стороне, среди обломков костей, лежал странный металлический предмет. Маленький, размером с ладонь, он напоминал паука, восемь тонких, изогнутых лапок, корпус, покрытый чешуйчатой сверкающей серебром броней, и что-то вроде головы с двумя тёмными, выпальными глазницами.

Мне показалось, что, когда я приблизился, паук зашевелился. Лапки, вооружённые снизу зазубренными коготками, чуть согнулись, словно готовясь к прыжку. Глазницы, казалось, смотрели прямо на меня.

Я мотнул головой, пытаюсь стряхнуть наваждение. Воображение. Просто моё воображение.

Но голос звучал отчётливо. Он шёл именно от этого паука.

Очнувшись я вспомнил про кошелек, висевший на моём поясе. Кожаный, прошитый нитями из орихалка, металла со свойствами негатора магии и сунул туда находку, ухватив её кусачками за лапу, вдруг и вправду ненароком укусит. Паук не сопротивлялся, только лапки чуть поджались, когда я опустил его в темноту кошелька. От усталости я не обратил на это внимания, и как потом оказалось зря.

- Недельку-другую поддержку за решёткой, - решил я себе, - излишне «говорливую» вещицу. А там видно будет.

Потом я выпрямился и посмотрел на останки архимага.

Сейчас начинается самое опасное. Зачастую в амулетах магов высокого уровня стояла функция распознавания владельца. Я был уверен на все сто, что меня ждет несколько коварных и смертельных сюрпризов. Любое неправильное движение, любой неверный жест и мгновенно я стану таким же прахом, как тот, кто лежит у моих ног.

План, впрочем, у меня был. Не далее чем полгода назад, в одной фантазийной книжице, которую я читал, затаив дыхание, маг решил похожую проблему с помощью выращенной в виде пальца живой псевдоплоти. Я ничего выращивать не собирался. Обойдусь подручным материалом. Благо костей здесь навалом.

Я подобрал валявшуюся часть кисти от останков обыкновенного скелета и бросил её на грудь амулетов.

Ничего не произошло.

Тогда я подцепил на палку кость другого лича, ту, в которой ещё теплились остатки магии, и осторожно протянул к кольцам, вросшим в иссохшие пальцы архимага.

Одно из колец выпустило огненный шар направленного действия. Не обычный магический шар, а что-то более сложное и опасное, фэйрбол с головкой самонаведения, как я мысленно окрестил его. Он устойчиво захватил, кость подведённую к ней, и превратил её в пепел, даже не дав мне опомниться.

Я отшатнулся, чувствуя, как жар опалил лицо. Экспериментировать расхотелось мгновенно.

Я замер, глядя на магические сокровища архимага, и внутри меня схватились в поединке не на жизнь, а на смерть осторожность и жадность. Осторожность шептала: уходи, не рискуй, добычи и так достаточно. Жадность, а она, как известно, смертельный грех и не из лёгких, - нащёптывала: это же шанс, возможность, которую больше никогда не представится.

Жажда наживы пересилила накатившийся лёгкий мандраж. Всем известно: от халявы, в любом проявлении, пусть и с риском для жизни, отказаться очень трудно. Но и играть со смертью я не собирался. Всегда есть простые, пусть и неординарные, способы обойти проблему.

Выход пришёл сам собой, без долгих раздумий. Мне даже лоб морщить не пришлось.

Я вспомнил ноу-хау нашего времени - нанотехнологии. Взять и напылить на перчатки и кусачки тонкий слой орихалка - и дело в шляпе.

- Тьфу ты! - вслух возмутился я собственной глупости. - Что за бред в голову лезет?

С одной стороны, идея была здравая. Напылённый металл нейтрализует воздействие магии. Но с другой, как без технологий двадцать первого века это напыление сделать? И где взять орихалк в нужном количестве?

Я потёр переносицу, чувствуя, как голова начинает болеть от напряжения.

- Однако, - продолжил я рассуждать вслух, - если из костей лича-архимага изготовить костную муку и нанести её на перчатки...

Мысль была дикой. Но вполне рабочей.

Я огляделся, нашёл подходящий камень-ступку, выбитый в скале самой природой, и принялся за дело. Кости лича крошились с хрустом, превращаясь в мелкую, белую, как мука, пыль. Она была холодной на ощупь и слабо светилась магией в истинном зрении, остаточная магия, впитавшаяся в кости за долгие годы практики архимага.

Я натёр руки этой пылью, чувствуя, как она въедается в поры, смешивается с потом, покрывает пальцы тонким, скользким слоем. Взял кусачки, осторожно коснулся ближайшего кольца и замер в ожидании подвоха, вспышки, удара, проклятия, того что выжжет мне руку до кости.

Ничего. Тогда я сжал инструмент, выкусывая кольцо с иссохшего пальца. Кость поддалась с лёгкостью, с сухим, дробным хрустом, и артефакт упал в мой мешок, даже не пискнув, только тускло блеснув напоследок на солнце.

Я выдохнул. Дрожь в пальцах улеглась, и на смену страху пришло что-то другое холодное, склизкое, почти хищное. Ага, моя жадная жаба. Она, сообразив, что мой план работает. Затребовала от меня всего побольше, побольше.

Как штангист, намазавший руки магнезией перед подходом к штанге, я принялся за дело. В первую очередь я конфисковал жезл архимага. Дальше я не спешил, но кусачки гнома щёлкали в моих руках, выкусывая кольцо за кольцом, браслет за браслетом. Каждый щелчок был как выстрел резкий, неумолимый. Диадема, самая опасная, поддалась с третьей попытки. В первый раз я скользнул, пальцы вспотели; во второй раз инструмент соскочил с оправы, и по руке пробежал ледяной разряд, заставивший зубы сжаться до скрежета. В третий я замер, выдохнул, прицелился и сжал кусачки с такой силой, что костяшки побелели. Золотая защелка на затылке черепа щёлкнула и раскрылась, и диадема, тяжелая, униженная камнями, с глухим стуком упала на груды костей архимага. В истинном зрении от неё исходило едва заметное пульсирующее тепло, словно там, заперто в темнице металла и камня что-то живое. Я осторожно её подцепил кусачками и отправил в мешок.

В одно мгновение я стал богатейшим магом королевства. Если удастся взломать их и самое сложное если удастся подчинить своей воле, разобраться в этих древних, запутанных плетениях, то я буду одним из сильнейших магов этого мира. Среди тех, кого все боятся и уважает. Среди тех, кто сам диктует правила мировому порядку. Ах, ах мечты Саурана. Мне бы выжить!

Вдали послышался нетерпеливый окрик гнома.

- Алкес! Там долго ещё?

- Иду! - крикнул я в ответ, проверяя, надёжно ли закрыт кошелек с пауком.

И на мгновение, бросил последний взгляд на поле боя, на кости, пепел, обломки оружия, всё это что лежит сейчас передо мной было недавно врагом всего живого, а теперь стало просто прахом, который развеет ветер.

Я развернулся и пошёл к гному, чувствуя тяжесть добычи за плечами и странное, липкое ощущение, что кто-то внимательно изучает меня из темноты кошелька, прижатого к поясу.

Глава 3. Катакомбы подгорных гномов.

Мрачный пейзаж мне открылся
Ночь или день? Тут не понять
Дезмонд Мёртвого Солнца лучи холодны
Всюду следы исчез, испарился
Где мне теперь его отыскать?
от баталий былых
Но не затронул молот Войны
Деймоса башню на пике скалы
Я не успел удивиться
Горный ландшафт не оценил
Рядом суровые, грубые лица
Гномов отряд меня захватил!
В недра планеты уводят меня
Призраки каменных древних гробниц
Тусклой тяжёлой бронёю звенят
Я новый пленник подземных темниц
(Эпидемия - Владыки гор)

Я шёл довольный. А что имею право! Живой, мешок набит артефактами невиданной мощи. Армада нежити разбита. Опасность, нависшая над нами, отступила. Однако как сказал Омара Хайям: - «Беспощадна судьба, наши планы круша». Едва я сделал пару шагов, как из кустов выскочил гном. Он двигался с такой скоростью, что его короткие ноги, казалось, едва касались земли, а полы куртки развеивались за спиной, как крылья птицы. Его покрасневшие глаза яростно вращались, зрачки расширились до предела, как у разгневанного, быка, а лицо исказилось от гнева, что я невольно попятился.

- Ты где пропал?! - заорал Тинбалбен, и его голос, обычно низкий и размеренный, взвился до такого высокого, почти истеричного тона, что слова зазвенели в моих ушах.

- Смерти ищешь?! Дракон тебя сожги! Так я сам тебя прибую, хоть мучиться не будешь!

Он замахнулся на меня угрожающе кулаком в боевой перчатке. И я ему, почему-то поверил. Голос гнома звучал с опасной хрипотцой, срываясь на сиплый шепот, а в глазах я прочитал такую решимость, что по спине пробежал холодок и волосы зашевелились на затылке. Коротышка треся своей всклокоченной рыжей бородой, казалось, готов был убить меня голыми руками, не прибегая к помощи своей грозной секиры, которая была у него закреплена на спине.

- Да что случилось?! - выкрикнул я, невольно отступая на шаг и вскидывая руки в защитном жесте, и автоматически формируя формулу плетения стандартного защитного щита. Выработанный условный рефлекс Алекса ещё со времён учебы в академии. - Объясни толком!

Зря я испугался Тинбалбен не собирался на меня нападать, а лишь резко схватил меня за плечо. Его пальцы, короткие и толстые, покрытые мозолями, похожими на наждачную бумагу, впились в мышцы с такой силой, что я почувствовал, что мои кости затрещали под их натиском. Он притянул меня ближе, и я ощутил его смрадное тяжелое дыхание, прерывистое, пахнущее не понятно чем. Его глаза, обычно строгие и почти всегда насмешливые, сейчас смотрели куда-то сквозь меня, будто я превратилась в привидение.

- Ментальная атака Тёмной сущности, - прошептал он, и его голос стал тише, но от этого только тревожнее, словно он боялся, что нас могут услышать даже здесь, среди костей и тишины. - Где-то рядом «сосуд души» лича пристанище ищет. Он зовёт... он манит... Никто не может сопротивляться зову... никто.

Слова гнома упали в мою душу тяжелыми камнями. Я вспомнил тот шелестящий, тягучий голос, что звал меня, вспомнил, как перстень на пальце нагревался, предупреждая об опасности, а я, как замороженный, шел на этот зов, не в силах сопротивляться. Холодные мурашки в очередной раз побежали по спине и всему телу, и я невольно коснулся кошелька с пауком, тот лежал на поясе, притихший и безмолвный, но я чувствовал, как сквозь орехалковую ткань пробивается едва уловимая, магическая сила.

Может выкинуть, - мелькнула в голове самая осторожная мыслишка, - вместе с кошельком подальше.

- Нет! – Зашептала мне жаба, - такое сокровище нам точно пригодится.

- Бежим! - рванул гном, дернув меня за руку, прервав мой временный ступор. - Давай!

Он сорвался с места с такой стремительностью, что я едва успел подхватить мешок с добычей и броситься следом. Тинбалбен двигался с удвоенной скоростью, даже не разбрасывая ногами кости скелетов, они хрустели под его сапогами, как сухие ветки, рассыпаясь в белую труху. Я бежал, чувствуя, как каждый шаг отдается в позвоночнике тупой, ноющей болью, а мешок с артефактами тяжелым грузом оттягивая, колотит плечо, резрезая лямкой кожу даже сквозь плотную ткань куртки. Мой бег за гномом, как назло, замедлил, встречный ветер, а может мои силы были на исходе. В груди кололо, дыхание сбивалось, превращаясь в хриплый, рваный кашель, но я всё равно старался не отставать.

- Не стоит ему знать про артефакт, - мелькнула обрывок мысли, когда перед глазами заплескали черные точки. - Вряд ли его обрадует, что осколок души архимага лежит в моём кошельке. Он же сказал - «сосуд души» ищет пристанище. А что, если паук. Которого я положил в кошелёк не просто артефакт? Что, если это он?..

Мысль была настолько пугающей, что я споткнулся, едва не упал, но удержал равновесие в последний момент, чудом не столкнувшись со скалой. В голове пульсировала мысль: - Я подставил себя и гнома, взяв то, что охотится за душами. Я несу с собой смерть. Но неожиданно моя интуиция, а может вновь жадная склизкая жаба, возмутилась этому самообвинению. Нашептывая: - «жить хочешь, спрячь, и не говори. Артефакт нам пригодится, на крайний случай продадим, задорого».

К дому, где были привязаны наши лошади, я прибежал совершенно запыхавшись, едва волоча ноги. Пот струился по лицу, смешиваясь с пылью и грязью, рубашка прилипла к спине, а сердце билось так часто, что, казалось, вот-вот выскочит из груди. Войдя во двор, я обессиленно упал на землю, не чувствуя, как острые камни впиваются в тело. Я лежал на спине, глядя в серое, низкое небо, и хрипло, напряженно дышал разрывающимися от спазм лёгкими, пытаясь поймать ртом воздух, которого катастрофически не хватало. Хотелось хоть на мгновение остановиться, отдышаться, дать мышцам передышку.

Да, у меня было прекрасное атлетическое телосложение, девушки вешались гроздьями. Да и было из-за чего: крепкие, рельефные мышцы, широкие плечи, грудь колесом, всё при мне, всё при деле. Но вот скоростная и силовая выносливость, увы, оставляли желать лучшего. Мышцы, привыкшие к магической подкачке, без неё после бега по пересечённой местности ныли от напряжения, дрожали мелкой, противной дрожью, а в коленях чувствовалась предательская слабость. После нескольких недель в тюремном негаторе магии, я даже помыслить не мог о том, чтобы попробовать их усилить. Ошибка и всё, я просто суповой набор костей и мяса. Хорошо хоть никто не догадывается, что этот свиду «качок» на поверку окажется просто слабаком.

- А ну-ка быстро встал! - рявкнул гном, нависая надо мной. Он как бы невзначай с угрозой покачал рукоятью секиры. В его голосе не было и тени сочувствия.

- Времени нет! Слышишь? Он просыпается, - сказал наконец гном. - Нам лучше быть уже далеко отсюда, когда это случится.

Я поднял голову и прислушался. Издалека, со стороны Мертвого города, доносился странный звук на грани слухового восприятия, тот самый инфразвук, который не слышишь ушами, но чувствуешь всем телом. Низкий, протяжный, он напоминал отдалённый раскат грома, или стон самой земли перед тем, как она пробудится от вековой спячки. Перед землетрясением.

Гул нарастал, и вместе с ним в воздухе я ощутил, что появилось едва уловимое физически давление, словно кто-то невидимый там, вдали сжимал пространство гигантскими тисками.

Я с кряхтением поднялся на ноги, чувствуя, как каждый мускул моего тела выступил с протестом, и начал помогать Тинбалбену затягивать подпруги и нагружать лошадей поклажей. Животные были напуганы их интуиция проверенная множеством поколений, предупреждала об опасности. Они нервно прядали ушами, вращали белками глаз, фыркали и пытались отойти в сторону, прижимаясь к стенам, и даже пытались нас укусить. Один из коней, гнедой масти, захрапел так, что эхо разнеслось по пустым комнатам, и я увидел, как на его шее вздулись вены. Мы с большим трудом сумели их успокоить, шепча ласковые слова и похлопывая по теплым, взмокшим бокам.

Не прошло и десяти минут, а гном уже торопливо выводил лошадей со двора, не забыв прихватить с собой увесистый мешок, который он предусмотрительно навьючил на самую спокойную кобылу. Подковы загремели по белым и красным камням, которыми была выстлана дорога, звук выделялся резким набатом, словно кто-то отбивал на барабане ритм надвигающейся опасности. Я ехал рядом с Тинбалбеном, почти цепляясь стремянами, и старался не отставать, чувствуя, как усталость тяжелым грузом давит на плечи. Тяжёлый у нас выдался денёк!

Мы въехали в брошенный город. За это время в нём ничего не изменилось всё те же безмолвные улицы, пустые глазницы окон, упавшие колонны, похожие на огромные кости вымерших великанов. Дорога привела нас к подножию белой скалы уходящей в самое небо, как фарфоровая башня сказочного дворца богини. Она вздымалась перед нами, гладкая и неприступная. На её фоне чернел высокий полуразрушенный подъемник с ржавыми механизмами наверху. Металлические фермы, когда-то мощные и надежные, теперь казались скелетом какого-то допотопного чудовища, чья плоть истлела, оставив лишь ржавый остов. Стрела крана стоявшего рядом с подъемником застыла в безжизненном изломе, а тросы, покрытые рыжими наплывами, свисали, как мертвые лианы вниз. Все это забытое временем и людьми, выглядело гнетуще и мертво.

Однако гном уверенно направил лошадей к высокому железному корпусу высотой с пятиэтажное здание, почти полностью заросшему колючим кустарником. Растения переплелись в плотную, почти непроходимую стену, словно охраняли вход в какое-то древнее святилище божка, куда живым путь заказан. Ветви бросились на защиту, едва мы приблизились: они цеплялись за одежду, впивались в гривы лошадей, царапали лица острыми, как иглы, колючками. Лошади фыркали и прядали ушами, но мы с гномом не обращали внимания, только глубже вжимались в седла и продирались вперёд, оставляя клочки ткани и шерсти на колючках.

Тинбалбену приходилось несколько раз спрыгивать с лошади и махать своей секирой, срубая наиболее мешавшие проезду кусты. Лезвие со свистом рассекало стволы, отбрасывая в стороны.

- Что сидишь, сожги тебя дракон! - возмущался он иногда, видя, как я не спешу ему на помощь. - Хотя бы ветки убери с дороги!

- Ага, слезу я, - мысленно усмехнулся я, крепче обнимая за шею своего коня. - А потом как мне взгромоздиться обратно с таким магическим истощением?

Пробравшись через заросли, мы наконец добрались до огромных входных ворот, покрытых ржавчиной. Талбилбен попробовал открыть ворота но безуспешно. Они заржавели и совсем не реагировали на его удары и толчки. Открывать пришлось их мне, с помощью

магии. Я спешился, подошел к створкам, возвышавшимся надо мной как минимум втрое, и приложил ладони к холодному, шершавому металлу.

Остатки маны, жалкие крохи, которые я собрал за время поездки, собрались в груди тугим, пульсирующим комком. Я напилал плетение и выдохнул, формируя силовой импульс, и направил его на ворота. Энергия выплеснулась из ладоней с глухим, низкочастотным гулом, который я ощутил не столько ушами, сколько всем телом, каждой костью, каждым позвонком. Слабость накатилась так резко, что колени подогнулись, и я едва удержался на ногах.

Металл заскрипел, разрывая цепкие объятия ржавчины, заскрежетал, издавая звуки, похожие на предсмертный хрип умирающего зверя. Створки дрогнули, сдвинулись на волосок, затем еще на один, и наконец, поддались, медленно, словно нехотя, открывая неширокий проход.

- Неплохо, маг, - язвительно бросил Тинбалбен. Он стоял рядом лошадьё, сложив руки на луке седла, и с ядовитой ухмылкой наблюдал за моими усилиями. - А то я уж думал, ты только файерболами кидаться умеешь.

Я хотел ответить что-то едкое, но язык прилип к нёбу, а во рту пересохло так, что каждое слово давалось бы с трудом.

- Наглый гном, - подумал я, чувствуя, как в груди закипает глухая, усталая злоба. - Ничего, я тебе ещё отомщу... раз пять или шесть. А потом, и забуду, может быть...

Гном подналег, и створки ворот сдвинулись, распахнувшись шире с таким скрежетом, что, казалось, их скрип слышат даже в мертвом городе, - я с любопытством заглянул внутрь. В помещении царил полумрак, такой густой, что он, казалось, имел вес. Лишь редкие лучи света пробивались сквозь щели в стенах, прочерчивая в темноте косые, пыльные полосы, в которых медленно кружились миллионы мельчайших частиц. Глазам потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть.

Я увидел барабан подъемной машины. Он был размещен на массивном перекрытии башенного копра и выглядел так, словно мог простоять еще тысячу лет, не дрогнув. Сооружение внушало уважение своей монументальностью как и всё, что делают гномы, кованные детали, склепанные воедино, мощные балки, уходящие вверх к крыше. Под барабаном загадочно зияли две черные дыры шахтных входов, как зрачки неведомого исполина, вззирающего на мир из подземной тьмы. Вглубь уходили толстые канаты, сплетенные из множества металлических жил; некоторые пряди были порваны и торчали в стороны, как спутанные волосы.

Я подошел ближе к ближайшей шахте и ощутил легкий напор холодного воздуха, поднимающегося из недр земли. Он пах сыростью, плесенью, чем-то древним и забытым - запахом, который бывает в склепах, куда веками не ступала нога живого. Я подобрал с пола небольшой камень, гладкий, отполированный временем обломок гранита, и бросил его в черноту, стараясь, чтобы он падал вертикально, не задевая стен.

Примерно на пятой секунде раздался негромкий стук - глухой, далекий, почти воображаемый. Я закрыл глаза, подставляя время в формулу свободного падения, знакомую еще со школьных уроков физики, и мысленно рассчитал глубину. Около восьмидесяти метров. Может, чуть больше. Достаточно, чтобы падение вниз убило наверняка.

Ну вот, а гном говорил, что все тоннели засыпали. Обман, кругом обман.

Из-за спины донеслось недовольное сопение гнома.

- Долго ещё любоваться будешь? - проворчал он, и в его голосе слышалось нетерпение, смешанное с раздражением. - Помогай!

Я бросился помогать ему заводить лошадей в здание шахты. Животные упирались, и нам пришлось потратить еще несколько драгоценных минут, чтобы уговорить их переступить порог. Как только ворота плотно закрылись за нами, отсекая от внешнего мира, гном уверенно потопал в темный дальний угол, не колеблясь, с уверенностью словно бывал здесь сотни раз.

Я не рискнул идти вслепую. Взмахнув рукой, я запустил перед собой яркого светлячка, и заклинание отозвалось с неожиданной легкостью, словно мана, выпитая до дна боем, все же нашла в себе силы для этого простого, детского колдовства. Шарик пульсирующего голубого света взлетел из ладони вверх, завис на мгновение в воздухе, а затем поплыл вперед, освещая путь. Его сияние отражалось от стен, покрытых столетней пылью, от ржавых механизмов, от застывших на полу непонятных пятен, и от этого отраженного света тени начинали играть своей жизнью, сплетаясь в неведомые фигуры.

Свет светлячка высветил стоявший в глубине помещения объемистый, выше человеческого роста металлический шкаф. Его поверхность была покрыта замысловатыми узорами, которые при ближайшем рассмотрении оказались рунами, не теми, что Алекс учил в академии, а какими-то другими, более древними и сложными. Они вились по бокам шкафа, как виноградные лозы, сплетаясь в причудливую вязь, запечатленную на металле.

Приблизившись, Тинбалбен снял с шеи прямоугольную серебряную пластинку на кожаном шнурке. Я не видел ее раньше, так как она висела под курткой, скрытая от чужих глаз. Гном вставил пластинку в сияющее в свете светлячка золотом отверстие, и я услышал, как сработал механизм, что-то жутко заскрежетало, застонало, словно пробуждаясь от тысячелетнего сна, а затем раздался четкий, сухой щелчок.

Рунные узоры, на шкафу вспыхнули словно письма, сообщающие нам радостную весть, что наконец-то пришёл хозяин.

Дверь медленно, открылась со скрипом похожим на стон, предоставив на обозрение пыльную панель управления с ярким неизвестными рунными символами, выгравированными на драгоценных камнях.

Причем, определенному символу соответствовал, свой драгоценный камень. Я на свой неискушенный взгляд, определил, что там был гранат, аметист, и сапфир. Остальные мне не были известны. Драгоценные камни были огранены в форме «багета» и вделаны в металл так искусно, что казались не украшением, а частью механизма и напоминали мне кнопки управления.

Камни слабо мерцали в полумраке, и я понял по тому, как разглядел множество плетений начертанных внутри них, что это не отраженный свет, они светились всё еще храня в себе отголоски древней магии, влитой в них когда-то давно гномами.

Гном шагнул ближе, осторожно вытянул руку. Его пальцы, такие толстые и неуклюжие на вид, двигались с удивительной, почти ювелирной точностью. Он нажал на два драгоценных камня, с выгравированным на них символом с ромбовидным узором, и я услышал, как внутри панели что-то щелкнуло, зажужжало. Через секунду перед нами распахнулась небольшая дверка, за которой обнаружилось квадратное отверстие, идеально ровное, словно вырезанное лазером.

Тинбалбен порывлся в карманах, вытащил что-то, крепко держа в кулаке. Когда он разжал пальцы, на его ладони я увидел лежавший магический хрустальный накопитель. В виде прозрачной, идеально ограненной призмы ромбовидной формы. Внутри нее клубилась мана переливающаяся в истинном зрении всеми цветами радуги, и я почувствовал, как даже на расстоянии от артефакта исходит волна силы, чистой и первозданной. Очень, дорогой накопитель. Его примерная цена равна стоимости герцогства или графства. Гном впихнул его в отверстие, и призма вошла в гнездо с мягким, влажным чмоканьем, словно панель проглотила давно желанную пищу.

Целое мгновение ничего не происходило.

А затем символы на панели мигнули. Раз, другой, третий, - и по ним пробежала волна света, переливаясь от руны к руне, как электрический разряд по проводам. Помещение наполнило тихое, ровное гудение. Оно нарастало, становясь все громче, все ощутимее, и я понял,

что это гудит не панель, не механизмы - это гудит сама земля под нашими ногами, откликаясь на древнюю магию.

Шкив барабана медленно, словно нехотя, начал вращаться. Канат натянулся, по нему пробежала дрожь, и я услышал, как глубоко в шахте, далеко внизу, что-то пришло в движение. Звук нарастал, превращаясь в ровный, монотонный гул, и я замер как замороженный, глядя, как из черноты шахты выползает двухэтажный железный ящик.

Он поднимался плавно, почти бесшумно - только стальной трос тихо поскрипывал на барабанах, да где-то в глубине механизма что-то ритмично постукивало, отмеряя подъем. Клеть остановилась, и я увидел, как на ее стенах поблескивают капли воды, а с решетчатых дверей свисают длинные, седые космы паутины. Однако, что удивительно механизм, простоявший без движения столетия, работал так, словно его остановили только вчера.

- Но... но как?! - слова вырвались у меня непроизвольно, и я услышал в собственном голосе не просто удивление, а почти благоговейный трепет. - После трёхсот лет забвения? Ржавчина, время, разрушение... Как это может работать?

Гном медленно поднял вверх указательный палец, и я увидел в этом жесте что-то торжественное, почти мистическое. Его лицо, освещенное мерцанием рун панели управления, казалось высеченным из древнего камня, такое же суровое, такое же вечное.

- Нанотехнологии древних, - произнес он, и в его голосе прозвучала гордость гнома, причастного к великой тайне древних.

Эти слова ввели меня в ступор. Я выпучив глаза и едва не раскрыв рот от удивления, стоял и смотрел на работающий механизм, на пульсирующие руны, на гнома с его таинственной пластинкой и странными знаниями.

- Откуда в мире фэнтези технологии двадцать первого века планеты Земля? - пронеслось в голове, и я почувствовал, как реальность начинает трещать по швам, как пазл, в котором никак не сходятся две чуждые друг другу картинки.

А потом откуда-то из глубин подсознания, из тех уголков памяти, где у меня хранились обрывки школьных знаний, всплыла подсказка. Сначала робкая, неуверенная, а потом все более отчетливая, складывающаяся в стройную, почти очевидную картину. Я даже хлопнул себе ладонью. Приставка "нано" происходит от латинского слова «nanos» и переводится как "карлик".

В нашем мире, в мире, откуда я пришел, карлики - гномы, дверги, цверги, дворфы - всегда были хранителями древних знаний и мастерства. Ниbelунги - мифический род карликов, владеющих несметными сокровищами на землях по Рейну.

Или у Пушкина:

Руслан подьѐмлет смутный взор

И видит - прямо над главою -

С подъятой, страшной булавою

Летает карла Черномор.

Нет страны, где бы ни проживали карлики, успешно приспосабливаясь к окружающей среде. В пещерах и старых шахтах, в лесу под пнями или в мышиных и лисьих норах, в домах за печкой, под трубой или в хлеву. Чем бы они ни занимались, у всех карликов была борода. Если взять карлика-киднепера Черномора, вся его колдовская сила была сосредоточена в огромной бороде. Да и у гномов этого мира считается, что борода - это гном, а гном - это борода. Гном с короткой бородой в гномьем обществе не имеет права голоса. Скорее всего, магическая сила гнома, так же как и у карликов нашего мира, зависит от длины и объема бороды!

- Вот почему гномы носят длинные, густые бороды! - произнес я вслух, и в голосе моем прозвучало такое изумление, что Тинбалбен, занятый проверкой механизмов, резко обернулся.

- Ну-ка, ну-ка, расскажи! - потребовал он, и в его глазах зажглось любопытство, смешанное с подозрением. - Мне тоже интересно.

Я понял, что проговорился. Сказал вслух то, что должно было остаться мыслью в моей голове, которую я еще не успел проверить и обдумать. И теперь нужно было как-то выкручиваться.

- К такой необыкновенной машине без статусной бороды подходить нельзя! - выпалил я, стараясь придать голосу шутливую интонацию и надеясь, что гном примет мои слова за обычную дурацкую шутку.

Невероятно, но Тинбалбен принял мое высказывание на свой счет. Я увидел, как его лицо, еще мгновение назад настороженное и подозрительное, разгладилось, и в глазах появилось выражение глубокого удовлетворения. Он привычным, отработанным жестом любовно огладил свою огненно-рыжую бороду. Провел пальцами от подбородка до самого пояса, расправляя спутанные волоски, и в этом жесте было столько гордости, столько самоуважения, что мне стало почти неловко за свою глупую шутку.

- Всё правильно, - уверенно заговорил гном, и в его голосе я услышал нотки наставника, объясняющего прописные истины несмышленому ученику. - Безбородых в особую касту избранных у нас не берут. На них даже ни одна гнома не посмотрит.

Он еще раз огладил бороду, и я заметил, как в свете рун панели управления на его волосах вспыхивают красноватые искры и я вдруг подумал, а что, если моя шутка оказалась не так уж далека от истины?

Он хотел добавить еще что-то, вероятно, развить тему о преимуществах длинной бороды в вопросах брачного права, но внезапно замолк.

В правом верхнем углу панели управления вспыхнули тонкие ярко-красные символы. Они пульсировали тревожным, ровным ритмом, словно сердцебиение раненого зверя, и их багровый свет отражаясь от лица гнома, делал его похожим на раскаленный уголек. Я видел, как зрачки Тинбалбена сузились, как на лбу резко обозначились неровные, глубокие морщины, прорезавшие кожу, словно трещины на древней керамике. Он не отрывал взгляда от панели, рассматривая ярко-красные символы, и я почти физически чувствовал, что от него исходит тяжелое напряжение.

- Где-то нарушен контур, - глухо произнес он, и в его голосе исчезла вся прежняя игривость. - Изолировать и перекрыть утечку энергии не получится. Быстро грузимся в клеть!

Командирский рык гнома разнесся под сводами, заставив меня вздрогнуть. Он рванул к лошадям, двигаясь с неожиданной для его коренастой фигуры скоростью, и я бросился следом, чувствуя, как в груди разливается холодная, липкая паника.

Наши лошади, неожиданно проявили характер осла. Они упирались, мотали головами, вращали белками глаз и пытались укусить за руки, когда мы тянули их за поводья. Копыта скрежетали по каменному полу, и в этом скрежете мне слышался тот же тревожный ритм, что пульсировал на панели.

Я собрал остатки маны. Их после магического боя, и открытия железных ворот и так было мало - жалкие крохи, которые я собирал из окружающего пространства, словно последние глотки воды в пустыне. Но выбора не оставалось. Я выдохнул, представил перед собой спокойную, гладкую поверхность озера, и послал успокаивающий ментальный импульс.

Магия выплеснулась из пальцев едва заметной в истинном зрении серебристой волной, и быстро преодолев расстояние коснулась сознания животных - осторожно, почти нежно. Лошади замерли. Их глаза остекленели, дыхание стало ровным и медленным, их напряженные мускулы расслабились. Теперь они стояли, словно восковые фигуры, покорно ожидая нашей воли.

- Тащи! - рывкнул гном, хватая ближайшую лошадь под уздцы.

Нам вдвоем пришлось буквально затаскивать их в шахтерскую клеть, тяжелых, неповоротливых, обмякших в трансе. Пот градом катился по лицу, смешиваясь с пылью и превращаясь в соленую, едкую жижу разъедающую глаза. Мышцы спины и рук дрожали от напряжения, в ушах стучала кровь, и каждый новый шаг давался с таким трудом, будто я волочил не лошадь, а каменную глыбу.

Едва я замер, переводя дыхание, как гном завопил мне прямо в ухо:

- Чего стоим, кого ждём? - Тинбалбен ткнул пальцем в мешки с лутом и припасами, сложенными у стены. - Берём и несём!

Я метнул взгляд на тюки, набитые едой и артефактами, и мысленно выругался. Но гном уже рванул к ним, и мне ничего не оставалось, как последовать его примеру.

Однако хитрец меня обманул. Он схватил самые лёгкие мешки, забросил их в нижнюю клеть, а затем взбежал по сходням на второй этаж. Там обернулся и уставился на меня сверху вниз, а я остался внизу, с двумя тяжеленными мешками, распластанными на каменном полу. И только тогда до меня дошло, что гном предусмотрительно занял место, куда не придётся тащить поклажу.

Его взгляд, тяжёлый, насмешливый - прожигал меня насквозь.

- Каков наглец! - пронеслось в голове, пока я, пошатываясь, волок мешки к клетки. - Ещё и зыркает исподлобья. Вот отращу бороду длиннее, чем у Тинбалбена, пусть от зависти локти кусает».

Неугомонный коротышка, однако, не выдержал моей неторопливой поступи. Спрыгнул вниз, ухватился за один из мешков и, крикнув, потащил его вместе со мной. Так мы оказались в клетки почти одновременно. После чего гном бросил мешок на кучу, вновь взбежал по сходням на второй этаж и с рывком захлопнул решётчатую дверь. Тем самым ясно дал понять, что не желает опускаться вниз рядом со мной.

Мне ничего не оставалось, как оправиться в нижнюю клеть.

Едва я переступил порог, решётчатая дверь захлопнулась за моей спиной с металлическим, зловещим лязгом. А затем - мир рухнул. То есть это клеть ухнула вниз, а я вместе с ней.

В свободном падении. Желудок подскочил к горлу, в ушах застучала кровь, сердце, казалось, остановилось, а затем забилось где-то в гортани, пытаясь вырваться наружу. Сила тяжести сбегала и мир для меня потерял опору, и я, не удержавшись, оторвался от пола.

- А-А-А! - вырвался из меня дикий, нечеловеческий вопль. Я даже не узнал собственного голоса - таким высоким, почти детским испугом он прозвучал в пространстве клетки.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Я вскинул руку запуская плетение, и над головой, разгоняя тьму, вспыхнул светлячок, яркий, ослепительный, выхвативший из мрака серебряные шарики воды, что медленно проплыли перед моим взором. Они висели в воздухе, как капли ртути в невесомости, и в этом неестественном, замедленном движении было что-то гипнотическое, почти прекрасное.

В голове, словно назло, заиграла мелодия из Вини Пуха, когда он встретился с неправильными пчелами, и мне вспомнились слова из старого фильма, который любил смотреть мой отец:

- Как у тебя там, Маэстро?

- Всё нормально, падаю...

Всего падаю десять ударов сердца. Но эти мгновения непостижимым образом растянулись в бесконечные, томительные минуты. Время замедлилось, превратив каждый миг в вечность. Я видел, как медленно, словно нехотя, проплывают мимо стены шахты, черные, влажные, покрытые какими-то наростами, поблескивающими в свете моего светляка. Видел, как в воздух поднялась тяжеленная поклажа. Слышал, как гулко и оглушительно колотится мое сердце.

А затем скорость стабилизировалась. Невесомость исчезла, и меня легонько, почти ласково, прижало к полу. Холодные капли воды, застывшие в воздухе, вдруг ожили и ударили в лицо, растеклись по щекам, оставив на коже ледяные, змейчатые дорожки.

Но само торможение, когда оно наступило, было ужасным.

Клеть дернулась, заскрежетала, и меня расплющило о металлический пол с такой силой, что, казалось, кости вот-вот треснут. Я услышал, как от перегрузки хрустнули позвонки, как что-то неприятно щелкнуло в шее. А затем клеть начала раскачиваться на канате - вверх-вниз, вверх-вниз, - и я, словно резиновый мячик, подлетал и падал, больно ударяясь о решетчатый пол, хватаясь за поручни, которые ускользали из рук.

Лошади, к моему удивлению были все еще в трансе и стояли неподвижно. Только их дыхание ровными облачками пара вырывалось из ноздрей.

Гном стоял, вцепившись в поручень с такой силой, что было видно, как костяшки его пальцев побелели. Однако на мои мытарства он поглядывал сверху вниз с едва заметной, но от того еще более бесящей усмешкой.

Клеть после скачков вверх и вниз немного стабилизировалась, и начала медленно опускаться, а я так и остался сидеть на полу среди разлетевшейся поклажи.

Мы с Тинбалбеном всё это время молча тарасились друг на друга, и в этом молчании, в этом напряжении, висящем в воздухе густым, почти осязаемым киселем, я пытался прочесть его мысли, а он - мои. Спустившись на полтора-два десятка метров - я успел насчитать примерно двадцать ударов сердца, - клеть глухо стукнула, и я почувствовал, как механизмы встали на стопорные кулаки.

Я с трудом поднялся сначала на четвереньки, потом встал и увидел издевающуюся улыбку гнома, а в его глазах плясали веселые чертики.

- По-твоему, это весело? - спросил я его.

- Скорее забавно, - практически не разжимая губ, проговорил гном, и это окончательно вывело меня из себя.

Едва клеть замерла, а решетчатая дверь открылась я выскочил чувствуя, как в груди закипает ярость к успешному прыгнуть с верха гному и заорал:

- Ты почему не предупредил?!

Каждое слово я подкреплял тычком кулака в грудь гнома. Он был ниже меня, но широк в плечах, и мне казалось, что мои удары не причиняли ему вообще никакого беспокойства. Однако от возмущения его глаза налились кровью, лицо исказилось от гнева, и он сжал кулаки так, что они стали похожи на две каменные глыбы. Оттолкнув меня от себя гном приготовился драться.

Я сделал шаг назад, инстинктивно принимая боевую стойку. И оказался в тесной шахтёрской клетки, между рассыпавшимися мешками с артефактами. Пространства для манёвра почти не было я сам себя загнал в ловушку. Однако гном медлил. Он смотрел на меня тяжелым, испытующим взглядом, и в этом взгляде было ещё что-то, кроме злости.

- Я видел тебя на ярмарке в городе, - заговорил он, и его голос, низкий и хриплый, прозвучал обманчиво спокойно. - Я видел, как ты выкаблучивался перед графиней Шаниной. Поднял над собой быка одной рукой и взбежал на холм, даже не запыхавшись. Магическое усиление мышц, да? А что я вижу сейчас?

Он шагнул ко мне, и я отступил еще на шаг, упершись спиной в решетку.

- Ты изображаешь дохляка, - продолжил гном, и в его голосе зазвучал металл. - Дохляка, который не может обогнать гнома, не может затащить в клеть собственного коня. Не знаю, что ты задумал, маг. Но здесь, под землей, ты не выживешь без меня. А я, без тебя.

Он замолчал, и в тишине, повисшей между нами, было слышно, как где-то в глубине шахты монотонно капает вода.

- Ты точно «Дубовая Голова»! - выкрикнул я, чувствуя, как злость перехлестывает через край, смешиваясь с обидой и каким-то глухим, несправедливым чувством. - Не нужно искать подвоха там, где его нет!

Я перевел дыхание, пытаюсь унять дрожь в голосе.

- Для мага, которого месяц держали в негаторе магии, я очень бодр и силен. Но после тюрьмы... - я запнулся, подбирая слова, как минимум месяц я не могу достаточно точно и с высокой концентрацией контролировать магические внутренние потоки. Есть риск, что при применении магического усиления мышц я не удержу поток и...

Я замолчал, чувствуя, как комок подкатывает к горлу. Представил на миг, как магия, вместо того чтобы послушно течь по каналам, вырывается наружу, разрывая сосуды, превращая мышцы в кровавое месиво, выжигая внутренности изнутри.

- Разрушу свой организм, - закончил я тихо.

Гном молчал. Я видел, как его лицо медленно разглаживается, как уходит из глаз жесткий, обвиняющий блеск.

- И вообще, - добавил я, уже спокойнее, - нам не стоит ссориться на ровном месте. По пустякам. Я, несмотря на свою физическую слабость, пытаюсь действовать вместе.

Несмотря на то, что мы вроде бы всё выясняли, мы продолжали стоять друг напротив друга, словно два диких зверя перед прыжком. Напряжение между нами казалось таким сильным, что его можно было резать ножом. Я не отводил взгляда, и гном тоже не отводил. В какой-то момент мне показалось, что он сейчас снова взорвется, но вместо этого он медленно, словно нехотя, кивнул.

- Ладно, - буркнул он. - Поверил. Но если увижу, что ты меня обманываешь...

Он не закончил фразу. Да и не нужно было.

Гном развернулся ко мне спиной и зашагал на выход из клетки. Наконец он остановился, коснулся рукою лба, что-то неслышно прошептал - может, молитву, может, заклинание, жестом пригласил меня выйти.

Я шагнул в темноту, одновременно зажигая светлячка, не пожалев маны. Шар вспыхнул ярко, осветив уходящий во мрак свод тоннеля. И тут меня пробрала дрожь.

Я поднял голову, и посмотрел в створ шахты, где вверх светила маленькая светлая точка. Неосознанно представив всю толщу земли над собой. Камни, породы, слои, накопленные за миллионы лет, - и я, хрупкая, беззащитная букашка, затерянная в недрах планеты, отделенная от живого мира сотнями метров гранита и базальта. Дыхание перехватило, а сердце остановилось где-то, и на миг мне показалось, что стены начинают смыкаться, давить, сплющивать. Я с трудом удержал в себе крик ужаса, родившийся у меня в груди. Все, что мне хотелось сейчас сделать, - это зажмуриться и закрыть уши руками.

Рука Тинбалбена легла на мое плечо, И в этот миг она показалась мне удивительно надежной. Не как опора, нет, как якорь, который удержал меня, в бушующем море страха. Ужас, что сжимал грудь ледяными пальцами, вдруг дрогнул. Отступил. Не исчез, так сразу не бывает, но перестал душить. Осталась только тишина. И усталость. И странное, почти спокойное ожидание того, что будет дальше.

- Какое величие! - произнес гном, и его голос, обычно резкий и насмешливый, сейчас звучал приглушенно, дрожа от переполнявших его эмоций. Я посмотрел на него и увидел его глаза - широко распахнутые, блестящие, устремленные в глубину тоннеля. - Ты тоже почувствовал мощь древних? Мы находимся на горизонте около восьмисот саженей. А воздух! Чувствуешь, какой?

Я прислушался к себе и понял, что он прав. Дышать здесь было легко, гораздо приятнее, чем на поверхности. Теплые струи воздуха, шедшие из открывшегося тоннеля, обдували тело со всех сторон, приятно щекотали лицо и пахли чем-то сухим, почти огненным. В этом дыхании земли угадывалось нечто живое, пульсирующее в самом сердце планеты.

- Воздух идет снизу, - понял я. - Где-то глубоко есть второй выход. Или... огненное сердце подземного мира дышит, и этот вздох доходит до нас сквозь толщу пород.

Что-то щелкнуло в голове. Нервное напряжение, вызванное страхом перед глубиной, вдруг отпустило мою грудь. Возможно, причиной стало восхищение гнома, или ласковый, живой ветер, а может, я просто смирился с окружающим миром, его глубиной, древностью и величием.

- Да, из-за происходящих событий нервы на пределе, - подумал я. - Того и гляди сорвусь. В любом случае, нужно брать себя в руки, настраиваться на серьезный лад, иначе будет мой скелетик бродить неуспокоенным... как там у Высоцкого? - «Тыщу лет, пока помрёт».

Я глубоко вздохнул, чувствуя, как воздух наполняет легкие, вытесняя остатки страха, и молча кивнул гному. Затем, перешагнув порог клетки, сбежал вниз, на ходу запуская искорки поисковиков - они разлетелись в стороны серебристыми нитями, прочесывая тоннель, заглядывая в каждую трещину.

- Не трать зря ману, Алкес, - крикнул мне Тинбалбен. - И светляка погаси. Освещения тут достаточно.

Я хотел возразить, но потом вспомнил: для гномов подземелье, родная стихия. Они наверное видят в темноте так, что мне и не снилось. Я послушно погасил магический фонарик, и на несколько мгновений тьма сомкнулась вокруг, как вода над брошенным в озеро камнем.

А потом глаза привыкли. Я увидел стены. Они не были черными, как я предполагал. Они светились, едва различимым, бледно-зеленоватым свечением, исходившим от мха, покрывавшего камни. А на потолке... я замер, запрокинув голову.

Там, высоко-высоко, мерцали звезды. Тысячи звезд - зеленых, голубых, изредка золотистых, - они переливались, пульсировали, двигались в каком-то неспешном, завораживающем танце. Моя память услужливо подсказала мне название: *Arachnoscampa luminosa*. Личинки светлячков, проголодавшиеся, развесившие свои ловчие сети среди мха, заманивающие добычу мерцанием собственных тел.

Я стоял, задрав голову, и не мог оторвать взгляда от этой подземной вселенной. Никогда - ни в том мире, откуда я пришел, ни в этом - я не видел ничего подобного. Казалось, что мы не в тоннеле, а в каком-то сказочном лесу, где вместо листьев над головой - живые огни, а вместо земли - мягкий, светящийся мох.

- Давай поторопимся, - негромко произнес гном, и его голос прозвучал в этой красоте почти кощунственно. - Пока они светят, дорога безопасна.

Я опустил взгляд и увидел, что Тинбалбен уже вывел лошадей из клетки. Животные, очнувшиеся от транса, нервно прядали ушами, но шли за гномом покорно, словно чувствовали в нем хозяина этой глубины.

Я кивнул, вскочил в седло, едва не упершись головой в потолок и мы двинулись по тоннелю - прямому, как стрела, уходящему в самое сердце земли. Вначале тихо, но потом гном пришпорил коня, и мы рванули вперед, подгоняя уставших животных. Время растянулось, превратившись в бесконечную череду однообразных мгновений: стук копыт, мелькание стен, ровный свет над головой. Тинбалбен скакал впереди, будто за нами по пятам гнались черти из нашего мира. Его огненно-рыжая борода развевалась, и в этом стремительном движении было что-то отчаянное, почти безумное. Чтобы не отстать, я прижимался к гриве скакуна, чувствуя, как подо мной ходят его мышцы, и аккуратно, но настойчиво ударял стремянами по бокам.

Приблизительно через час лошади взмокли от пота. Бока их ходили ходуном, из ноздрей вырывался горячий, тяжелый пар, а по спинам стекали ручейки соленой влаги, смешанной с пылью. Я видел, как подрагивают их мышцы, как с каждым шагом копыта опускаются на камни все тяжелее, все не увереннее. Но Тинбалбен упорно отказывался снижать темп скачки, словно не замечая усталости наших коней.

Когда терпкий, удушливый запах взмыленных животных достиг максимума, я больше не выдержал.

- Ты чего скачешь, как с цепи сорвался?! - заорал я, перекрывая грохот копыт. Мой голос прозвучал хрипло словно простуженный, из-за сухого, обжигающего горло воздуха в тоннеле.
- Совсем лошадей загнал! Упадут - дальше на своих двоих топтать придется!

Гном промолчал. Но я заметил, как его спина чуть расслабилась, как он слегка натянул поводья. Скорость хода уменьшилась, и кони, благодарно вздохнув, перешли с тяжелой, надрывной рыси на размеренный, спокойный шаг.

Так мы ехали еще часа полтора, погруженные в свои мысли, нарушаемые лишь мерным стуком подков и редким пофыркиванием лошадей. Наконец, Тинбалбен свернул в боковой ход, и вскоре мы оказались в небольшом, но уютном зале, где, судя по всему, часто останавливались путники.

- Привал, - бросил гном, спешиваясь.

Я сполз с седла, чувствуя, как затекшие ноги противно гудят, а спина, казалось, превратилась в один сплошной комок боли. Пока я рассёдлывал и поил лошадей из маленького родника, бившего прямо из стены, вода в нем на удивление была кристально чистой и холодной, с едва уловимым привкусом минеральных примесей, - гном содрал мох со стен, обтёр с них пот и задал по большой охапке каждой лошади. Животные с удовольствием принялись жевать его мягкую зелень, шумно втягивая ноздрями аромат, и постепенно их дыхание успокоилось, а их огромные черные глаза обрели осмысленное, благодарное выражение.

Я тоже надрвав мха и устроив себе ложе с удовольствием развалился. Мох пах сеном и пылью, кроме того в запахе улавливались ноты лёгкой сладковатой терпкости с оттенком торфа и хвои. Он мягко пружинил под телом, как хороший матрас.

- Тинбалбен, - попросил я, закидывая руки за голову, - Расскажи немного о тоннелях. Твои предки, наверное, знали в них толк.

Гном, похоже, сам был не против похвастаться творением древних родичей.

Я, набив полный рот вяленным мясом, приготовился слушать рассказ Тинбалбена и, в отличие от Васьки из русской поговорки, который «слушает да ест», я слушал с огромным, жадным интересом

- Слушай, - сказал он, отхлебнув из фляги какой-то настойки, - и запоминай. Такое не каждый день рассказывают.

- Если ты присмотришься к полу тоннеля, - начал гном, отламывая кусок сушеной рыбы и отправляя его в рот, - то заметишь, что под ногами не встречается никакого мусора.

Я бросил взгляд на пол, действительно, ни соринки, ни пылинки, только гладкий, отполированный веками камень.

- Однако подгорному тоннелю более пяти тысяч лет, - продолжил Тинбалбен, и в его голосе зазвучали торжественные нотки. - Ты спросишь меня, как это так? Куда девается мох, падающий с потолка? Почему здесь так чисто?

Я не перебивал, лишь молча жевал, давая ему возможность выговориться. Иногда достаточно уметь хорошо слушать, и складывать воедино обрывки информации, словно разрозненные кусочки мозаики.

- А это говорит лишь о том, - гном поднял палец вверх, и в его жесте было что-то от древнего жреца, открывающего непосвященным великую тайну, - что кто-то или что-то следит за порядком на этой территории. И когда гаснут светлячки, в тоннели выходят они.

- Големы? - догадался я.

- Именно, - кивнул Тинбалбен. - Каменные големы. Для ремонтных работ и очистки территории от мусора.

Он говорил, а я слушал, ловя каждое слово. Если, мы не поладим с гномом, то мне как-то придется выбираться, от туда куда он нас ведет. Из его размеренного, неторопливого повест-

ования складывалась интересная картина, големы это идеальные телохранители, охранники и рабочие. Их выносливость и послушание не знают границ. Они огнеупорны, живучи, как скала, не подвержены старению и служат преданно тысячелетиями. Иммунны к магии, жаре, холоду, электричеству и любому физическому воздействию. Встреча с ними в тоннеле смертельна для незваных чужаков. Пусть каменные истуканы не обладают собственным сознанием, зато строго исполняют заложенный в них набор команд, не ведая усталости и не покладая своих каменных ног и рук.

Всю эту информацию я мог проверить считывая с памяти, Алекса, которому в академии магии на лекциях рассказывали тоже самое. Но лично мне было интереснее слушать гнома, он говорил не сухим языком учебника, а вкладывал в слова что-то личное, почти сокровенное.

В конце повествования, приняв мое заинтересованное молчание за испуг, гном попытался меня успокоить:

- Алкес, не бойся. Мы находимся в зоне безопасности. Големы в залы для отдыха не заглядывают. Я обещаю, что выведу тебя отсюда.

Не смотря интересный рассказ, последнюю фразу я услышал сквозь навалившийся, как каменная тяжеланеная плита, сон. Тяжелый беспокойная день, ночь перед ним, бег, бой, снова бег - всё это обрушилось на меня разом, придавило к мягкому мху, и я провалился в темноту, даже не успев дослушать монолог гнома. Не было ни сил, ни желания устанавливать охранный контур, приходи и бери голыми руками. Я просто спал, без сновидений, без кошмаров, без той тревожной чуткости, что обычно не покидает меня в незнакомых местах.

Ночь прошла спокойно. Никто нас не потревожил.

Проснулся я от того, что кто-то настойчиво тряс меня за плечо.

- Вставай, соня, - голос гнома звучал глухо, но в нем слышалась знакомая насмешка. - Солнце уже высоко. Если бы оно здесь было.

Мы быстро перекусили остатками вяленого мяса, наполнили бурдюки ледяной водой из родника, проверили у лошадей подковы, к счастью, они были в порядке, и снова тронулись в путь.

В этот раз гном лошадей не гнал. Мы ехали скорой, но размеренной рысью, и я чувствовал, как животные постепенно набираются сил. Снова дорогу освещали светляки и мерцающий мох, а мы, игнорируя боковые ответвления, скакали по прямой, как стрела, магистрали. Постепенно увлекательное фэнтезийное приключение стало превращаться для меня в серую, монотонную рутину. Красота светящегося звездами потолка пригляделась, перестала вызывать трепет. В пути не смотря на прошедшие столетия нам не встречалось ни разноцветных сталагмитов, ни причудливых сталактитов, только гладкие стены да ровный, уходящий в бесконечность пол. Лишь иногда из боковых стволов шахт пыхало жаром, как из раскаленной печи, сухое, обжигающее дыхание напоминало о близости к огненному сердцу планеты.

На следующей стоянке я, несмотря на затёкшую от долгой скачки спину, отправился обследовать зал. Меня привлекли огромные глиняные бочки, стоявшие в ряд возле одной из стен, массивные, покрытые пылью веков, они напоминали спящих великанов. Три оказались пусты, их глиняные бока треснули в некоторых местах и осыпались. Четвертая и пятая были разбиты - осколки валялись на полу, смешавшись с каким-то темным, высыпавшимся содержимым. А в шестой, в самом дальнем углу, на дне, я разглядел что-то, заставившее сердце биться чаще.

Прозрачные шарики размером с ноготь большого пальца.

Я запустил руку в бочку, нащупал их они были холодными и гладкими, словно отполированные. На первый взгляд, это были кристаллы бесцветного кварца. В академии магии студенты-артефакторы на них учились изготавливать различные талисманы и амулеты.

Я тут же, как мальчишка, нашедший клад, бросился к гному, зажав в горсти горсть прозрачных камешков.

- Смотри, что я нашел!

Тинбалбен мельком глянул, скривился и насмешливо фыркнул:

- Алкес, у тебя целый мешок драгоценностей за плечами! Зачем тебе еще и это барахло?

Я не стал ему объяснять, что это вовсе не барахло. Заготовки. И если воспользоваться опытом моего мира пусть там у нас вместо магии была физика, из них можно сделать такое, отчего местные маги-артефакторы за голову схватятся. Например, гранаты. Бросаешь шарик и «бабах», враг летит вверх тормашками, даже не успев понять, что его подорвало. Еще щит последнего шанса пусть на один удар, но иной раз этот удар без щита может оказаться последним жизни. Или, мины-сенсоры... бросил такой шарик позади себя во время боя - и можешь не бояться, что кто-то подкрадется со спины. Да мало ли что еще можно придумать, если включить фантазию и вспомнить навыки, полученные на факультете бытовой магии?

В академии маги-боевики любили подшучивать над, магами-бытовиками:

- Вы, тыловой планктон, можете только за нашими спинами прятаться.

Они были одновременно правы и не правы. Да, во время боя они стоят позади. Но вначале магам-артефакторам приходится выходить на передний край - ставить мины, маскировать засадные полки, устанавливать силовые щиты на позициях солдат. И чаще всего всё это происходит под обстрелом врага. Не зря в каждом взводе разведки есть маг, окончивший факультет артефакторики. Опытный бытовик может любую безделушку превратить в смертоносный артефакт - и наоборот.

Впрочем, зачем гному знать об этом?

Чего скрывать, не доверяю я ему, и всё тут. Не любят гномы, когда чужаки ходят по их тоннелям и распахивают их добро по карманам. А я из глиняной бочки больше двух килограммов наскреб - почти семь сотен заготовок! Каждая из них как маленькая смерть, ожидающая своего часа.

Я уже собирался отойти, когда меня осенило, что есть такая небольшая подстава, моего путешествия с гномом. «Око провидения» лежит в святой святых гномов. В их сокровищнице. Мне, понятное дело, невероятно интересно посмотреть на гномьи богатства, о которых ходят легенды по всему королевству. Однако возникает вопрос: выживу ли я после этого?

Я замер, и осознал всю глубину неприятности, в которую угодил, а затем меня буквально разобрал смех, тихий, почти истерический, который я с трудом подавил, чтобы не привлечь внимания гнома. Вопрос нужно ставить по-другому: выживу ли я вообще?

Засунув добычу в кожаный мешочек, я направился к Тинбалбену, который уже жевал бутерброд, сидя на мешке с припасами, и, глядя прямо в его черные глаза, спросил:

- Тинбалбен, не хочешь поделиться со мной планами на будущее?

Гном отложил еду, и на его лице, скрытом за густой растительностью, я уловил нечто вроде удовлетворения.

- Ну наконец-то! - он с достоинством, почти торжественно, огладил бороду, и мне показалось, что в этот миг он похож на старого полководца перед решающей битвой. - Я всё думал, когда ты согласишься. Замысел мой прост.

Он помолчал, собираясь с мыслями.

- Через один переход мы выйдем в долину. Я денек отдохну и тайными тропами пойду на разведку в город. Ты останешься в горном оазисе ждать меня.

- Почему это? - удивился я, хотя внутри уже всё понял.

- Застрянешь, что тогда делать? - рявкнул гном, и его голос эхом разнесся по залу. - Сожги тебя дракон!

Он помолчал, остывая, и продолжил уже спокойнее:

- Тайные тропы подгорных гномов, это лабиринт узких, запутанных нор и пещерок, в которые и я с трудом пролезу. А ты там даже голову не просунешь. Всё, собираемся. Сегодня отдых окончен.

Я не стал спорить. Хочет один идти, пусть идет, мне же лутше. Вот только если у него получится добыть «Око провидения», он может забыть обо мне. А это - очень плохо.

Что ж, не получается по-хорошему - будет по-плохому.

У мага, чье тело заняла моя душа, насыпать проклятия, вторая специальность. Я зачерпнул из внутреннего резерва ману, совсем немного, каплю, едва заметную в общем потоке, сформировал плетение и мысленно представил, как Тинбалбен застревает в узкой щели подземного хода, и отправил в сторону гнома. Но это не всё, ну застрянет он, какая от этого мне польза. Нужна метка. Пальцы сложились в нужную фигуру сами, плетение выплыло из памяти, и я почти физически ощутил, как тонкая, невидимая нить протянулась от меня к гному, которая в нужный момент натянется и скажет мне, где он.

Будет гному сюрприз. А я приду и спасу его. Смерть гнома мне не выгодна.

Я подавил легкое чувство вины, за наложенное на гнома проклятье, и отбросил прочь все сомнения. Это всего лишь страховка. На всякий случай. На тот самый, пожарный, который, как известно, всегда лучше иметь при себе, чем нуждаться в нём и не иметь.

Едва выехав, мы свернули в более узкий проход и начали подниматься к поверхности. Серпантин петлял, и каждый новый поворот открывал вид на очередной отрезок пути, уходящий вверх, в темноту. Я прочитал заклинание и маленькие светляки вспыхнули под потолком в экономичном режиме следуя впереди нас.

Час, второй, пол тоннеля шел на увеличение наклона, от этого лошади шли медленно, тяжело переступая, их дыхание стало громким, надрывным. Потолок иногда опускался так низко, что мне приходилось спешиваться и вести животных в поводу, согнувшись в три погибели, чувствуя, как каменный свод давит на спину, как сырость и холод пробираются под одежду.

К тому же светлячки, мои верные спутники, из-за долгого перехода вытягивали из внутреннего резерва последние остатки маны. Которая после нашей эпической битвы в ущелье так и не восстановилась в полной мере. Я чувствовал, как силы утекают, словно песок сквозь пальцы. С каждым шагом голова становилась тяжелее, мысли становились вязкими, неповоротливыми.

- Тинбалбен, - не выдержал я и спросил гнома. – Долго нам ещё?

- Скоро поворот, а там час или полтора и выход, - приободрил он меня.

Действительно, скоро мы свернули. И новый ход оказался гораздо хуже предыдущего. Здесь, в этом узком, низком ходу, было темно, сыро и холодно. Стены покрывала влага, капавшая с потолка, и эти мерные, монотонные капли сводили с ума. Я чувствовал себя кротом, зарывшимся в землю, и с каждым метром это чувство становилось все сильнее. Казалось, этому подъему не будет конца.

Но когда мы наконец оказались в широкой, высокой пещере, тускло освещённой откуда-то сверху, я не сразу поверил своим глазам. А потом понял, это солнечный свет! Настоящий, живой, тёплый, он пробивался сквозь невидимые расщелины вверх. Я чуть было не закричал от радости, но сдержался только из гордости и присутствия гнома.

Лошади, почувствовав близость поверхности, оживились, зафыркали, зацокали копытами быстрее.

Я выпустил, золотистую искорку магического поисковика, настроив его на обнаружение любых существ. Искра затрепетала в воздухе, послушно закружилась в пространстве пещеры. Ничего. Только слабые шумы магических всполохов, похожие на далекий шепот, да мертвая, настороженная тишина.

Чем дальше мы углублялись в пещеру, тем светлее становилось вокруг. Высокие гранитные стены темно-серого цвета плавно перетекали в удивительно красивый светло-голубой оттенок, в этом камне было что-то неземное, словно он впитал в себя цвет неба, которого мы

были лишены так долго. Воздух становился свежее, дышалось легче, и на душе становилось радостней с каждым шагом.

Я глубоко вздохнул, чувствуя, как легкие наполняются живительным кислородом, и улыбнулся.

Мы выбирались на поверхность и были живы. Если верить рассказу Тинбалбена. Где-то впереди, за этой расщелиной, нас ждала долина и озеро. А дальше столица гномов - Чернобад, а в нем сокровищница гномов и «Око провидения». И кто знает, что еще.

Я посмотрел на гнома. Он ехал впереди, уверенно и спокойно, и в его осанке, в том, как он держался в седле, чувствовалась уверенность. Он был дома. А я был гостем в этом доме, и пока не знал, радушным ли окажется прием.

Глава 4. Долина водопадов.

Мчатся тучи, вьются тучи; Невидимкою луна
Освещает снег летучий; Мутно небо, ночь
мутна. Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине, Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне... (Александр Пушкин. Бесы. 1830 г.)
На выходе из пещеры по глазам ударила ослепительная белизна яркого солнечного света. Мир на мгновение померк, съёжился до ослепительной точки. Я инстинктивно зажмурился и слишком резко натянул поводья, делая лошади больно удилами, так, что слезы потекли из её глаз и она нехотя остановилась, возмущённо ударив копытом по каменной тропе, вышибая искры и подняв облако пыли. Когда глаза привыкли, я увидел волшебную картину. Долину водопадов. Представьте себе большую пирамиду инков высотой в полторы тысячи метров. Каждая ступень это водопад. И любой водоток течет не плавно, он прыгает по этим ступеням. Поэтому если кто-нибудь решил их там действительно посчитать, то обнаружил, что их там больше тысячи водопадов, раз так в несколько. Зрелище которое предстало передо мною, конечно обалденное и завораживающее, вода падала отовсюду, с высоких скалистых уступов, из расщелин в зелёных склонах, из-за нависающих карнизов, поросших мхом и папоротником. Водопады самой разной высоты и формы низвергались в голубое, окутанное туманом озеро. Мощный гул их падения вызывал во мне непривычные физические вибрации, которые я чувствовал не только слухом, но и всем телом. Мало того, самые крупные с грохотом обрушивались вниз, поднимая тучи сверкающих брызг, а были и такие, что падали почти бесшумно, распыляясь в воздухе ещё до того, как коснуться воды, блестя алмазными вспышками на солнце. Это был настоящий горный оазис, полный зелени и чудес. Пышные папоротники свисали с уступов, образуя живые завесы, колышущиеся на ветру. Огромные деревья с широкими, сочными кронами росли прямо у воды, и их обнажённые корни, вцепились в прибрежные скалы, как пальцы великанов. А над всем этим великолепием раскинулась яркая и плотная радуга, почти осязаемая, рождённая миллиардами мельчайших капель, что поднимались над озером. Она переливаясь, пульсировала всеми семью цветами. Казалось, она совсем рядом, протяни руку, и пальцы коснутся этого светящегося семицветья. И тогда к тебе потоком польется позитивная энергия напитывая твоё тело. Я смотрел на это чудо и не мог надышаться. Воздух здесь был влажным, наполненным озоном, запахами воды, зелени и чего-то ещё, древнего, что спало в этих горах миллионы лет. Хотелось понять, природа или волшебник создали этот рай среди голых, бесплодных вершин? Или, может быть, сам Бог, устав от суровости камня, однажды пролил благодать, и из неё родилась эта долина? Лошадь требовательно заржала, и я очнулся. Гном и его конь уже удалялись по извилистой тропе, и их силуэты таяли в зелёном сумраке. Пришлось поторопиться. - Успею ещё налюбоваться, пробормотал я, направляя галопом скакуна следом. Заросшая тропа вилась среди камней и кустарника, то поднимаясь на небольшие возвышенности, то ныряя вниз, к самой воде. Вскоре она вывела к речке вытекающей из большого озера. Она была неширокой, но полноводной, и неспешно несла свои тёмно-изумрудные воды и скрывалась в глубине пещеры, промытой в скале. Вход в пещеру, словно огромный рот великана с зубами сталактитами и сталагмитами был темным, и вода уходила туда беззвучно, словно ныряла в небытие в царство Аида. Небольшая стая гусей паслась на берегу. Увидев нас, птицы лениво подняли головы, но не взлетели, только шумно захлопали крыльями и, перекрикиваясь, отошли в сторону. Они явно не привыкли к редким путникам и не боялись нас. - Здесь и встанем, - бросил гном, когда мы добрались до поляны, окружённой большими камнями. Они стояли почти правильным кругом, напоминая частокол небольшой крепости, и я подумал, что это место выбирали не случайно, кто-то давно позаботился, чтобы здесь можно было укрыться от непогоды и незваных гостей. Один

из выходов с поляны вёл на песчаный речной затон, спрятавшийся среди обступивших его валунов. Вода там была на удивление тёплой и немножечко солоноватой, будто в ней растворились капли древнего океана, миллионы лет назад плескавшегося на месте этих гор. Я опустил руку, провёл по воде, и ощущение было странным, почти нереальным, забытым. - Как на морском пляже, - неожиданно для себя сказал я вслух. - Там в моей прошлой жизни. - Что? - переспросил гном, возившийся с поклажей. - Ничего. Вода тёплая. Мы спутали лошадей и отпустили их пастись на луг - высокую, сочную траву, где среди зелени мелькали белые, жёлтые и лиловые цветы. Животные, почувствовав свободу, радостно заржали, взбрыкнули и разбежались в разные стороны, и я смотрел на них с какой-то тихой, умиротворённой завистью. Им не нужно было думать о завтрашнем дне, о нежити, клятвах и невыполнимых заданиях: - Пойди туда - не знаю куда, принеси то - не знаю что. Потом, без суеты, мы занялись лагерем. Разбили палатку в тени большого камня, собрали хворост для костра. Я, чувствуя, как в теле понемногу восстанавливается магический резерв, решил размяться, пополнив наш скудный пищевой рацион свежим мясом. Два жирных гуся, слишком доверчиво подошедших к воде, поплатились за свою беспечность. Я мысленно сформировал плетение, разряд молнии, и он точно с тихим треском разряда прорезал воздух, оставив за собой едва заметную голубую нить. Птицы беззвучно опустились на траву, даже не успев понять, что случилось. Гном, глянув на мою охоту, одобрительно хмыкнул и сноровисто выпотрошил гусей, а затем насадил их на вертел. Мясо шипело над огнём, жир капал в костёр, и запах жареной дичи смешиваясь с ароматами трав и водяной свежестью разнёсся по всей поляне. Впервые за последние два дня мы набили животы, что называется, до отказа. Ели молча, сосредоточенно, и лишь изредка поглядывали друг на друга, словно проверяя, не исчез ли этот сытый, спокойный мираж. А потом разморённые лежали на мягкой траве, и блаженствовали. В голове от сытости поселилась пустота, потому что мысли испарились, растворившись в шуме воды и шелесте листвы. Мерный, словно колыбельная бесконечный гул водопада убаюкивал, и я почувствовал, как веки тяжелеют, а тело и разум проваливается в мягкую, тёплую негу. Но покой длился недолго. Сначала я услышал подозрительный шум, а моя параноя подкинула в кровь адреналин. Хотя, может быть, это был не шум, а едва уловимый шелест, такой тихий, что его можно было принять за ветер, играющий в кронах деревьев. Но ветра не было. Листья на кустах висели неподвижно, а шум в голове нарастал, превращаясь в странный, бесплотный шёпот. Я медленно открыл глаза, чувствуя, как сердце начинает биться чаще, как по спине пробегает холодок тревоги. Не вставая, осторожно огляделся. Ничего. Гном мирно посапывал в двух шагах. Лошади щипали траву. Гуси плавали по озеру. А первый взгляд, всё было спокойно, тихо и солнечно. - Что за шутки? - прошептал я, прислушиваясь к себе. Сердце застучало тяжело, разгоняя кровь по жилам. Шум звучал у меня в голове и в этом внутреннем шуме мне почудилась какая-то неведомая угроза. - Может, показалось? Или от перенапряжения мозг сбоит? Но шёпот не исчезал. Он становился отчётливее, и вскоре я уже различал отдельные слова. - Ты что здесь забыл, маг? - прорезался сквозь шум в голове бесполой, равнодушный голос. Он звучал отовсюду и ниоткуда одновременно, проникая прямо в сознание, минуя уши, и в этом было что-то жуткое, на грани сумасшествия. Словно я услышал в голове голос Наполеона или Чингисхана. Однако голос не назвал себя ни одним из великих моей реальности. Не представился, не извинился за вторжение. Вместо этого он продолжил нагло, с какой-то нечеловеческой уверенностью дерзить мне, будто я был не магом, а нашкодившим щенком. - Эти земли принадлежат подгорному клану гномов. В великой долине могут находиться только подданные нашего короля или наши гости. Несанкционированное проникновение карается смертью! Моя реакция была мгновенной. Я вскочил на ноги, одновременно формируя вокруг себя щит. Едва плетение сформировалось и напиталось маной, воздух дрогнул, а вокруг меня свормировалась полупрозрачная голубая сфера, мерцающая внутренним светом. Пальцы сами сложились в боевую позицию, готовые метнуть огненный файербол в любую сторону. Гном,

лежавший на циновке, разбуженный шумом, приподнял голову. В его глазах я прочитал недоумение, чего это «дурачок» после такого сытного обеда тренировку затеял. Посмотрел вокруг и ничего не спрашивая, у меня, перевернулся на другой бок и захрапел ещё громче.- Смотри, какой резвый магл, - прозвучал в голове уже другой голос - ехидный, мужской, с явными нотками издевательства. - Того и гляди огненными шарами кидаться начнёт. А мы всего-то поговорить хотели.- Магл, значит, - подумал я, чувствуя, как уголок рта дёргается в усмешке. - Уже не просто человек, а магл. Хорошо хоть не назвали «безногим жёлтым дождевым червём» или «пятнистой лягушкой», как Бандар-логи великого Каа. Всё-таки хоть какая-то иерархия, а не сплошное оскорбление. Я опустил руки, но щит не убрал. «Горные духи» балуются, - понял я. Вот же, в самом деле, нашли дурака! В академии магии Алексу рассказывали, что все духи, те ещё штучки. считают себя истинными правителями этого мира. Они капризны, своенравны и обидчивы, древние боги Греции и очень опасны своей мстительностью. Преподаватели советовали с ними договариваться, заклинания изгнания обходятся слишком дорого по энергозатратам. Высасывают больше половины магического резерва даже у архимага. А я-то, как вы понимаете, не архимаг. Я сосредоточился и вытащил из памяти Алекса плетение помогавшее видеть жителей астрала. После воспроизвел его и наплатил маной. Истинное зрение, и через пару секунд преобразило вокруг меня мир. В воздухе, прямо над поляной, совсем недалеко от меня вспыхнули несколько маленьких розовых облачков, а один из них завис прямо надомною. А затем меня накрыло детским почти забытым воспоминанием. Ночные кошмары, приходившие мне во сне в виде безликих кукол. Я тогда был совсем маленьким не способным сопротивляться им. Страх сковывал тело, не давал дышать и кричать от ужаса. А отец приходил, садился на край кровати брал мои руки в свои и говорил спокойно, уверенно:- Ты должен выбрать оружие. То, которое сможет их уничтожить. Запомни, мы с мамой будем стоять за твоей спиной, рядом. Если понадобится, поможем. Но победить их должен ты сам. Я выбрал огненный меч. Просто представил его, длинный, прямой, с лезвием, пылающим алым пламенем. И в следующую ночь, когда куклы пришли снова, я не закричал. Я шагнул к ним, и меч послушно лёг в руку, и от его прикосновения безликие тени сгорали, превращаясь в пепел, развеивающийся по утрам вместе с последними обрывками сна. Не знаю, что помогло мне тогда, вера в отца или безграничное детское воображение. Но кошмары после того, как я выдержал несколько ночных битв ушли. Навсегда. Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, медленный, тягучий, чтобы унять дрожь в пальцах. Как тогда в детстве. В астрале, там, где духи видели меня настоящего, и как им казалось беззащитного, я мысленно зажёл свой меч. Он вспыхнул мгновенно, вырвался из небытия, будто только и ждал моего зова. Я крутанул его, нарисовав в воздухе знак бесконечности, и лезвие, описав сияющую восьмёрку, оставило за собой огненный след. Он не погас, а запылал, словно факел в ночи. отпугнув духов. - Ну и что вы добились, начав с угроз? - раздался вдруг звонкий, девичий голос. В нём я услышал не страх - скорее досаду, даже лёгкое раздражение. - Ишь, как он в астрале мечом размахался. Не дай боги драться с нами захочет.- Катрин, - горячо возразил тот самый ехидный голос, и в нём зазвучала почти детская обида, - хочу напомнить, что сегодня моя очередь играть доброго духа. Ты меня лишаешь законного удовольствия!- А можно, сегодня вы все будете добрыми? - перебил я эту перепалку, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и чуть насмешливо, хотя внутри всё сжималось. - Чем больше добра вы сделаете для меня, тем больше получите в ответ. Так что вам от меня надо? На мгновение воцарилась тишина. А потом ехидный голос заговорил снова, но теперь в нём звучало что-то вроде одобрения.- Смотрите, какой дерзкий магл. Предпочитает сразу брать быка за рога. Что ж, и мы не будем тянуть кота за усы.- Хи-хи, - Звонко засмеялась Катрин, и в её смехе мне почудилось хрустальное звучание горного ручейка, играющего на камнях. - Мы его за хвост. Уже триста лет тянем!- От тебя, магл, - продолжил первый, проигнорировав её иронию. В его тоне снова прозвучала та странная, тягучая, почти осязаемая важность, - нам нужен всего лишь пустяк...- Уничтожить нежить в подгорном

королевстве? - закончил я за него, и в моём голосе прозвучала усталая ирония. Я уже начинал догадываться, куда они клонят. – Так, это не ко мне. С этим и побольше отряды не справились.- Почти угадал, - в голосе духа я почувствовал лёгкий сарказм, будто он усмехнулся краем губ, которых у него не было. Следующие слова из его уст прозвучали с такой торжественностью, будто этот дух возомнил себя если не пророком, то уж точно заслуженным профессором, открывающим ежегодную конференцию в университете.- Эту миссию мы поручим твоему спутнику. Отверженному гному-полукровке. Он одарённый, мы это точно знаем, и по праву рождения он достоин стать правителем Чернобада.- Единственная трудность, - продолжал дух, понижая голос до таинственного шёпота, - мы не ведаем, какая сила дремлет в его крови. Это откроется лишь после ритуала инициации. Посему, маг, ты обязан убедить гнома пройти этот обряд. Я покачал головой, медленно, будто хотел удостовериться, что не ослышался. Идиотизм какой-то.- Убедить гнома, - прошептал я, обращаясь скорее к себе, чем к духам. – Который, после предательства не верит никому, кроме своей секиры. От их этой глупой просьбы во мне внутри закипело глухое раздражение. - Зачем мне его убеждать? - спросил я раздражённо, и голос мой, несмотря на все усилия, прозвучал слишком резко, чем хотелось бы. - Неужели вы сами не можете договориться с Тинбалбеном? Выгода-то для него очевидна...- Мы много раз пытались, - голос духа ещё минуту назад напыщенный стал тише, и в нём была такая горькая, почти человеческая тоска, что меня аж передёрнуло. - К сожалению, он нас не слышит. Как и мы его. В его словах я не услышал ни мольбы, ни жалобы, лишь сухая констатация факта. Тишина затянулась и стала почти осязаемой. Мне на плечи легла невидимая тяжесть, а воздух надо мною сгустился до состояния патоки. Духи ждали ответа. А в голове уже закрутилась одна мысль, вьедливая, как зубная боль:- Ну вот, опять, - вздохнул я, чувствуя, как внутри поднимается глухое, привычное уже раздражение. - Меня встраивают в чужую войну. Так пусть это будет хотя бы не бесплатно. А то я точно помнил, что уважение гномов прямо пропорционально умению торговаться и получать выгоду. И у духов, надо полагать, тоже.- Что вы мне можете предложить за посредничество? - спросил я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и деловито.- Мы отпустим тебя из земель Чернобада живым! - сообщил дух, и в его голосе прозвучала такая самоуверенность, будто он делал мне величайшее одолжение.- Ха-ха! - рассмеялся я. - Смешные, зазнавшиеся призраки. Вы меня оскорбили, предложив такую мелочь за спасение целого королевства гномов. Да и золото с драгоценностями не предлагать! Мы не на базаре, знаете ли.- Мы предлагаем провести ритуал и снять с тебя проклятие «Чокнутого Деуса», - раздался звонкий, девичий голос Катрин. В нём не было прежней игривости - только холодная, деловая расчётливость. - Иначе через месяц или два произойдёт разрушение души и тела, и ты сгоришь от выплеска энергии в магическом ядре.- А вот здесь поподробнее, - я выпрямился, ощущая, как по спине пробежал холодок. - Я что-то не слышал, что надо мной проводили такой ритуал.- Доказательства? - вновь рассмеялась Катрин, и в её смехе мне почудилось что-то хищное, почти змеиное. - У тебя нет контроля над магическими внутренними потоками. А если ты вдруг всё же рискнёшь их применить, например для магического усиления мышц, то выплеск просто разорвёт твои внутренности. Кровь, кишки, всё, что там внутри, - наружу. Будет больно и некрасиво. Я сжал кулаки, стараясь унять дрожь в пальцах.- С козырей зашла, зараза, - подумал я. - Твёрдо рассчитывает уговорить с первого раза...- И почему я никогда не могу сказать решительное «нет»? - прошептал я себе под нос. - Где моя сила воли? Где моё воспитание? Видимо, его вместе со своим телом оставил, в моем родном мире. Я бросил взгляд на гнома. Тот лежал на циновке, но уже не спал, а мрачно таращился в мою сторону, будто пытался уловить отголоски разговора, который я вёл с невидимыми собеседниками. - Ладно, - сказал я без особого энтузиазма, чувствуя, как внутри всё сжимается. - Закрепим наши отношения клятвой, и я попробую. Но учтите: если он пошлёт меня подальше, сами туда идите. Я не нанимался уговаривать гномов, которые верят только своей секире и бороде. Не успел я договорить, как

магия вспыхнула вокруг, алыми искрами, которые заплясали в воздухе, словно крошечные, разгневанные светлячки. Они кружились, переплетались, обвивая меня и розовые облачка духов, и я ощутил, как что-то незримое, но весомое коснулось моей ауры. - Клятва принята, - Сообщил мне торжественным голосом неизвестный мне дух. - Всё, - подумал я. - Теперь я в этой истории по уши. Обратного пути нет. Надеюсь, не обманут. И, сплунув под ноги, я подошел к гному. - Тинбалбен, - сказал я, опускаясь рядом на корточки. - Нам надо поговорить. О деле. Очень важном. Ты как, готов слушать? Гном молча кивнул. И я начал. - Подгорные духи-хранители просят тебя пройти обряд инициации дара. Что мне им сообщить? В тёмных глазах гнома я не заметил удивления. Наоборот, в них вспыхнуло ликование. И ожидание, что бывает у тех, кто слишком долго готовился к одному-единственному мигу и теперь просто ждёт, когда он наступит. Он медленно поднялся, расправляя плечи, и в его горделивой осанке, я вдруг увидел что-то неуловимо королевское, идущее от крови рода. Мне тоже пришлось подняться и принять вид соответствующий обстановке. Кажется, получилось не очень, но гном не смотрел на меня. - Передай хранителям, - заговорил он, и голос его прозвучал излишне церемониально и торжественно. В его словах я услышал не просто покорность подчиниться духам его народа, а ту самую готовность к великой миссии, к которой он готовился последние пять лет. - Я готов приступить к проведению инициации немедленно. Дары приготовил согласно древней традиции предков. Он демонстративно встряхнул мешок, висевший у пояса, и внутри, что-то глухо и солидно звякнуло. Моя фантазия, тут же нарисовала золото, самоцветы или нечто древнее и ценное. И ведь Тинбалбен ни разу не обмолвился о его существовании! У меня сразу возникла целая куча вопросов. Сколько же времени он всё это собирал? Где хранил? Как умудрился сберечь, когда его забрали в тюрьму и обыскали его вдоль и поперёк? Столько вопросов и нет ни одного ответа. - Ничего, разберёмся, - успокоил я себя. - Не сейчас, так потом. - Скажи ему, - Голос духа, который был доселе сухой и отрешённый, вдруг потеплел и зазвучал с почти отеческой мягкостью, и в этой мягкости я различил усталость, что бывает только у тех, кто ждал слишком долго, - мы услышали. Пусть готовится. Ритуал начнётся с заходом солнца, когда взойдут полуночные звёзды. Я поднял глаза к небу. Солнце, ещё минуту назад ослепительное, теперь клонилось к западу медленно, словно нехотя, уступая место надвигающимся сумеркам. Тени от скал вытянулись, поползли по земле, точно пальцы гиганта, который вознамерился ухватить озеро, сжать его в кулаке и утащить в неведомую бездну. В этом неумолимом движении было что-то зловещее, непостижимое... До ритуала оставалось совсем немного времени. - Ритуал начнётся с заходом солнца, когда взойдут полуночные звёзды, - повторил я гному слова духов, стараясь, чтобы голос звучал ровно. - Готовься. Тинбалбен кивнул, не проронив ни слова, и отошёл к палатке. Там он опустился на колени и принялся что-то перебирать в своих мешках. Я смотрел и не верил своим глазам. Его руки, обычно сильные и уверенные, способные перерубить скелет одним ударом, - от волнения дрожали мелко и нервно, как у новобранца перед первым боем. Он несколько раз ронял какую-то безделушку, - прежде чем убрать её обратно, и каждый раз чертыхался сквозь зубы. - Волнуется, - понял я. Ожидание предстоящего ритуала сделалось для гнома сущим наказанием. В народе не зря говорят, ждать и догонять - хуже некуда. Он то садился на корточки, уперев локти в колени, то вскакивал, нервно бегая из стороны в сторону, не в силах совладать с нахлынувшими эмоциями. Я видел, как он беззвучно шепчет. Может, молитву древним богам гномов или заклинание, которому его научили ещё в детстве. Его волнение передалось и мне. Если уж Тинбалбен, этот каменный истукан, в чьих жилах, казалось, течёт не кровь, а расплавленная магма, начал трястись, значит, проведение ритуала инициации действительно серьёзное дело. Я поймал себя на том, что тоже начал ёрзать, поглядывать на солнце, прикидывать, сколько времени осталось до заката. Чтобы отвлечься от этой гнетущей тишины, я, подошёл к гному и молча опустился рядом. - Тинбалбен, - начал я осторожно, подбирая слова, будто шёл по минному полю, не зная, какие из них успокоят гнома, а какие окончательно выведут из себя и

он набросится на меня с кулаками, - а за что тебя выгнали из клана? Гном замер на мгновение, медленно повернулся ко мне, и в его глазах я увидел удивление, смешанное с подозрением. Я тут же пожалел о своём любопытстве. - Сожалею, - пошёл я на попятную, примирительно подняв руки ладонями вперёд. - Зря спросил. На секунду воцарилась тишина. Гном о чём-то раздумывал. Я уже мысленно распрощался с надеждой услышать ответ, когда гном вдруг заговорил. - Ничего криминального я там не сотворил, - ответил он после долгой паузы, и в голосе его прозвучала глухая, давно затаённая обида. - Просто со старейшинами поспорил. А с этим у нас строго: кто нарушает правила - выгоняют из клана. А другие кланы не очень-то любят брать к себе изгоев. Пришлось податься в наёмники. Он замолчал, уставившись на воду речного затона, и я понял, что он говорит далеко не всё. Его лицо, вдруг стало каким-то потерянным, почти детским. - Твою девушку отдали замуж за другого? - спросил я наугад, поддевая его на откровенность, как рыбу на крючок. - Какой гном придёт в восторг, если его невесту выдают замуж за другого? - Вовсе нет! - рявкнул гном, и его лицо от гнева пошло красными пятнами, будто кто-то плеснул туда кипятком. - Да что скрывать! Раскопал я, что некоторые старейшины продвигали интересы тех, кто больше платит... Представь себе, они не брезговали брать золото даже у наших врагов - эльфов! Я пытался донести это безобразие до совета старейшин, но меня даже слушать не стали! Он говорил, и с каждым словом из его глубины души начал подниматься гнев как лава из жерла вулкана, которому надоело молчать. Его кулаки сжались, плечи напряглись, и я невольно отодвинулся, чтобы случайно не попасть под раздачу. Его глаза горели, и в этом огне читалась, боль преданного человека, который верил в справедливость и был наказан за эту веру. - И что, никто не поддержал? - спросил я тихо, уже почти шёпотом. Гном криво усмехнулся в бороду. - Поддержали? Меня поддержали дверью, когда вышвыривали из зала совета. И пинком под зад, для ускорения процесса. - Слишком крупные фигуры? - спросил я, хотя ответ уже знал. Такие истории всегда заканчиваются одинаково во всех мирах. - Сами по себе они - никто! - выкрикнул гном, и его кулаки сжались так, что побелели костяшки. - Но за ними стояли те, кого в совете слушали. Влиятельные гномы, с длинными бородами и тяжёлыми кошельками. А моё слово, слово полукровки... - Он горько усмехнулся и махнул рукой, словно отрезал что-то. - Никому не нужно. - Да, - произнёс я, чувствуя, как внутри поднимается сочувствие к этому коренастому, упрямому воину, который искал правду, а нашел предательство. - Ты поступил слишком просто и наивно. - Считаешь себя очень умным, да? - насмешливо спросил гном, а в его глазах блеснули злые огоньки. Он наклонил голову, как бык перед атакой. - Что бы ты сделал на моём месте? Я посмотрел на него, но, не смотря на его набычившийся вид, в его взгляде увидел не вызов, а любопытство. Он действительно хотел знать, как бы на его месте поступил я и стоит ли мне доверять. Я задумался, подбирая слова, и в голове вдруг всплыл голос отца: «Никогда не давай советов, если тебя не просят. А если просят, помни, что ты не на их месте». Но Тинбалбен просил. И я решил ответить. - Для начала, - сказал я, глядя ему прямо в глаза, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без тени назидания, - я бы точно не стал выдвигать обвинений без веских доказательств. И уж точно не стал бы размахивать правдой, как дубиной. Истина - оружие тонкое, обоюдоострое. Её нужно подносить к горлу, когда жертва уже не может защищаться. Сначала нашёл бы союзников. Потом - собрал бы компромат. А уж после этого... - я сделал паузу, чувствуя, как воздух между нами сгущается, становится вязким, почти осязаемым, - убедившись, что удар придётся точно в цель, а не в пустоту, - предъявил бы доказательства их преступлений на совете. Гном молчал. Но я видел, что в основном он согласен со мною. Его напряжённое лицо, медленно разглаживалось. Он коротко кивнул один раз, и в этом кивке было что-то похожее на уважение. Такое, какое один боец оказывает другому, признавая его правоту, даже если она горька для него. - Я вообще удивлён, что ты остался жив, - продолжил я, чувствуя, что касаюсь старой, незаживающей раны. - Сколько всего было попыток тебя убить? Гном усмехнулся - коротко и жёстко. - После трёх, слава богам, неудачных покушений я сбежал

из королевства гномов в Закатную империю людей. - Он говорил спокойно, но я уловил дрожь в голосе, да и побелевшие костяшки на его кулаках выдавали нешуточное волнение. - Потом, узнав о наборе добровольцев для похода в Чернобад, перебрался в баронство Бревис. Вступить в отряд «Искателей» не получилось, гномов туда принципиально не брали. Считалось, что они не позволят захватить «Око провидения», и предадут. Пришлось открыть свою кузницу и ждать удобного случая. Он замолчал, уставившись куда-то вдаль, туда, где водопады сливались с сумеречным небом в единую багряную стену. В этом взгляде было столько тоски, что даже у меня защемило сердце. - Я надеялся, что отыскать меня за тридевять земель в Бревисе будет не так просто, - продолжил он тише. - Ошибся. Предатели сделали всё, чтобы найти и уничтожить меня. Я ни кому не говорил, что в моих жилах течет кровь королевского рода Чернобада. Но они откуда-то узнали. В его голосе не было злобы. Только усталость человека, который слишком долго бежал, зная, что от судьбы не убежишь. - Они меня нашли, - гном помрачнел, лицо его стало жёстче, точно каменная маска. - Они готовились к этому заранее. Даже послали ко мне в кузницу своего человека. Похоже, он всё разнюхал. Это не наши. Это охотники за головами. Пришли с юга. Он произнёс это так, будто юг был не стороной света, а символом всего враждебного, что не заслуживает даже названия. - Небольшой отряд наёмников, человек десять устроил ссору в таверне и попытался под шумок меня прикончить, - продолжал Тинбалбен, и его лицо начало меняться, черты заострились и хищными. - Вот только всё пошло не по их плану. Ненависть, накопившаяся во мне за годы скитаний, накрыла меня, и я провалился в неудержимое безумие берсерка... Он провёл рукой по лицу, словно стирая с него что-то невидимое, что я понял: он повторял его каждый раз, когда воспоминания подступали слишком близко. - Ничего не помню! Очнулся - кругом кровь, трупы, крики раненых. Меня и всех выживших наёмников посадили в тюрьму и после короткого суда приговорили к эшафоту. Гном вдруг поднял на меня глаза, тёмные, как старые шахтные колодцы, в которых никогда не было руды. И в этом взгляде мне открылось, что он рассказывает сейчас не о наёмниках и не о суде. Он рассказывает, что случилось с ним задолго до того, как я появился в этом мире. О том, что пытались сломать его, но не согнуло до конца. - Между прочим, барон Иероним фон Лугис и охотник Боген из Ронхила были среди, охотников за головами, - произнес он, как бы извиняясь. - Архимаг взял с нас клятву, что мы больше не будем драться между собой. По этой причине я не мог тебе помочь, когда они подло атаковали тебя. Он замолчал и испытующе взглянул на меня, прямо, без тени той насмешливой хитрости, что обычно пряталась в его глазах. Я смотрел на этого коренастого, обросшего рыжей бородой воина, и внутри меня медленно ворочалась мысль, что всё это время. Бой в ущелье, бегство, спуск в шахту - он знал. Знал, что люди, с которыми мы пришли, пытались убить меня, и не мог вмешаться, потому что его связывало слово, данное на крови. - Это что, - пронеслось в голове, и я поймал себя на том, что сравниваю его с капризным ребенком, - типа «извини, братан, мне мама не разрешила»? Я открыл рот, чтобы сказать что-то едкое, но слова застряли в горле. Я вспомнил клятву, которую давал сам. Вспомнил, как кровь шипела на пергаменте, как холод обжег ладонь. И понял, что не имею права осуждать. - Твоя помощь... - голос мой зазвучал бодрее, чем я сам себя тогда чувствовал после боя, - не была бы лишней. Но я их сам, на раз-два, раскатал. Я даже позволил себе легкую, чуть хвастливую улыбку. Гном глянул на меня из-под густых бровей с хитринкой, и не говоря ни слова, ухмыльнулся в бороду. Типа: «Видел я твои «на раз-два», мальчик». Но ничего не сказал. - Тинбалбен, - продолжил я, решив перевести разговор в более практичное русло, Да и нужно было понять, что за ритуал хотят провести духи долины водопадов, - любой магистр проведет инициацию дара всего за тридцать золотых. А ты сразу и без торга отдаешь несколько килограммов золота! - Я ткнул пальцем в мешочек, который гном заботливо пристроил рядом с собой, подложив его на свернутую попону. - Ты им переплачиваешь в несколько раз! Или ты не гном? Тинбалбен вздохнул - тяжело, как человек, который уже много раз объяснял прописные истины нерадивым ученикам и знает, что очередное объяснение ничего

не изменит. Он запустил пятерню в бороду, принялся неторопливо перебирать спутанные пряди.- Дело не в цене, - ответил он наконец, и голос его зазвучал глуше, словно он говорил не со мной, а с кем-то невидимым, стоящим у него за плечом. - Здесь испокон веков так принято. По сокровенной традиции предков духи-хранители в обмен на сундук с золотом пропускают будущего правителя гномов в древнее святилище. Он замолчал, собираясь с мыслями. Я не торопил. В шуме водопадов мне вдруг послышались отголоски древних барабанов, глухих, ритмичных, отбивающих вековой такт. И я задался вопросом, сколько же поколений королей гномов прошло через этот обряд? Сотни? Тысячи?- Там, в священном водоёме, - гном указал рукой на заводь, окружённую выступающими камнями, похожими на древних стражей, духи создают круг силы. Кольцо из переплетённых силовых потоков стихий. И проводят испытание-посвящение. Гном, претендующий на королевство, должен доказать своё право на власть. Он поднял руку, и его короткие, сильные пальцы медленно описали в воздухе круг - словно начертили невидимую и нерушимую границу.- Чтобы стать правителем королевства гномов, мало быть просто магом, - сказал он. - В его духовной магической сущности должен сформироваться «Крест Стихий». Причём господство вертикали Огонь-Земля над горизонталью Воздух-Вода - лишь подтверждает право на корону и трон. Я задумчиво кивнул, ощущая всю тяжесть и величие традиций, чьи корни уходили в такую древность, что перед ней оставалось лишь снять шляпу.- Согласен с тобой, - сказал я, и голос мой прозвучал тише, чем обычно. - Гном, владеющий только стихией воздуха и воды, действительно смешон. Но вот что... - я замялся, подбирая слова потактичнее, - а как же знания рунной магии? Правителя, не владеющего секретами гномьего волшебства, не будут уважать в вашем обществе. Или я ошибаюсь? Тинбалбен поднял палец. У гномов этот жест означал: «Сейчас будет нечто важное», что они считают краеугольным камнем своего знания. Тинбалбен поднял палец - жест, который у гномов означал, что сейчас прозвучит нечто важное, нечто краеугольным камнем своего знания.- Каждый дух-хранитель преподнесёт мне в дар формулы заклинаний, - сказал он размеренно, чеканя каждое слово. - Разной сложности и направленности. Кто-то огня, кто-то земли, ну и рунную магию они тоже мне передадут. Есть только одна проблема... Он замолчал, и я увидел, как его лицо омрачилось, словно туча набежала на солнце.- Чтобы наполнить высшее заклинание, уровень силы должен быть выше восьмого, - закончил он и опустил руку. Я смотрел на него. В голове крутились обрывки академических знаний Алекса. С восьмым уровнем не стоит шутить. Это уровень архимага, за которым начинается настоящая магия, та, что меняет мир. Мне было не понятно, как гном не прошедший инициацию, собиравшийся перешагнуть его здесь, у водопадов, с помощью древних духов. На что они надеются? На что они надеются? Или у них есть родовой секрет, который они оберегали тысячелетия, пока не грянула трагедия?- Слушай, - перебил я коротышку, чувствуя, как внутри просыпается азарт, который я не мог и не хотел сдерживать, - а меня они могут научить заклинаниям? Я заплачу! Гном резко обернулся. Его брови сошлись на переносице, образовав глубокую, вертикальную складку, а в глазах вспыхнул огонёк негодования, да такой яркий, что я невольно испугался, что он меня сейчас прибьёт и отступил на полшага.- Ты должен сказать «спасибо» за то, что тебя не убили! - рявкнул он. Эхо его голоса разнеслось по долине, заставив гусей на озере тревожно загоготать и забить крыльями.- Спасибо, - произнёс я с толикой сарказма, чувствуя, как внутри закипает детское, глупое желание сделать назло. Шутливо поклонился, так низко, что кончики волос едва не коснулись песка. - Ваше великодушие не знает границ. И, не дожидаясь ответа, направился к своей поклаже. А, что, дело сделано, гнома я уговорил. Теперь бы поесть не мешало, и отдохнуть, а потом и добро разобрать. Я уселся на циновку и достал запечённое мясо диких гусей, всё ещё завернутое в лист лопуха. Гусятина оказалась жестковата, хотя с утра пошла на ура. Прожевал с трудом, запил солоноватой водой из фляги. Желудок довольно заурчал. Спать не хотелось. Адреналин после переговоров и мрачных историй гнома всё ещё гулял по крови. Я наклонился к мешку с

трофеям, деньги и драгоценности учёт любят, да и мне нечего без дела валяться, - как вдруг в голове вновь раздался звонкий, переливистый голос Катрин.- Не переживай, - промурлыкала она, и в её интонациях мне почудилось что-то кошачье, ласковое. - За несколько чудесных вещей, лежащих в твоей котомке, мы, может быть, согласимся обдумать твою просьбу. - Ага, нашла наивного простачка, - подумал я. - Я вам «чудесные вещицы» отдам, а она водители подумает! Может быть! Наоборот, я замер, чувствуя, как внутри всё затрепетало от предвкушения, а лицо моё, приобрело ещё более отрешённый вид. Как учил дедушка: «Хочешь продать дорого - сделай вид, что тебе ничего не нужно». Поэтому я даже бровью не повёл, будто предложение духа меня совершенно не заинтересовало. Ничего не ответил. Только поднял голову вверх, словно меня внезапно увлекла красота вечернего неба. А небо и вправду было прекрасным. Оно полыхало невероятным лазурным цветом, таким насыщенным, густым, словно кто-то разлил по небесному полотну жидкую лазурь, не пожалев красок. Высокие горы, подёрнутые прозрачным покрывалом облаков, величественно высились на горизонте, и я знал, что они здесь были до меня, и будут, еще может быть миллион лет после нас. Яркое светило, спешившее спрятаться за вершинами, бросало последние золотистые лучи, и скалы на глазах меняли цвет - из серых становились розовыми, из розовых - багряными, из багряных - тёмно-лиловыми, почти чёрными. До захода солнца оставалось ещё час или полтора. Может быть, чуть больше. Времени за глаза, чтобы поторговаться, как следует. Но прежде чем продать товар, его нужно показать лицом. Я развязал тесёмки мешка, перевернул его, и на песок, позвякивая, высыпалась вся добыча, которую я собрал с останков личей. Блёклые серебряные и золотые браслеты, и кольца с потускневшими драгоценными камнями. Цепи с амулетами и какими-то странными фигурками, назначение которых я даже не пытался угадать. Всё это теперь лежало перед нами, поблёскивая в лучах заката, ожидая своего часа.- Любишься! - обратился я к духу-хранителю, стараясь придать голосу небрежность, будто речь шла о пустяках, не стоящих и минуты разговора. - За погляд деньги не беру. Если тебя вдруг заинтересует что-то конкретное, не стесняйся, спрашивай. Может быть, я обдумаю твою просьбу. В ответ, тишина. Только рядом гном, шумно работая широкими челюстями, поглощал остатки наших запасов продовольствия. Я покосился на него, и куда в этого коротышку столько влезает, уму непостижимо. Впрочем, чему удивляться. Он имел полное право успокаивать расшатанные нервы самым древним и проверенным способом - едой. Я вздохнул, мысленно усмехнулся и принялся за дело. Губы привычно зашептали бытовое заклинание чистки, которым Алкес в бытность свою адептом магической академии, приводя в порядок мантию и обувь после практики. Воздух вокруг моих рук дрогнул, и невесть откуда над рассыпанными амулетами материализовалась лёгкая взвесь мелкой пыли. Она закружилась в вихре микроскопических мерцающих звёздочек, и казалось, что сотня крошечных светлячков ожила по моему велению, танцуя над сокровищами мёртвых. Пыль оседала, и там, где ещё минуту назад лежали грязные, заляпанные чем-то тёмным и липким побрякушки, теперь всё сверкало и искрилось на солнце, поражая воображение. Я включил истинное зрение, и картина стала не столь радужной. Амулеты были разряжены в ноль, от их прежней силы остались лишь блёклые, едва заметные искорки, похожие на умирающих светлячков, догорающих на исходе лета. Я порылся в куче, вытаскивая самые простые, не требующие особого внимания артефакты, и разложил их в ряд на плоском камне. Несколько вещей, действительно ценных - тех, что хранили в себе сложные плетения и тонкую работу древних мастеров, я нарочито небрежно откинул в сторону, а сверху бросил пустой мешок. Позже ими займусь. Когда ни гном, ни духи не будут следить за каждым моим движением. Оглядев раскинувшееся передо мной богатство, я протянул руку к приглянувшейся мне подвеске. Алмазная огранка «Бриолет», белое золото, тонкая, почти невесомая цепочка, украшение, достойное королевской сокровищницы. Я поднёс его к глазам, вглядываясь в витиеватое переплетение магических структур, наложенных на камень. Линии плетения были чёткими, выверенными, словно ноты в партитуре. Работа

настоящего мастера-артефактора, вкладывавшего душу в каждое плетение. Память Алкеса услужливо подсказала: это амулет иллюзий. И точно не откусит мне руки. Что ж, попробую зарядить. Я крепко сжал кулон в кулаке, чувствуя, как грани камня впились в кожу, и создал короткий импульс направленного потока маны. Энергия выплеснулась из меня, потекла по каналам амулета, и я понял, что ошибся. Подозрительно много энергии высасывал из меня, этот артефакт иллюзий. Кулон в истинном зрении заискрился, как бенгальский огонь. Алые и золотые всполохи заметались по его поверхности, и на мгновение мне показалось, что сейчас камень не выдержит, взорвётся, изрешетив лицо осколками. Но повезло. Алмаз оказался идеального качества - чистым, плотным, без единой трещинки. Он выдержал насыщение маной. Вспышки угасли, и камень засветился ровным, спокойным светом. Я приподнял подвеску за цепочку, подставил под последние лучи солнца. Бриллиант вспыхнул, заиграл, разбрасывая вокруг разноцветные искры - синие, зелёные, золотые, - и каждая грань ловила свет, преломляла его, создавала причудливую, ни на что не похожую игру оттенков. Красота, - подумал я, чувствуя, как на душе становится тепло и почти спокойно от хорошо проделанной работы. - Подвеска достойна и королевы. Повосхищавшись ещё мгновение, я решил опробовать работоспособность амулета и быстрым движением накинул цепочку на шею, активировал. Ничего необычного я не ощутил. Только лёгкое покалывание в области груди, будто кто-то невесомо коснулся кожи холодными, чистыми пальцами. И всё. Зато гном... Тинбалбен, только что мирно жевавший вяленое мясо, замер. Его лицо сначала побледнело, а потом залилось краской, густой, багровой, словно в него влили кипящее вино. Глаза его потемнели, дыхание участилось, а рыжая борода мелко и противно затряслась. Он уставился на меня с таким выражением, словно увидел перед собой божество, сошедшее с небес, чтобы исполнить самые сокровенные его желания. Если бы я не сдёрнул подвеску с себя в тот же миг, гном мог, кажется, и слюни пустить. - Хм, - я повертел подвеску в руках, чувствуя, как к щекам приливает жар. Стыд смешивался с досадой на самого себя, - ну как можно было так ошибиться? Это же амулет суккуба. Действует на мужиков, скажем так, убийственно. Я ещё раз посмотрел на кулон, тот мерцал маслянистым блеском. Надо будет поковыряться в его плетениях, изменить настройки на более безопасные для окружающих. А то так и до греха недалеко. Вспомнил о кошельке прошитом нитями орихалка, висевшем на поясе со свойствами негатора магии. Там у меня до сих пор хранился серебристый паук. Раскрыл тесёмки и аккуратно опустил туда кулон. Тот тихо звякнул и я затянул горловину. Только тогда перевёл взгляд на застывшего гнома, и с облегчением отметил, что он наконец-то моргнул. Однако его взгляд так и остался прикованным к неведомой точке пространства за моей спиной. В тот момент я, по своей непроходимой глупости, не обратил внимания на то, как паук хищно обхватил кулон лапками, жадно высасывая ману. А как ещё иначе назвать такую беспечность? - Э, друг, - окликнул я его, стараясь, чтобы голос звучал бодро. - Это всего лишь иллюзия. Заветная мечта множества юнцов, но иллюзия. Запрещённый, между прочим, как в Закатной империи, так и в других королевствах. Я щёлкнул пальцами перед его носом. Его плечи подрагивали, и я не сразу понял, что он всё ещё не отошёл от действия амулета. - Э, друг, - окликнул я его, это всего лишь иллюзия, заветная мечта множества юнцов. - Запрещённый, между прочим, как в Закатной империи, так и в других королевствах. - А ты у меня взрослый гном, - продолжил я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без смеха. - Неужели не справишься, со своими гормонами. - Мы согласны, - раздался в голове чарующий голосок Катрин. Теперь в нём не было прежней игривости - он звучал мягко, обволакивающе, словно шёлк, скользящий по коже, проникающий в самые потаённые уголки сознания. - За эту кучу старого ненужного барахла мы берёмся обучить тебя двум высшим заклинаниям. С помощью их ты получишь возможность стать сильнейшим магом в Закатной империи и достигнуть потрясающих успехов, как в карьере, так и в личной жизни. Согласись, это выгодное предложение! - Вот тебе раз! - ударила молнией мысль, и я почувствовал, как внутри всё

переворачивается от внезапного осознания. - Технологии манипулирования в мире фэнтези! Куда мир катится?! В памяти всплыли строки Окуджавы, которые я когда-то выучил наизусть, сам не зная зачем - может, для такого вот момента: На дурака не нужен нож, Ему с три короба наврёшь - И делай с ним, что хошь! Но я буду действовать по другому принципу. Из той же песни, но о другом. Какое небо голубое, Мы не сторонники разбоя: На жадину не нужен нож, Ему покажешь медный грош - И делай с ним, что хошь! Ну а духи долины водопадов, те ещё жадюги. Это я уже успел прочувствовать. - Если ты согласишься, - продолжала Катрин, не обращая никакого внимания на моё молчание, - то можешь породниться с самим императором! По нашим сведениям у императора Анри II Ласкариса две принцессы на выданье! Подумай над тем, как красиво будет звучать - «архимаг Алкес Великолепный, зять императора Закатной империи». Я усмехнулся. Усмешка вышла кривой, невесёлой, такой, от которой самому тошно становится. - Ага, - сказал я, перебивая её сладкий, манящий голос, который уже начинал действовать на нервы, - а потом меня казнят. Например. За покушение на его Высочество. Не прошло и недели, как по этой статье меня приговорили к четвертованию. Я замолчал, чувствуя, как приходят воспоминания и внутри закипает глухая, давно сдерживаемая злость. Не на духов даже, не на судьбу, которая снова и снова подсовывает мне одни и те же ловушки, будто я цирковой зверёк, который прыгает через кольцо за кусочек сахара. - Я как Эдмон Дантес, - сказал я тихо, почти про себя, и голос мой дрогнул. - Жертва подлого доноса. Жениться хотел на прекрасной Розе Шаниной... Она всего-навсего дочка бывшего министра. В данный момент - банкира и владельца заводов, газет, магоходов. Нет за мной ни рода, ни клана. Сирота я. Я поднял глаза к небу, где уже зажигались первые, самые яркие звёзды, они мерцали холодно и равнодушно, и сказал уже громче, вкладывая в каждое слово всю накопившуюся горечь: - Поэтому с вас - десять боевых заклинаний. Да и о защитных тоже не нужно забывать. Хм... тоже десять. А то, что вы мне предложили - так и вовсе курам на смех! В снова ответ пауза. Тяжёлая, давящая, словно духи спорили между собой, решая, какую цену назвать. Воздух вокруг сгустился, стал плотным, как вода перед штормом. Даже светлячки сидящие в траве, казалось, притихли, ожидая приговора. Я стоял, не отводя взгляда от того места, где, как мне чудилось, парила Катрин, и ждал. В конце концов, если уж торговаться, то по-крупному. - Хорошо, - прозвучало наконец, и голос был уже не Катрин, а тот, ехидный мужской, но и в нём не было прежней насмешки. - Два боевых и одно защитное заклинание. - Зачем вы так? - я старался, чтобы голос звучал обиженно, но в нём прорвался смех. - Обидеть хотите?! Мы торговались долго. Слова летали над песчаным затоном, как мячи, переброшенные невидимыми руками. Катрин пыталась сбить цену, сыпала аргументами, уговаривала, соблазняла. Я стоял на своём, чувствуя, как внутри просыпается азарт, который я знал по другой жизни в спорах с однокурсниками, за переговорами с преподавателями, от которых зависела оценка за семестр. Наконец, когда солнце уже почти скрылось, оставив на небе только узкую полоску багряного света, мы сошлись. - Три боевых, три защитных и два лечебных заклинания, - произнёс я, чувствуя, как слова обретают тяжесть. - За всё, что лежит на камне. - Согласны, - ответили духи в один голос, и в этом единстве мне почудилось что-то древнее, незыблемое. - Закрепляем договор стандартной клятвой, - произнесла Катрин, и в её звонком голосе вдруг прорезались стальные нотки. Магия приняла клятву, в небесах сверкнула ослепительная молния, расколовшая лазурный купол на две неравные половины, и тут же рассыпавшаяся россыпью алых искр, что дождём оросили долину. Я вновь ощутил, как что-то незримое, но весомое коснулось самой глубины моей ауры, оставив там нестираемый след. Может, кто скажет: отдал слишком дёшево? Нет, нет и ещё раз нет. В моем случае это о чем в русской поговорке говорится: «За морем и шелуха три рубля - да перевоз золотой». Пусть я слегка переиначил старинную мудрость, но суть, тем не менее, оставалась верной. Как показал последний бой, мой внутренний энергетический резерв далеко не бесконечен. Слишком быстро мана утекает, и слишком медленно, возвращается. Может, с помощью духов коротышка и

справится с повелителем нежити, а может, и нет... Тогда задание Самизена Второго придётся выполнять мне. А я, если хочу выжить, не век же мне сидеть в долине водопадов. Чтобы прорываться через полчища мёртвых, нужны мощные и в то же время энергоэкономные магические плетения. И в этой перспективе каждое новое заклинание становилось не просто знанием, а шансом на жизнь. Я покосился на Тинбалбена. Не пора ли ему уже готовиться к ритуалу инициации? Тинбалбен! - Я помахал рукой перед его носом. Гном не отреагировал. - Эй, король подгорный, очнись! Но гном не отреагировал так и остался стоять словно заворожённый, устремив вдаль мечтательный взор, такой неожиданный на его грубом, обветренном лице. Его глаза, обычно острые и настороженные, теперь смотрели сквозь реальность, будто видели нечто далёкое и прекрасное. Губы его шевелились, словно он говорил с кем-то, «из прекрасного далёко» кто обитал только в его сознании. Я наблюдал за ним и невольно вспомнил строки, которые когда-то заучил наизусть: Я помню чудное мгновенье: Передо мной явилась ты, Как мимолётное виденье, Как гений чистой красоты. В томленьях грусти безнадежной, В тревогах шумной суеты, Звучал мне долго голос нежный И снились милые черты. (Александр Пушкин К *** (Я помню чудное мгновенье...)) Не хило его, долбануло иллюзией суккубы. - Тинбалбен! - я еще раз заорал со всей дури с угрозой. - Сейчас за бороду тебя оттаскаю! Ноль реакции, даже на такое пренебрежение к его бороде. Я тяжело вздохнул. Как бы этот сказочный мираж прекрасного видения, его с ума не свёл. Хотя, по крайней мере, в ближайшие полгода этот образ из его головы и сердца вряд ли исчезнет. А может, и навсегда там останется. Будет беречь душу спрятанный глубоко, как чудесное сокровище, которое он, изгой и полукровка, понесёт в себе через все оставшиеся годы жизни. От таких болезней, говорят, лечит только истинная любовь. Та, что вечна. Та, что никогда не прекращается. Надеюсь, он её встретит. А то не хочется себя виноватым чувствовать. Я перевёл взгляд с застывшего гнома на небо. На горизонте виднелся лишь самый верхний малиновый краешек солнца. Оно торопилось спрятаться за горы, бросая последние лучи на долину, и в этом прощальном свете всё вокруг казалось нереальным, сотканным из золота и крови. Похоже, разбираться с проблемой надо немедленно. Я ещё раз поводил перед глазами коротышки рукой, ноль эмоций. Его зрачки даже не дрогнули. Тогда схватил за плечо и потряс, вновь никакой реакции. Пришлось вклеить гному пощёчину. Не помогло. От второй пощёчины его голова мотнулась в сторону и опять безрезультатно. Он всё так же пребывал в любовном томлении, с застывшей на лице блаженной улыбкой. В третий раз ударить по лицу я не рискнул - дабы духи-хранители не смогли обвинить меня в избиении их протеже. Мало ли, какие у них представления о допустимых методах пробуждения. В это время последний луч заходящего солнца сверкнул россыпью ярко-зелёных лучей на снежных вершинах, окружавших долину, и погас. Редкое оптическое явление, длящееся всего от одной до трёх секунд, я успел заметить, как зелень перелилась в изумруд, а изумруд - в глубокий, почти чёрный сапфир. Мрак, прятавшийся до этого в тёмных пещерах и ущельях, выполз наружу с огромным желанием завладеть долиной на всю ночь. Но сияющие на небосводе звёзды сорвали его планы. Они зажглись все разом, словно кто-то невидимый щёлкнул небесным выключателем, и осветили долину призрачным светом, холодным, голубоватым, будто сотканным из лунного шёлка, хотя луна ещё не взошла. - Магл, - прошелестел в голове мужской голос, низкий и властный, словно звук далёкого горного обвала. - Ты должен помочь нам. Долг твоей клятвы еще не закрыт. Но мы отблагодарим дополнительно! Я вздохнул, чувствуя, как внутри поднимается глухое раздражение, смешанное с тревогой. Вина за случившееся всё же лежала на мне - если бы я не увлёкся торгом, может, успел бы вывести гнома из этого состояния до того, как солнце село. - Хорошо, - сказал я решительно. - Говорите, что мне делать. - Нужно торопиться, времени мало. В момент, когда Звезда Рока выйдет в зенит, Тинбалбен и его дары должны лежать на алтаре. Мою «кучу баракла», которую выторговала себе Катрин, хранитель тоже не забыл. Потребовал положить её на алтарь рядом с дарами коротышки. Я взвалил гнома себе на

плечо. И с трудом, переставляя ноги, которые увязали в песке, как в болоте, потащил его к песчаному речному затону. Он оказался гораздо тяжелее, чем я ожидал. Казалось, в эту коренастую фигуру напихали свинца. Каждый шаг давался с трудом, мышцы спины взмокли и ныли, а я проклинал всё на свете, от духов до собственной дурацкой обязательности. В центре затона из воды показался плоский камень, отшлифованный до безупречной гладкости. Покрытый рунами, едва заметными в угасающем свете. Это и был древний алтарь - место, где решалась судьба. Моя интуиция взвыла: не касайся, опасно. Я послушался. Стараясь не дотрагиваться до ритуального монолита, осторожно положил гнома на холодную поверхность. Тинбалбен даже не шевельнулся, так и лежал, истукан истуканом, с блаженной улыбкой на лице, устремив взгляд в бесконечность. Я выдохнул, вытер пот со лба и поспешил обратно, за оставленным золотом. Сложил в мешок артефакты, разложенные в ряд на плоском камне, и уже направился к ритуальному камню, как вдруг, на полпути. Интуиция, а может, мой внутренний хомяк, тот самый, запасливый и до жути бережливый, полезли в голову с настойчивым напоминанием о ценных вещах, которые я по глупости отбросил в сторону. - Ах да, - прошептал я, останавливаясь. Спорить с ними не стал. Упираться, тем более. В этом мире, каждая безделушка ценна и может помочь выжить, поэтому лучше перестраховаться. Я подошёл к куче артефактов, присыпанных песком, и старательно, почти любовно, закопал их поглубже. Сверху, для маскировки, рассыпал кристаллы бесцветного кварца, что нашёл в бочках. Слегка подзарядил их маной, чтобы в истинном свете они тускло мерцали, отвлекая внимание. - Так себе маскировка, - признал я, окидывая взглядом результат своих трудов. - Но лучше, чем ничего. Интуиция с хомяком согласно промолчали. Я даже почувствовал что-то вроде их удовлетворения. Да и торопиться нужно было. Сложив в мешок гнома артефакты, разложенные в ряд на плоском камне. Я было направился к ритуальному камню, но не успел я сделать и несколько шагов, как моя интуиция, а может мой запасливый хомяк полезли ко мне в голову с напоминанием, о отброшенных в сторону ценностях. Спорить и упираться я не стал. А подошел и старательно присыпал песком отобранные ранее артефакты. Сверху, для маскировки, рассыпал кристаллы бесцветного кварца, слегка подзарядив маной. Так себе маскировка, однако, интуиция с хомяком осталась довольны. Да и торопиться нужно было. На небосводе, молочным мерцающим светом, сияла необычайно яркая звезда - Звезда Рока. Я с неудовольствием заметил, как вокруг алтаря начала концентрироваться энергия, воздух дрожал, наполняясь гулом, похожим на шёпот тысяч голосов, сливающихся в единый, неразличимый хор. - Сожги тебя дракон! - выругался я, чувствуя, как по спине пробегают мурашки. - Ещё немного - и я могу не успеть. Оставались буквально минуты до точки бифуркации, которая должна была подтвердить право гнома на трон. Или отправить нас обоих в небытие. Эта чёртова магическая клятва, данная духам, вполне может меня тоже убить. Шлёпая по воде ногами и расшвыривая брызги во все стороны, я поспешил к ритуальному камню. Буквально бросил на алтарь мешок, развернулся, собираясь бежать прочь, - и не успел. Парализуя мышцы, по мне пробежал электрический разряд. Резкий, обжигающий, словно удар кнутом, он пронзил позвоночник, рассыпался по рукам и ногам огненными мурашками. Ноги подкосились, и я упал на колени, вцепившись скрюченными пальцами в край алтаря. Пальцы примёрзли к холодному камню, и я понял, что меня не отпустят. Я почему то сразу подумал о плохом. - Решили за счёт моей магической силы усилить своего будущего короля? - пронеслось в голове. - не верю я в добрых призраков, и всё тут. Которые за мелкую помощь помогут избавиться от проклятия Чокнутого Деуса... Нет, так просто они не раздают подарков. Дальше стало не до размышлений. Ярko вспыхнув разными цветами, засияли семь каменных глыб, стоявших вокруг. Красный - стихия огня, и камень запылал, как раскалённый уголь, источая жар, от которого воздух над ним начинал дрожать и плавиться. Коричневый - стихия земли, глубокий, насыщенный, и от него исходила такая древняя, первозданная тяжесть, что, казалось, сама планета дышит в этом камне. Голубой

- стихия воздуха, прозрачный и лёгкий, он переливался, как мыльный пузырь на ветру. Синий - стихия воды, холодный и мерцающий, словно кусок вечной мерзлоты, принесённый с ледников. А ещё три камня - белый, чёрный и серебряный, - чьё назначение я не мог угадать, но их сияние было самым ярким, самым пугающим. От их света казалось, ночь вспыхнула радугой, переливаясь всеми оттенками магии. Я почти физически ощутил потоки энергии, образующие замысловатые узоры между камнями. Они сплетались, расходились, снова сходились, создавая вихрь силы, который с каждой секундой набирал обороты, втягивая в себя всё новые и новые нити. В довершение ко всему вспышка сверхновой звезды просветила меня насквозь, как рентген. Я увидел собственные кости, собственные внутренности, собственные магические каналы, которые расширились, наполняясь силой, и начали пропускать через себя потоки, для которых не были предназначены. Разноцветные нити от каменных глыб огромной силы потянулись к алтарю сквозь меня, и это вызвало неприятное покалывание во всём теле - будто тысячи игл одновременно вонзились в кожу, мышцы, сухожилия. К тому же вода неистово забурлила вокруг, древнего алтаря поднимаясь выше, хлеща по ногам, пытаясь накрыть с головой и утянуть меня куда-то вглубь. Мне ничего не оставалось, как, собрав последние силы, взобраться на алтарь, едва не столкнув с него Тинбалбена. Я лежал на холодном камне, чувствуя, как магия бьёт в меня со всех сторон, и молил Бога, чтобы он дал мне хотя бы минуту передышки. На этом мои беды не закончились. В мою бедную черепную коробку потекла информация, сначала тоненьким ручейком, робко, будто пробуя почву, а потом хлынула многоводным потоком, сметая внутренние перегородки и плотины, которые я даже не подозревал в себе. Формулы заклинаний, схемы плетений, названия, которых я никогда не слышал, принципы взаимодействия стихий - всё это врезалось в сознание, оставляя на нём глубокие, болезненные борозды. Разум, спасаясь от перегрузки, рванул в бессознательную темноту, как лис, загоняемый охотничьими собаками, прячется в самую глубокую нору. Однако обжигающая резкая боль, охватившая огненным кольцом моё правое плечо, заставила на секунду вернуться в сознание. Я, как сквозь мутную призму искажённой реальности, разглядел над камнями полупрозрачные силуэты хранителей. Они парили в воздухе, высокие, туманные фигуры с глазами, горящими, как угли, и смотрели на меня - не на гнома, а на меня - с выражением, которое я не мог прочесть. Может, с любопытством. Может, с сожалением. А может, с тем холодным, отстранённым интересом, с которым кузнец рассматривает кусок металла, прежде чем бросить его в горн. На этом всё. Мир закружился в головокружительном танце, краски смешались, звуки превратились в один сплошной, неразличимый гул, и ласковая спасительная темнота поглотила сознание, прогнав боль, страх, само ощущение бытия... Пришёл я в себя от яркого солнечного света, бьющего в глаза сквозь закрытые веки. Судя по ощущениям, я лежал на тёплом песке. Голый. Теплые волны омывали тело - ласковые, настойчивые, они накатывали на меня, отступали, снова накатывали, стремясь утянуть к себе на глубину. Я попробовал пошевелиться - тело отозвалось. Уже хорошо. В какой-то момент меня настигло ощущение сильнейшего дежавю. Будто вернули моё старое тело - то самое, в котором я прожил девятнадцать лет, у которого знал каждый мускул, каждую родинку. Хотя что-то в нём, несомненно, изменилось. Я не мог понять, что именно, но чувствовал: я стал другим. Не сильно, но достаточно, чтобы это ощущение не отпускало. Я осторожно приоткрыл глаза - и резко зажмурился снова. Свет бил нестерпимо, но я успел увидеть небо - чистое, голубое, без единого облачка. Песок - мелкий, золотистый, нагретый солнцем до приятной теплоты. Воду - прозрачную, переливающуюся всеми оттенками бирюзы. Ноги худые мальчишечьи. Руки... - Твою ж мать! - вырвалось у меня, и голос прозвучал выше, тоньше, чем я привык. - Мне вновь поменяли тело?! Я лежал, не смея открыть глаза или пошевелиться, меня сковал ужас перед правдой, которую я мог увидеть. - Надеюсь, это всё-таки сон, - подумал я и ущипнул себя изо всех сил за предплечье, в тайной надежде, что всё происходящее окажется кошмарным сном. Боль была острой, настоящей. - Нет... это точно

не сон, - прошептал я одними губами. Но я, как чеховский герой Семи-Булатов, попытался внушить себе: - Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. Но реальность не желала подчиняться законам чеховской драматургии. Мне, конечно, было приятно нежился, в ласковых солнечных лучах. Вот только кожа напомнила, что загорать голышом в горах, где озоновый слой тоньше, чем в равнинах, - занятие не для слабонервных. Спустя какое-то время она стала горячей, почти обжигающей, и я испугался, что со своим отрицанием реальности зашёл слишком далеко. Откинув сомнения, я сел на горячий песок и принялся обследовать своё новое тело. На вид мне лет тринадцать, максимум - четырнадцать. Больше не дашь. Кожа на руках была гладкой, без единой мозоли - не руки мага и не руки наёмника, а руки подростка, который ещё не знал тяжёлой работы. Плечи уже, чем я помнил, мышц меньше, роста... я прикинул на глаз - может чуть выше, чем метр сорок. Я провёл рукой по лицу - ни щетины, ни намёка на неё. Провёл по груди - знакомые родинки, образующие треугольник, были на месте. Я узнал их, и сердце забилось чаще. Я опустил взгляд ниже, всматриваясь в отражение в небольшой луже, оставшейся после отлива. Серый цвет глаз - тот самый, который я помнил по своему отражению в зеркале ванной. Тёмные короткие волосы, образующие сзади на шее «косичку» - бабушка над ней всегда посмеивалась. - Поперешные вы, Воробьёвы, - всплыл в памяти её голос, тёплый, чуть хриловатый, с московским говором, который она так и не смогла искоренить за сорок лет жизни в Сибири. - Из-за вашей родовой упёртости даже народные приметы не сбываются. Я вспомнил, как она рассказывала: когда моя мама была беременна мной, гадалка на базаре предсказала, что родится девочка. А родился я. Потом - ещё два мальчика подряд. Бабушка только руками разводила и повторяла своё любимое: «Поперешные». Получается, что... Я нахожусь в своём земном теле. Но моложе на шесть лет? Я сидел на песке, глядя на свои руки - такие юные, незнакомые и одновременно родные, - и пытался осознать, что со мной произошло. Будь я в прошлой жизни лет так шестидесяти, то, несомненно, обрадовался бы таким переменам - шанс вернуть молодость, начать всё заново, прожить жизнь, не повторяя старых ошибок... Но поменять двадцатилетнее тело мага, уже познавшего вкус силы, на четырнадцатилетнее - пусть и своё, родное, - да ещё в такой опасной обстановке... Это смерти подобно. Я провёл рукой по лицу, гладкому, без единой морщинки, - и пальцы дрогнули. Нежить, окружившая долину водопадов, никуда не делась. Нежить, окружившая долину водопадов, никуда не делась. Там, за горами, даже небо и ветер были пропитаны разъедающей душу тоской. И здесь я ощущал её присутствие - липкий, холодный взгляд, призрачный шёпот, проникающий отовсюду. Это души умерших бесконечно жаловались друг другу на свою безрадостную жизнь и просили помочь найти путь в страну вечного покоя. А клятва на крови? С ней как быть? Заклинания, пусть и самые слабые, без истинного зрения не работают. Ну а истинное зрение активируется только после проведения инициации - ритуала, который я так и не успел пройти. Подло со мной поступили хранители. Очень подло. Я представил, как они сейчас там, в своей незримой выси, переглядываются и довольно потирают руки, глядя на мои мучения. Настроение побитой собаки плавно перетекало в отчаяние, сдавливая грудь, заставляя каждую клетку тела кричать о своей беспомощности. Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя на коже полумесяцы ранок. Боль отрезвила, но ненадолго. Вокруг шелестели травы - сухие, жёсткие, пахнущие полынью и чем-то горьким, рокотал водопад, мерно, словно само время застыло в этом звуке. Но всё это казалось далёким, нереальным, будто я смотрел на мир через толстое, мутное стекло. Мир сузился до размеров моего страха и беспомощности, сжимаясь в комок под тяжестью того, что случилось. - Кхе-кхе! - раздался в голове хриплый кашель, резкий и неприятный, будто кто-то скребнул камнем по стеклу. Звук был таким неожиданным, таким чуждым окружающей тишине, что я вздрогнул всем телом. - Если доверился бесам, жди беды - обманут. Старая истина, а люди всё никак не выучат. Я резко обернулся, вскинув руки в защитном жесте, хотя внутри пустота, ни искры магии. Глаза шарили по кустам, по камням,

по воде, ища источник звука. Голос был чужим, старым, пропитанным горечью и усталостью - такой голос бывает у тех, кто слишком долго живёт и слишком много видел.- Ты кто? - спросил я, и голос мой прозвучал тоныше, чем хотелось бы. По спине пробежал холодок - из тех, что родом из глубокого детства, когда по ночам мы шепотом рассказывали друг другу страшилки, а потом с криком «Бабайка!» ныряли под одеяло и замирали, боясь дышать.- Архимаг Дин О'Гиор собственной персоной, - прозвучало в ответ с такой горькой иронией, что она, казалось, пропитала собой даже этот бесплотный, нездешний шепот. - Не так давно ты обчистил мои останки... вот теперь и расхлёбывай.- Ты где находишься? - задал я глупейший вопрос, оглядываясь по сторонам. Вокруг - только камни, вода да далёкие горы, уходящие ввысь. Я искал источник голоса, хотя уже понял: он точно не снаружи. Он внутри меня.- Кхе-кхе, - снова закашлял неизвестный, и этот кашель прокатился по моим внутренностям неприятной волной, будто кто-то провёл электрическим проводом по оголённым нервам. - В тебе. На правое плечо посмотри. Только не пугайся. Ну, или пугайся, дело твоё. Я медленно, очень медленно повернул голову, чувствуя, как замирает дыхание. Сердце пропустило удар, а потом забилося с такой силой, что, казалось, рёбра сейчас треснут. О, ужас! Из моего плеча, сверкая на солнце серебром, выглянул паук. Шевелил лапками - маленькими, цепкими, с зазубренными коготками на концах словно выкованные искусным ювелиром из дамасской стали. Его хитиновая спина блестела, словно отполированная. И, кажется, смотрел на меня, глазами, похожими на две крошечные чёрные жемчужины, внимательно, с каким-то древним, нечеловеческим любопытством. Я чувствовал, как под кожей, в том месте, где его тело соприкасалось со мной, что-то пульсирует. Медленно, ритмично, будто крошечный механизм, неведь откуда взявшийся в моей плоти, пришёл в движение.- Только этого мне не хватало, - прошептал я, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. - Мало мне было духов, проклятий, нежити... Теперь ещё и паук-квартирант. С видом, на мою душу.

Глава 5. Ученик призрака.

Даже упав, вновь решаюсь на взлет,
Жизнь твои крылья не зря мастерила.

Помни, что Бог никогда не дает

Ноши, которая нам не по силам.

(Татьяна Карлова - Даже упав, вновь решаюсь на взлет)

Жизнь - не зебра из чёрных и белых полос. Она больше похожа на бесконечную шахматную доску, где чёрные и белые клетки раскрашены судьбой в случайном порядке во множество оттенков и цветов. Путешествуя по клеткам в поисках лучшей доли, каждый выбирает место, куда сделать свой ход, ожидая там обрести райские кущи. Однако нужно помнить, что судьба в любой момент может изменить цвет клетки или, сделав рокировку, задвинуть вашу фигуру к «чёрту на кулички».

Не нужно отчаиваться! Судьба всегда даёт шанс, как той лягушке в молоке - взбить масло и выпрыгнуть из горшка. Как говорил Архимед: «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Так и я, будучи пешкой в чужой игре, обрёл опору в виде призрака архимага Дин О'Гиора, пообещавшего мне ни много ни мало стать «ферзём». Нет, не королевой, а принцем-консортом - так как у императора нет наследника мужского пола.

Справедливости ради нужно сказать, что в начале знакомства наши отношения не заладились. Кому понравится, что в твоём теле по-хозяйски устроился жить паук?

В первый момент я потерял не только дар речи, но и разум. С испугу вцепился в плечо и давай его щупать и мять, пытаюсь извлечь непрошеного гостя. Кожа под пальцами была горячей, почти пылающей, а под ней что-то шевелилось, будто крошечный механизм, забытый в моей плоти, наконец пришёл в движение. Я до крови расцарапал плечо, ногтями выдирая из ранок песок и собственную кожу, - и всё без толку. Металлические лапки паука, казалось, врастали в мышцы, сплетались с сухожилиями, становились частью меня, от которой не избавиться, не вырвав с мясом. А Дин О'Гиор только кхекал да хохотал надо мною - его смех звучал в голове, как сухой треск веток под ногами, и от этого звука по спине бежали мурашки, а желваки сводило судорогой.

В таком состоянии не до общения... Я послал его трёхэтажным, без падежей, и побежал искать гнома. Может быть, коротышка посоветует что-нибудь? Только его след простыл. Да еще и мои амулеты прихватил. Те что на мне были. Кроме того. Исчезли и амулеты, которые духи не стали покупать. Самая ценная поклажа, тоже испарилась. Хорошо, хоть две лошади так и паслись стреноженными рядом с заводью.

Мешок с добычей, что я с таким трудом собрал, исчез. Порадовало, что не исчезли артефакты, которые я закопал в песке.

- Ничего, проклятье сработает, - успокаивал я себя, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя на коже кровавые полумесяцы. - Посмеюсь я над ворюгой. Застрянет в узкой щели, будет знать, как обкрадывать тех, кто доверился.

Вместе с моими амулетами.

Я побегал ещё немного, попинал со злости оставленные гномом вещи, и упал без сил прямо на песок, лицом вниз, раскинув руки, как распятый.

Солнце поднималось всё выше. Его лучи осторожно скользили по вершинам скал. Утренние тени - длинные, чудовищно искажённые, прятались в расщелины, съёживались под камнями, убегая от наступающего света. Казалось, ещё мгновение, и они исчезнут совсем, растворяясь в полуденном зное.

В груди разливалась горечь предательства, тяжёлая, как расплавленный свинец.

А этот пройдоха архимаг воспользовался моим состоянием и давай по ушам ездить. Сначала осторожно, словно пробуя почву, потом всё настойчивее, вкрадчивее, и я понимал, что он делает, но сил сопротивляться не было.

- Послушай, малыш, - его голос звучал теперь мягче, но в нём всё ещё слышалась насмешка, приправленная чем-то вроде снисходительной жалости. - Я стар и мудр. За долгую жизнь я много увидел и многое пережил. Поэтому могу сказать: волею богов нас с тобой связало не стечение обстоятельств, а сама судьба, и никак иначе. Во время ритуала кожаный кошелёк, куда ты положил вместилище моей души, потерял свойства негатора магии, и я сумел освободиться, - делился бывший лич своей радостью, и в голосе его слышалось такое ликование, будто он заново родился.

- Тебе повезло, что я оказался рядом, - продолжил он, и голос его зазвучал громче, настойчивее. - Тёмные сущности не успели захватить твою бессмертную душу. Чувствуешь, как в астрале штормит? Мы - молодцы! Хорошая была схватка... Но эти хитрецы обманули меня, сумев поменять тело... Я потерял часть своей души! - неожиданно зло рывкнул Дин О'Гиор, и его голос прозвучал в моей голове таким раскатом, что я вздрогнул всем телом.

По голосу было заметно, что он сильно разъярился, и в каждом слове чувствовалась вибрация, будто кто-то бил по натянутой струне. Он заговорил быстрыми, отрывистыми фразами, выдавая вразнобой много лишней, совсем непонятной информации, и я с трудом успевал улавливать смысл:

- Крепись, мальчик. Я возьму тебя в ученики... Мы отомстим. Страшно отомстим! Бесы привязали твою, исковерканную ритуалом «Чокнутого Деуса», душу к телу... Ты, молодец, успел сбежать. А я, старый балбес, бросился на освободившееся место. Кхе-кхе! Однако знания сохранил!!! Бесы думают, это я их покромсал... Не переживай! Пока паук сидит в твоём теле, злобные бесы не смогут управлять тобой, как королями гномов подгорного царства. Мне непонятно, как они смогли найти тебе тело в другом измерении? Для чего ты им нужен - тоже не ясно. Невозможность получить ответ приводит меня в состояние ярости! - Дин О'Гиор замолчал на секунду и зло прокричал так, что в голове зазвенело: - А когда я вне себя, не могу контролировать энергию саморазрушения!!!

Последняя выкрикнутая фраза заставила усомниться в здравом рассудке архимага. Я представил, как внутри меня, где-то там, в глубине, где душа встречается с телом, сейчас вспыхнет бушующее пламя, готовое вырваться наружу и испепелить всё вокруг, и меня охватил страх, животный, первобытный, осознанный ужас.

Но тут Дин О'Гиор меня удивил.

- Ты, малыш, - неожиданно спокойным, вкрадчивым голосом продолжил он, и в спокойствии чувствовалась сила, и уверенность, что я невольно замер, - не должен доверять бесам. Они хитры и обманывают даже богов! А уж простых смертных вроде тебя - тем более. Только ведь и мы не дураки. Правильно? Если примешь предложение стать моим учеником, я научу, как их провести. Однако тебе придётся неукоснительно следовать моим советам. Запасись терпением, и через два года я сделаю тебя сильнейшим магом империи. Мои друзья помогут тебе достигнуть немалых высот при дворе Анри Второго Ласкариса. Но самая главная твоя задача, породниться. У императора нет наследников, и после его смерти всё перейдёт к тебе.

Я с трудом сдержал рвущийся из меня истерический смех. Бывший лич, как и духи-хранители долины, лукаво предлагал недостижимую мечту для всей сильной половины мира фэнтези - стать зятем императора. Как и аферисты Земли, он умело нарисовал прекрасный воздушный замок моей карьеры, выложив его из пустых обещаний, как из краденого золота.

- Стать принцем-консортом... - пронеслось в голове, и я почувствовал, как губы сами собой расползаются в кривой, нервной усмешке. - Звучит как сказка. Про «Поле Чудес», где я должен закопать четыре золотые монеты и ждать, когда вырастет денежное дерево.

Понимая иллюзорность его обещаний, я тем не менее поддакнул ему, соглашаясь на всё. Собственно, из-за того, что своих идей нет, и я не знал, куда мне податься. Так почему бы не воспользоваться планом архимага, хотя бы на первое время? Как там говорит русская вековая мудрость? «Авось кривая вывезет!»

Горячие, невесомые солнечные лучи обжигая плечи заскользили по коже и эта боль возвратила меня к думам о более насущных делах. В первую очередь нужно подобрать себе новую одежду и обувь, старая, доставшаяся от Алкеса, теперь была слишком велика для четырнадцатилетнего тела. Штаны сползали с бёдер, куртка болталась, как на вешалке, и даже рукава пришлось закатать в несколько раз, чтобы высвободить кисти.

Пока я, ковырялся в брошенных вещах гнома, подыскивая подходящие штаны и куртку, Дин О'Гиор разложил по полочкам всю ситуацию, произошедшую со мной, повторно намекая, что меня легко обведёт вокруг пальца и ребёнок. Его голос звучал размеренно, и поучительно. Впрочем, я и без него разобрался в ситуации, и у меня появился план противодействия. Но на кое-что он открыл мне глаза.

Хранителям долины не нужен сильный и независимый маг, узнавший их секреты и тайные заклинания. В них живёт страх, что он вернётся и отнимет их богатство силой. Именно поэтому хранители долины всем, прошедшим инициацию или обучение, делали ментальные закладки на полное подчинение. Дин О'Гиор уверял меня, что бывшие короли подгорного королевства были безвольными марионетками в руках бесов, Тинбалбен тоже не избежал сей участи. В подтверждение он приводил неоспоримый, с его точки зрения, довод: ни один нормальный гном не станет рисковать понапрасну. А кто, кроме безумца, сунется в одиночку в логово Тёмного правителя?

В дополнение бывший лич выдвинул собственную теорию произошедшего несчастья в королевстве гномов. Он говорил с расстановкой и пугающей убеждённостью, и каждое его слово падало в моё сознание тяжёлым, свинцовым грузом.

- По моим сведениям, - чеканил Дин О'Гиор, и в голосе его слышалась не только осведомлённость, а уверенность человека, который точно знает, о чём говорит, - бесы приложили руку и к трагедии, разыгравшейся в подгорном королевстве. Они, как и все кукловоды, не любят, когда послушные марионетки выходят из-под контроля, и стараются быстро разобраться со своими строптивыми рабами. Последний правитель отказался выполнять приказы бесов, чем обрёк себя и свой народ на вечные мучения.

Мои пальцы застыли, так и не добравшись до дна мешка. Я медленно поднял голову и посмотрел на песок, хранивший отпечаток его тела. Вывод архимага пусть и обоснованный мне показался ошибочным.

Тинбалбен и без принуждения был готов на всё, о чём бы его ни попросили Духи долины. Он не ждал приказов, он сам шёл к своей судьбе, как идут к водопою в пустыне, не потому, что кто-то гонит, а потому что иначе, смерть. Только его смерть была, другой не физической. Он хотел доказать тем, кто его отверг и предал, что он выше их. Что его изгнание ошибка. Он по праву крови, что текла в его жилах, несмотря на изгнание, он станет королём Чернобада. Назло всем.

- Уважаемый архимаг, - обратился я к Дин О'Гиору, чувствуя, как слова сами складываются в решительную, твёрдую фразу. - Я согласен стать вашим учеником! Однако совсем не чувствую в себе магию. Внутри, пустота. Ни искры, ни отклика, ни той пульсации, что была раньше.

- Не переживай, малыш, - в голосе архимага прозвучала уверенность, которая передалась и мне, как тепло от костра в холодную ночь. - Дождёмся ночи и проведём обряд посвящения. Звёзды сегодня будут стоять правильно, и я чувствую, что сила в тебе есть, просто она спит, и ждёт своего часа. Я помогу тебе её разбудить.

За пять часов до этого события

Звёзды на небосклоне поблёкли, растворяясь в предрассветной дымке, словно кто-то невидимый осторожно стирал их с черного бархата ночи. Над горами на востоке чуть-чуть выглянул краешек солнца, сначала робко, словно сомневаясь, стоит ли нарушать тишину этого утра. Лучи заплясали по снежным вершинам, окрашивая их в нежно-розовый цвет, который медленно, на глазах, перетекал в золотистый, будто кто-то разлил по гребням расплавленный металл. Спустившись ниже, они заиграли всеми цветами радуги в многочисленных водопадах, капли воды вспыхивали, преломляя свет, и казалось, что с гор стекают не потоки, а рассыпанные драгоценные камни: сапфиры, изумруды, топазы, рубины. Потом лучи неторопливо осветили верхушки деревьев, позолотили их кроны, и, наконец, добрались до речного песчаного затона, на берегу которого лежал мальчишка, смешно раскинув в стороны руки, словно хотел обнять всю землю сразу. Набегавшие волны с шорохом и плеском омывали его тело, оставляя на коже сверкающие капельки - каждая дрожала и переливалась в лучах восходящего солнца, как маленькая, только что родившаяся звезда.

Рядом с мальчиком в тонком мире, невидимом человеческому глазу, бушевала астральная буря. Вихри энергии искажали магические потоки, создавая причудливые завихрения, похожие на водовороты в бурном море. Воздух дрожал, наполняясь гулом, низким, почти неслышным, но ощутимым каждой клеточкой тела, каждой косточкой, каждым нервом. Это был звук, от которого сжимаются зубы и немеют кончики пальцев, звук, который не услышишь ушами, но который чувствуешь всем существом. В каменных глыбах, стоявших вокруг затона, прятались от бури хранители. Они съёжились в своих убежищах, чувствуя, как мощь стихии давит на границы их невидимых крепостей, как она ищет щели, трещины, любую слабость, чтобы прорваться внутрь и смести их, развеять, как песок на ветру. Каждый из них прокручивал в памяти события прошедшей ночи, перебирал варианты, искал выход из сложившейся ситуации - и не находил. Нелогичность поступков молодого мага, его странная, нечеловеческая способность выскальзывать из самой тугой петли перечёркивала весь их тысячелетний жизненный опыт, делала его бесполезным, как старые карты, на которых начертаны давно исчезнувшие земли.

- Подгорные владыки, - заговорил один из духов. Его голос звучал глухо, словно доносился из глубины пещеры, из тех самых недр, где спят древние силы, не знавшие солнца. - Сегодня мы потеряли двух своих собратьев.

В его словах не было скорби - хранители не знали скорби, как не знают её камни, веками лежащие на одном месте. Было что-то другое: тревога, смешанная с недоумением. Такое случилось, когда в размеренную, неспешную жизнь гор вторгалось нечто, не подчиняющееся привычным законам.

- Мальчишку убивать нельзя! - раздался чуть дрожащий девичий голос. Это была Катрин. В её словах звучала непреклонная уверенность, но в голосе - лёгкая дрожь, как у натянутой струны, которая вот-вот либо зазвучит чистой нотой, либо лопнет. - Я видела знак божьего провидения! И могу сказать совершенно уверенно: линия судьбы мальчишки тесно переплетена с нашей. Оборвём священную нить его судьбы - и мироздание вздрогнет, похоронив королевство подгорных гномов и нас.

- Катрин, никто твоего магла не тронет, - прервал её ехидный мужской голос. Это был Грампп. Его аура мерцала оттенками сарказма и раздражения - она переливалась, как болотный газ, то вспыхивая яркими сполохами, то угасая почти до полной невидимости. - Мы помним твоё предсказание. Именно поэтому, несмотря на огромный расход маны, тело мальчишки было вытащено из другого измерения.

Он помолчал, и в этом молчании чувствовалась невысказанная мысль, тяжёлая, как каменная глыба, которую не сдвинуть с места.

- Да? - как бы удивилась Катрин сказанному. В её тоне проскользнула лёгкая насмешка, острая, как лезвие, и холодная, как горный ручей. - Не вы ли отправили Доппи поработить разум магла и овладеть телом?

- У нас не было выбора!!! - голос Грамппа зазвучал резче, в нём зазвенели металлические нотки, и воздух вокруг сгустился, наполнился тяжестью, которая давила на плечи. - Подлый магл хитростью получил все наши знания. Он утащил их в своей пустой голове, как вор, обчистивший лавку среди бела дня. Однако мы прислушались к твоим доводам и не стали его убивать.

- Грампп, по твоей вине! - раздался обвиняющий бесполой голос. Его обладатель оставался невидимым, но его присутствие ощущалось как давление на виски - тупое, настойчивое, не проходящее. - Мы не смогли уничтожить душу лича. Сейчас его филактерия пытается вжиться в тело мальчишки, а после она пожрёт его душу.

В этих словах было то, чего хранители боялись больше всего: не смерти - они были бессмертны, - а нарушения равновесия. Той тонкой, едва различимой гармонии, что держала этот мир в ладу с самой собой.

- Тихо, мальчишки!!! - гаркнула Катрин, и её голос прозвучал как удар грома, заставив даже астральные вихри на мгновение притихнуть. В её крике было столько силы, что капли воды на теле мальчишки вздрогнули и скатились по коже. - Я знаю, что нужно сделать. - Может быть, ты поделишься с нами своими мудрыми мыслями? О, дивная Катрин! - иронично попросил её Грампп. В его тоне сквозила издёвка, но под ней, глубоко, скрывалось любопытство - то самое, что заставляло хранителей вмешиваться в дела смертных, несмотря на все их тысячелетние правила. - А то, признаться, ты нас заинтриговала.

Катрин на мгновение замолчала. В её молчании чувствовалось, как она взвешивает слова, как осторожно перебирает их, словно драгоценные камни, прежде чем выложить на стол. Затем её аура вспыхнула - мягким, но властным светом, в котором читалась древняя, не знающая сомнений мудрость.

- Я уверена, - заговорила она медленно, чётко выговаривая каждое слово, и каждое слово падало в тишину, как капля воды в глубокий колодец, - бывшему личу, потерявшему большую часть своей души, не хватит сил захватить тело магла. Однако при проведении ритуала инициации душа мальчишки на какой-то миг станет беззащитна, и он обязательно попробует воспользуется этим.

Она сделала паузу, и в этой паузе хранители затаили дыхание. Даже астральная буря, казалось, притихла, чтобы не пропустить ни слова.

- Хи-хи, - в голосе Катрин проскользнуло что-то совсем не божественное, а человеческое - лукавство, смешанное с жестокостью, - а там будет для него сюрприз!

Первые лучи солнца тем временем коснулись лица мальчишки, лежавшего на берегу затона. Они скользнули по его щеке, заиграли на сомкнутых веках, зажгли золотые искры в капельках воды, что ещё не успели высохнуть. Он пошевелился во сне - совсем чуть-чуть, дрогнули пальцы, шевельнулись губы, произнося какое-то неведомое слово. На его лице - юном, беззащитном, совсем ещё детском - застыло выражение, которое иногда называют «тишиной перед бурей». А в тонком мире, там, где не ступает нога смертного, уже затягивалась петля, и мальчишке, который когда-то был студентом из далёкого, чужого мира, предстояло либо разорвать её, либо навсегда остаться в ней, захлебнувшись собственной беспомощностью.

Долина водопадов. Позднее утро этого дня

Яркое солнце поднялось уже достаточно высоко, заливая долину густым, почти осязаемым золотом. Жара, пережитые эмоции и духота вконец измотали меня - я всем телом чувствовал, как каменной глыбой наваливается усталость, придавливая к земле, высасывая силы по капле. Ещё некоторое время я бесцельно бродил по поляне, сопротивляясь сну, цепляясь за

бодрствование, как утопающий за соломинку, и в конце концов улёгшись в теньке на циновке провалился в неглубокий, тревожный сон, полный смутных образов и обрывочных видений.

Мне снились родители - их лица, чуть размытые, но такие родные, что к горлу подступал комок. Снился родной город, залитый летним солнцем, знакомые улицы, по которым я бегал мальчишкой. Снилось лесное озеро, куда мы с пацанами бегали купаться, - вода в нём была тёмной, холодной, пахла тиной и свободой. Всё было знакомо с детства, до мельчайших подробностей, шершавая кора сосен, нагретая солнцем, запах нагретой хвои, плеск воды, в которой отражались облака. На душе было тепло и радостно, так тепло, что хотелось плакать от счастья, - пока я не увидел его.

Алтарь. Безупречно отполированный плоский камень возвышался над гладью озера, подсвеченный особым, нездешним магическим светом. Он пульсировал, дышал, и этот ритм был мне знаком до боли, до дрожи в коленях.

- Вот тебе и раз! - воскликнул я, чувствуя, как радость тает, сменяясь липким, холодным ужасом. - Это же тот самый алтарь!

Рядом с алтарём стояла необыкновенно красивая светловолосая гномка с идеальными пропорциями тела, этакий идеал женственной красоты. В ней воплотились мои самые яркие фантазии, и внешние качества, которые меня привлекали больше всего и слились воедино. Её волосы струились по плечам, как расплавленное серебро, а глаза, огромные и голубые, смотрели на меня с немим, настойчивым призывом. Сводящее сума, ослепительно-завораживающее зрелище. Она знаками пыталась привлечь моё внимание - и эти движения, плавные, и танцующие, завораживали, и гипнотизировали.

- Вот тебе и два! - удивился я ещё больше, чувствуя, как сердце пропускает удар, а потом начинает биться где-то в внизу живота.

Гномка выразительно посмотрела на меня, да так, что я ощутил этот взгляд каждой клеточкой, - сняла с руки кольцо и положила его на алтарь в небольшую выемку, выточенную самой природой или чьей-то умелой рукой.

- Вот тебе и три! - подумал я, и в тот же миг она оказалась рядом со мной. Я не почувствовал движения - просто вдруг ощутил тепло её тела, запах цветов и мёда, нежный, почти невесомый поцелуй в щёку. В ответ я обнял её и, как это бывает во сне, проснулся в самый интересный момент.

Реальность обрушилась на меня, как ледяная волна. Солнце стояло уже высоко, песок под боком нагрелся, а по коже бегали мурашки от того, что ушло, растворилось, оставив после себя лишь горькое послевкусие потери. Накатила тоска по дому, такая острая, что захотелось выть. Да и гномка... Она мне ну очень понравилась. Шикарная девушка. Врёт наш интернет - гномки не бородаты, и фигурки у них высший класс.

Я закрыл глаза, пытаясь удержать её образ, но он таял, как утренний туман, оставляя лишь сожаление.

Урчание в животе красноречиво напомнило, что за утро я не съел ни крошки. Костёр разжигать не стал - не хотелось мне и всё, - вскрыл седельную сумку, откуда достал вяленое мясо, сухари и сытные шарики из смеси тёртых орехов и ягод. Ел я с жадностью, почти не жуя, чувствуя, как пища наполняет пустой, ноющий желудок, возвращает силы.

Закончив с едой, я занялся одеждой. Гномья повседневная куртка и штаны болтались на мне, как балахон на вешалке, - уж больно коротышка был широк в плечах. Я возился с ремнями, обрезал рукава, прикидывал, как бы утянуть пояс так, чтобы штаны не свалились в самый неподходящий момент, и всё это время меня не отпускала тяжёлая, гнетущая мысль о предстоящем ритуале.

Из-за него я не мог сосредоточиться. Мысли разбегались, путались, возвращались к одному и тому же - к камню, к звезде, к тому, что мне снова придётся лечь на алтарь. Я провозился с одеждой до самой ночи, переделывая одно и то же по несколько раз, и каждый раз,

когда пальцы начинали действовать на автомате, я ловил себя на том, что стою и смотрю в одну точку, боясь того, что должно случиться.

Признаться, у меня не было ни малейшего желания вновь оказаться на алтаре. Да, ни малейшего. Воспоминания о прошлой ночи ещё жгли кожу, заставляли вздрагивать от любого шороха. Однако чувство ущербности, это гадкое, липкое ощущение собственной ненужности, слабости, пустоты в магическом ядре, толкали на решительные действия. Я на собственной шкуре ощутил, каково это - побыв могущественным магом, вновь стать обыкновенным человеком. Это словно какая-то часть МЕНЯ взяла и внезапно исчезла. Исчезла, оставив после себя зияющую, кровоточащую дыру, которую ничем нельзя было заткнуть.

Ритуальный монолит вновь появился в то же полночное время вместе со звездой Рока. Он возник из темноты, как хищник, выползающий из засады, - бесшумно, неотвратно, и я послушно, словно телёнок, которого ведут на веревке, шагал к нему, чувствуя, как ноги наливаются свинцом, а сердце колотится где-то в горле.

Дин О'Гиор тархтел как сорока, хвастаясь своей мудростью, и его бестелесный голос, разливался в голове, как тягучий мёд, усыпляя бдительность, заставляя забыть о страхе.

- Малыш, не волнуйся, - говорил он, и в его интонациях мне чудилась почти отеческая забота, - алтарь создан специально для защиты инициированных одарённых. Он не позволит ауре разрушиться при перенасыщении маной, а лишнюю энергию развеет во все стороны без магического взрыва. Я расскажу, как это работает. В твоей ауре искусственно создастся давление, направленное внутрь, чтобы прорвать блокирующую защитную оболочку и открыть энергетические каналы. Регулируя силу давления, я помогу тебе расширить каналы на тридцать-сорок процентов от их истинного значения. Больше нельзя - чрезмерное давление приведёт к разрушению каналов и внутренней ёмкости, где мана накапливается и хранится. Вторую инициацию в империи принято проходить в академии магии на третьем курсе, под присмотром архимагов. Они проверяют твой уровень, проведут прокачку внутренней магической ёмкости и заодно расширят энергетические каналы до семидесяти процентов...

Я бы и дальше заворожённо слушал его, но внезапно оступился на ровном месте. Нога соскользнула с мокрого камня, и я с глухим, смачным плеском рухнул в воду прямо рядом с алтарём.

Холодная вода обожгла, резко, неожиданно, словно удар хлыста, и я точно очнулся ото сна. Пелена спала с глаз, мысли прояснились, и в тот же миг чувство опасности полоснуло острым ножом по нервам. Что-то я упустил. Какую-то важную, ключевую деталь.

Мой блуждающий взгляд упал на кольцо, лежавшее в углублении на алтаре. То самое, из сна. Оно лежало там, поблёскивая в свете звезды Рока, - и в этом блеске, в этом тихом, уверенном мерцании мне почудилось приглашение.

Ах, вот оно что!

Сон. Как же я мог забыть?

Я поднялся на ноги, чувствуя, как вода стекает с одежды, делая её тяжелее, неповоротливее, сделал несколько неуверенных шагов, и решительно надел на безымянный палец родовой перстень Алкеса.

Артефакт обозначил себя лёгким покалыванием - едва заметным, почти невесомым, как прикосновение пуха. Бывший лич никак на это не отреагировал, продолжая вкрадчивым, бестелесным голосом дурманить мой разум, плести свои сладкие, лживые сети.

Но было поздно. Меня мучила уже другая проблема, страх, тяжёлый, как каменная глыба, придавленная к самому дну сознания.

Страшно до дрожи в коленях, до ломоты в зубах, до того холодного, липкого пота, что выступал на спине и ладонях. Однако другого выбора не было. Если я не пройду инициацию, мне смерть. Простая, как удар гильотины, и от этого ещё более страшная.

Прежде чем лечь на алтарь, я зажмурился и мысленно прочитал молитву - ту самую, которую в детстве шептала бабушка, когда мне было особенно страшно: «Царица моя Преблагая, надежда моя, Богородица...». Вдруг Богородица сможет помочь мне и в этом мире?

Я без усилия взобрался на камень и лег, чувствуя, как его холодная, гладкая поверхность принимает моё тело, а внизу в камне под спиной, начинает пульсировать какая-то древняя, глубинная сила, набирая ритм и мощь. Я посмотрел на сиявшую в ночном небе звезду она горела ровно, нестерпимо ярко, как всевидящее око, от чего перехватывало дыхание.

Что-то похожее на статическое электричество мелкими, колючими разрядами пробежало по коже, заставив волосы на руках встать дыбом.

А в следующую секунду я понял, что умер. Потому что увидел своё тело со стороны.

Огромный серебристо-чёрный паук размером с московскую сторожевую сидел на моей брэнной оболочке, перебирая мохнатыми лапами. Каждая лапа была покрыта хитиновыми щетинками, которые мерцали в свете звезды Рока, отбрасывая на песок причудливые, шевелящиеся тени. Моя душа парила чуть сверху, паря в невесомости, и смотрел на это зрелище с ужасом, который невозможно передать словами.

С лап паука сорвалось заклинание. Я не видел слов, не слышал шепота, но чувствовал, как магия сгущается вокруг меня, как она сплетается в плотную, неразрывную сеть. Вокруг появился кокон - полупрозрачный, мерцающий, он сжимался, облеплял мою душу, лишая свободы, движения.

Но пауку этого показалось мало. Он приподнял брюхо - медленно, торжественно, как жрец, готовящийся к жертвоприношению, - и выпустил в мою сторону несколько тонких, липких нитей. Они окутали прозрачную оболочку со всех сторон, стянули её, обездвижили.

Я рванулся - изо всех сил, всем своим существом, - но нити, тянувшиеся ко мне, оказались необычайно прочны. Они врезались в кокон, сжимали его, тянули к пауку, к его раскрытой, бездонной пасти.

А паук, не теряя времени, начал притягивать меня к себе. Метр за метром, дюйм за дюймом, и с каждым мгновением моя душа, моя сущность, само моё «я» становилось всё ближе к этой чёрной, хитиновой смерти.

Сокрушительный ментальный удар помутил сознание. В голове, кадрами старой кинохроники, замельтешили неясные образы - чужие, пугающие, не мои. А потом, сквозь этот хаос, сквозь эту муть, пробился голос отца. Не молодой, а тот, каким он говорил со мной, когда я был совсем маленьким и боялся темноты:

- Русские не сдаются.

Этот девиз, крепко вбитый в сознание с детства, стал тем самым якорем, за который я ухватился, когда всё вокруг пошатнулось. Он помог мне, с огромным, нечеловеческим усилием - не подчиниться чужой воле, не сломаться и удержаться от падения в эту чёрную, липкую бездну. В этот миг я понял: если не справлюсь с членистоногим, он непременно выпьет мою душу до капли, высосет её, как паук высасывает муху, и займёт моё тело. Заживёт в нём, распорядится им по своей воле, а меня не станет - совсем, навсегда, безвозвратно.

И тут я разозлился. Из глубин сознания хлынула холодная ярость - не та горячая, слепая, что толкает на необдуманные поступки, а та, что превращает человека в клинок: холодный, острый, неотвратимый. Она затопила мой разум, выжигая страх и сомнения, оставляя только одно: уничтожить врага.

Я ударил паука всем своим существом, не жалея энергии, не думая о последствиях. С моих рук сорвался плотный, пульсирующий сгусток света. Он с лёгкостью прожёл прочную стенку кокона и вонзился в туловище паука.

С оглушительным хрустом и влажным треском хитиновый панцирь твари разлетелся на куски. Этот звук, казалось, я слышал каждой клеткой своего бесплотного существа. Хитин брызнул во все стороны осколками, а лапы судорожно дёрнулись в последний раз и замерли.

Но на этом наше маленькое сражение не закончилось.

Над останками паука за клубился тёмный дымок - густой, маслянистый, он рос, набухал, а потом рванул в моём направлении, всё с той же целью, захватить и поглотить.

И тут в игру вступила третья сила.

Невесть откуда взялся гномик, маленький, юркий, с острой бородкой клинышком, одетый в какой-то пёстрый балахон, словно заправский фокусник и извлёк из мешка сачок на длинной палке. Ловко, одним движением - раз! - собрал в него дым. Тот заметался, забился в сетке, дёргался, пытался просочиться сквозь ячейки, но гномик держал крепко, не выпускал.

Однако на этом чудеса не закончились. Из сетки выпал стеклянный шар, идеально круглый, - и тут же исчез в мешке гномика. Единственное, что я успел разглядеть в шаре, это тёмный, неистово бьющийся в стекло сгусток, пытающийся вырваться наружу, разбить свою прозрачную темницу.

На всякий случай я приготовился к неприятностям, сжался, собирая остатки сил и готовясь к новой схватке. Но гномик повёл себя миролюбиво. Он приветственно помахал мне рукой, в которой всё ещё держал сачок, - и простёр руки над побеждённым мною членистоногим.

С кончиков его пальцев сорвались золотистые сгустки света. Они окутали останки паука, замерцали, заструились, вплетаясь в хитин, в лапы, в тусклую, уже неживую плоть. Мои ожидания, что тело паука исчезнет, не сбылись, так же, как и мирные намерения гномика.

Как почти сразу выяснилось, этот злодей ждал окончания нашей схватки. Полагая, что оставшийся в живых ослабнет и он справится с ним без труда. А потом поработит. Отправив меня, в «пробирку для души». Точь-в-точь такую же, куда он уже отправил бывшего лича.

Однако его злодейская задумка сорвалась.

Не знаю, откуда, но силы у меня нашлись. Они хлынули откуда-то из глубин, где наверное прячется надежда, та самая что умирает последней.

Более того - в памяти отчётливо всплыли заклинания огненной магии, будто кто-то аккуратно разложил их на полках сознания, и ждал, когда я вспомню.

Как только гномик подло попытался боевой секирой перерубить нить жизни, связывающую мою душу с телом, я бросил в его сторону огненный, быстро вращающийся магический шар. Он летел медленно, как и положено во сне, и я как в замедленной съёмке видел каждую искру, что срывалась с раскалённой поверхности.

Гномик, как и все маги, привыкшие полагаться на защиту, - не стал уворачиваться. Он моментально выставил универсальный щит поглощения. Прозрачная, мерцающая сфера охватила его фигуру, а на его губах заиграла самодовольная усмешка.

Вот только впереди его ждала неудача.

Мой огненный шар прожёл дыру в его щите, словно тот был сделан из бумаги и не встретив сопротивления, просто вошёл, как раскалённый нож в масло. И взорвался внутри защитной сферы. Разлетаясь на тысячу алых капель, которые тут же превратились в огненный туман.

Я и сам не ожидал такого эффекта. Оказывается, в заклинании файерболла, который я использовал было добавлено плетение «астрального пламени», этаким смертельной гадостью для духов.

Не раздумывая, я продолжил развивать успешную атаку, мысленно приказав туману ослепить злодея. И тот послушно, покрыл гномика плотным, рубиновым облаком.

Его движения становились всё более хаотичными и отчаянными. Он пытался сбить с себя пламя, но астральный огонь не просто горел - он впитывался в ауру, высасывая жизненные силы. Вскоре враг обессилел и споткнувшись, о тело поверженного паука... и растворился в нём, словно капля чернил, упавшая в воду: расплылся и смешался с общей массой.

По этому поводу можно сказать лишь одно: «Не рой яму другому - сам в филактерий попадёшь». А то его намерения и дурачку были понятны, захватить моё тело, а душу привязать к сосуду лича...

Увы, дальнейшее память не сохранила. Я пытался, тужился вспомнить - только голова разболелась невыносимо больно, будто в висках застучали молоточки, а перед глазами замельтешили тёмные, плывущие пятна. Тело затекло настолько, что больно было шевелиться, каждый мускул, каждая связка ныла, протестовала против любого движения.

Очнулся я вновь на берегу песчаного затона. С трудом сел опершись на песок - мелкий, холодный, влажный. На одной силе воли, преодолел навалившуюся свинцовую усталость, ощущая себя древним трёхсотлетним стариком, который только что вылез из могилы, куда его закопали заживо. Как же мне было чудовищно плохо!

Едва держась на ногах, и пошатываясь отправился к палатке - утолять голод. Есть хотелось неимоверно, до рези в желудке, до того животного, первобытного голода, который не терпит отлагательств. Однако вначале я из седельных сумок достал глиняный кувшин с замазанным воском горлышком, вскрыл его и выпил эликсир восстановления, выделенный на начальном этапе экспедиции архимагом Рух Правдивый.

С каждым глотком силы возвращались. Жидкость на вкус была приятна и напоминала кагор - такого же рубиново-красного цвета, густая, сладковатая, - и слегка пьянила, разливаясь по телу приятным, расслабляющим теплом. Но с маленьким таким недостатком, он пробуждал аппетит. Есть захотелось ещё больше так, что я готов был съесть буйвола целиком, вместе с рогами.

С жадностью набив живот, мясом, сухарями, ореховыми шариками, всем, что попадалось под руку из седельных сумок, - я задумался.

Есть ли смысл менять план, о котором я и думать боялся? Вдруг хранители, прочитав мои мысли, смогут ему помешать? Впрочем, у меня появился союзник. Мысль метнулась к воспоминаниям о прекрасной гноме, к её серебряным волосам, к тёмным, глубоким глазам. Ловко она провернула с кольцом! Если бы не родовой накопитель со встроенными заклинаниями магии огня, сидеть бы мне в «пробирке для души».

Я прекрасно понимал: гноме от меня что-то нужно. Ни один гном не занимается благотворительностью просто так, не требуя ничего взамен. Тут и думать не надо. «Сделаю для неё всё, что в моих силах», - решил я. Посему - решено: план менять не буду, доберусь до портала и сбегу хоть на край света. Клятва крови, данная королю, не должна действовать на моё новое тело.

Любое серьёзное дело требует подготовки - и очень тщательной. Поэтому первым делом я занялся гномом, затаившимся в пауке. Оставлять врага в своём теле - верх легкомыслия. Даже если этот враг бесплотный дух и на первый взгляд безобиден.

- Тук-тук! - мысленно постучался я, чувствуя, как где-то внутри, в самой глубине, отзывается глухое, настороженное эхо. - Кто в теремочке живёт? Я знаю, ты меня слышишь. Выходи, поговорим.

Гномик выходить наотрез отказался. Аргументируя, что ему и так хорошо и уютно.

- Так даже лучше, - вполне искренне обрадовался я, поняв, что дух по неизвестной мне причине намертво привязан к филактерии и закатил длинную, тщательно продуманную обвинительную речь. - Я требую выполнения клятвы хранителями долины! Вы должны знать, что исполнение её контролируется магическим мирозданием, и расправа над клятвопреступниками неотвратима. Прошу обратить ваше внимание на то, что два хранителя уже скоропостижно погибли. Поэтому предупреждаю: времени у вас осталось мало. Ещё советую вам как следует подумать о том, как компенсировать всё зло, которое вы мне причинили...

Я полчаса внушал ему одну и ту же мысль разными словами, перебирая аргументы, словно чётки, пересыпая угрозы с обещаниями, надежды с требованиями. Договоры нужно

исполнять. А они мне задолжали, как земля колхозу, - аж три раза. В конце я великодушно предложил подумать - час или два.

Дело в том, что у меня была одна маленькая проблема: я понятия не имел, что именно нужно требовать от духов. Единственное, в чём я был уверен точно, - их «жалкие» золото и драгоценности мне не нужны.

Мысли в голове, в поисках нужного решения, заблудились в лабиринте извилин, и из-за этого я тупо сидел на песке, уставившись вдаль, и не видел ничего больше часа. Водопады шумели, не умолкая, ветер трепал волосы и бросал в лицо мелкие песчинки.

Я сидел, потерянный, чувствуя, как время уходит, словно вода сквозь пальцы. Голова была пуста, а неспособность придумать хоть что-то приводила в ярость... И вдруг одна заблудившаяся дерзкая и ясная мысль прорвала пелену отчаяния и заставила подскочить.

Мне срочно нужен учитель магии. Не алтарь, не загрузка знаний по щелчку пальцев.

Живой, настоящий учитель, которому я смогу задавать вопросы, и видеть его реакцию, слышать голос и никакой магии «вжух! и ты архимаг», после которой от ученика остаётся лишь воронка в земле. Мне требовалась система: чтобы между нами установилась связь, позволяющая сказать: «Здесь у тебя пробел, здесь - ошибка, а вот это ты делаешь правильно, но мог бы лучше». Свои пожелания я немедленно озвучил заточённому в филатерии гномику:

- Если вы обеспечите мне нормальное обучение, - требовательно обратился я к нему, чувствуя, как от этого бесконечного торга внутри закипает усталость, - то я соглашусь забыть о ваших нарушениях клятвы. Ну, почти соглашусь. Если, конечно, обучение будет качественным. И без попыток меня убить на первом же занятии. Я уже устал от ваших сюрпризов.

Примерно через три часа - после долгих споров, препирательств, угроз и обещаний, после того, как я уже начал сомневаться, что договориться вообще возможно, - мы заключили новый договор. Хранители брали на себя обязательство занести в мою книгу магии те же три боевых, три защитных и два лечебных заклинания высшей магии. А в наставники мне определили духа голема - бывшего когда-то преподавателем в академии магии. Уж как он к ним попал, мне было без разницы. Главное, что бы учил хорошо и качественно.

Но информацию о том, что духи могут поработить или привязать душу умершего к голему, я пометил как особо важную. В памяти всплыли обрывки знаний Алкеса: такие практики считались запрещёнными в большинстве магических школ, но в этом мире, как выяснилось, запреты часто были лишь формальностью. духа голема

Дальнейшие осторожные расспросы показали, что у хранителей таких «духов големов» накопилось предостаточно. Правда, они уверяли, что это не полноценные души, а копии - своего рода слепки сознания, записанные на кристалл. Они называли их «псевдосознанием», где интеллект существует как процесс, а не как личность. Достаточно перенести, например, псевдосознание охранника в голема, и он будет действовать в соответствии с автоматически выработанной рефлекторной логикой - то есть продолжит исполнять функции охранника, опираясь на свой прошлый жизненный опыт. Ни мыслей, и ни каких сомнений, только программа.

- Значит, они способны создавать искусственные личности или их подобию, - подумал я. - Вопрос лишь в том, насколько эти «псевдосознания» осознают себя. Могут ли они развиваться или это просто застывшие слепки, обречённый вечно повторять заложенную программу, как заезженная пластинка? Что ж, пообщавшись со своим учителем, я получу ответы на эти вопросы.

От меня хранители потребовали покинуть в течение трёх месяцев территорию подгорного королевства и больше никогда не появляться - что полностью совпадало с моими планами. Я и сам не собирался задерживаться в этом королевстве мертвых и подозрительных духов.

Мы ударили по рукам, и разветвлённая молния в небе, яркая, как удар судьбы, легла печатью на наш договор.

Достаточно быстро выяснилось, что гладко было на бумаге, да забыл я про овраги...

Впрочем, как всегда. В этом мире ни один договор не обходится без подвоха. И, судя по всему, мой в очередной раз не стал исключением.

Глава 6. Проблемы ученика гранд архимага не волнуют.

Я видел смерть, я видел край, я знаю.
Горело небо иглами, шарами,
Над головой – взрывалось и горело,
И море было мёртвым до костей.
Я предавал, я был собой изранен,
Я создал и нарушил столько правил,
Я чуть не умер, но потом не умер.
Должно быть, я нескретен, как Кашей.
Настало время говорить о красных башмаках,
О модных башмаках,
Удобных башмаках,
О рыжих колтунах,
О глупых колдунах,
О том, какая глупость – смерть и страх.
Я жизнь свою рыхлил широким плугом,
Я смерть зарыл в корнях большого дуба,
Я чуть не умер, но потом не умер,
Горело небо, океан горел.
Колодки и колодцы, дым и пепел.
О боги, кто придумал столько смерти,
Друзья? Я помню их я ел на ужин,
И дальше, дальше будет только хуже,
Не мой удел – уснуть на ложе стрел?
(Мельница - Кашей)

Наконец-то временные трудности закончились - и наступили трудные времена. Жаль, я не сразу это понял. В договоре мною были допущены расплывчатые формулировки, и в результате паук так и остался в моём теле. А пленником кристалла паука стал мой учитель-призрак - Де`Крабро. К моей досаде, он оказался вредным стариком.

Поначалу, при первом знакомстве, он был со мною любезен - местами даже слишком. Я начал было подозревать неладное сразу, но списал всё на усталость и последствия ритуала. Под предлогом составления персональной траектории развития - в зависимости от физической подготовки, состояния здоровья, психических данных и магического резерва - он предложил выполнить проверку предела работоспособности организма. Я сдуру и согласился.

Кросс на скорость, подтягивания, отжимания, подъём тяжестей... Пот лился градом, заливая глаза, смешиваясь с пылью и превращаясь в солёную, едкую жижу. Мышцы горели так, словно их окунули в расплавленный свинец, а в груди разгорался пожар, с каждым вдохом разгораясь всё ярче. А Де`Крабро лишь пощёлкивал пальцами и командовал своим бестелесным, но от того не менее властным голосом: «Ещё круг! Ещё подход! Ещё! Ещё. Ещё.»

Потом - проверка внутреннего магического резерва и скорости его восполнения. Я сидел, вытянув руки вперёд, чувствуя, как каждый палец начинает дрожать от напряжения, пока учитель водил над ними полупрозрачными пальцами, бормоча какие-то формулы. От его прикосновений по коже бежали мурашки, а внутри, где-то в самой глубине, пульсировало что-то чужое, внимательное, оценивающее.

- Неплохо, очень неплохо, - радовался он моим показателям, и в его голосе мне слышалось не просто одобрение, а что-то вроде хищного предвкушения. - Я вижу в тебе отличные задатки мага-боевика, сынок. Если проявишь недюжинные таланты и старание, то я из тебя сделаю боевого архимага-стихийника. Первым этапом мы подтянем твою физическую подготовку, а далее я научу тебя легендарному стилю фехтования Ла Дестреза.

На мой вопрос, когда мы будем осваивать магию, этот обаятельнейший старичок показал мне свою книгу магии с заклинаниями - толстый фолиант в кожаном переплёте, от которого веяло такой древностью, что, казалось, сама бумага дышит временем, - и произнёс с хитрой улыбкой:

- Обещаю перенести всё в твой личный фолиант, если будешь усердно по ним заниматься.

- Да-да, конечно, - обрадованно закивал я головой, уже представляя, как в моих руках оказывается эта сокровищница знаний.

- Я вижу, у тебя прекрасная защита от ментальных паразитов, а структура магических каналов почти как у легендарных драконов древности, - задумчиво проговорил Де`Крабро, изучая ауру вокруг меня. Его полупрозрачные пальцы чертили в воздухе замысловатые узоры, и там, где они проходили, оставались едва заметные серебристые следы. - И много вас таких проживает в вашем мире?

- Я не знаю, - пожал я плечами, чувствуя, как от этого движения заныла натруженная спина. - Но книги древности говорят, что мы созданы по образу и подобию Бога. Ну а защита... Могу только предположить. В детстве я проходил Таинство Крещения, в котором меня младенцем троекратно погружали в воду с призыванием Бога Отца, Сына и Святого Духа.

- В вашем мире три бога? - удивился Де`Крабро, и его брови, седые и косматые, поползли вверх.

- Словами это объяснить невозможно, - вспомнил я наши разговоры с отцом, его терпеливое, с расстановкой, объяснение того, что никак не укладывалось в рамки обыденного. - Троица - это не три бога, но один Бог в трёх Ипостасях.

- Хранители зря с тобою связались, - озабоченно проговорил мой учитель, и в его голосе впервые проскользнула нотка, которую я не мог определить: то ли уважения, то ли опасения. - Бог может и проследить, куда исчезло его чадо.

- Я думаю, Он и так знает, - усмехнулся я, чувствуя, как губы сами собой расползаются в кривую, невесёлую улыбку. - Иначе как обосновать, почему я ещё живой?

Де`Крабро задумчиво поправил серебряные кольца, перехватывающие в нескольких местах его седую длинную бороду. Они к моему глубокому удивлению тихо звякнули, и этот звук, тонкий, почти музыкальный, разнёсся в тишине долины. Он замер на мгновение, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, а затем неслышно, одними губами, проговорил:

- Хм, это всё меняет... Ты - око своего Бога в нашем мире. Как бы мне лицом в грязь не ударить.

А потом, уже громче, обратился ко мне, и в его голосе зазвучали совсем иные, деловые нотки:

- Что ж, буду делать из тебя универсала. Ученик, скажи, какая из характеристик самая важная для мага: магическая ёмкость ауры, пропускная способность каналов или скорость восполнения маны?

Я задумался, вспоминая скучные лекции в академии Алкеса, где преподаватели с таким же пафосным видом вещали о величии магии и её законах.

- Я думаю, - сказал я неуверенно, чувствуя, как внутри шевелится сомнение, - чем больше запас маны, тем лучше.

- Неправильно, мой ученик, - покачал головой Де`Крабро, и в этом движении было столько вековой, накопленной годами уверенности, что мне стало почти стыдно за свою догадку. - С помощью искусственного магического источника любой маг может увеличить

ёмкость до бесконечности. Следующая характеристика, где многие ошибочно полагают, что чем больше, тем лучше, - пропускная способность каналов. Но это не так. Проведу аналогию с калибром оружия. Например, у пушки чем больше калибр - или пропускная способность - тем больше мощь разрушения. Однако где вы видели, чтобы из неё стреляли по воробьям? Для этого существуют маги с низкой пропускной способностью - или малым калибром. Причём, поверь, они не менее опасны своими пусть маленькими, но частыми «укусами».

Он поднял палец, и на его кончике замерцал крошечный, едва заметный огонёк - такой маленький, что его можно было принять за светлячка, но такой плотный, что воздух вокруг него начинал дрожать.

- Между прочим, в нашем мире учёные маги разработали множество способов увеличить магоканалы, - продолжил учитель, и огонёк на его пальце погас так же внезапно, как и зажёгся. - К сожалению, во всех из них при инициации используется метод перенасыщения. Энергоканалы разрываются, объединяясь в единый ствол, и маг лишается возможности работать малыми энергиями из-за слишком широкого выходного ствола канала.

- Что же делать? - с разочарованием воскликнул я, чувствуя, как надежда, только что затеплившаяся в груди, начинает угасать.

- Это решаемо, - улыбнулся Де`Крабро, и в его улыбке мне почудилось что-то древнее, торжествующее, словно он собирался открыть тайну, которую веками хранили маги древности. - Твоя структура энергоканалов имеет уникальную особенность, присущую только драконам. Ваши каналы имеют дополнительную эластичную оболочку и разветвлённую сеть более сильных спящих каналов. Однако это не главное. Я обучу тебя неизвестному в нынешнее время заклинанию, с помощью которого можно укрепить стенки каналов и внутреннего резервуара, что предотвратит их варварское разрушение при следующей инициации. К довершению всего, в конструкте плетения предусмотрена управляющая мембрана, с помощью которой появится возможность создавать стабильный поток маны в выбранном нами канале. Причём мы можем повысить ещё и давление во внутренней ёмкости, тем самым увеличив скорострельность. Если ты согласишься, то я чуть позже объясню более подробно.

- Я согласен, - ответил я, не раздумывая, чувствуя, как где-то глубоко внутри, в тех самых спящих каналах, о которых говорил учитель, что-то начинает шевелиться, пробуждаться, тянуться к свету. - Что требуется от меня?

- Немного, - подмигнул учитель, и это движение, такое живое, такое человеческое для призрака, заставило меня невольно улыбнуться. - Каждый день опустошай свой источник и снова заполняй его, используя медитацию. Я бы рекомендовал воспользоваться ещё одним моим заклинанием, которое будет постоянно отбирать из внутренней ёмкости ману в кристалл-накопитель, оставляя в ней процентов так десять - требующихся для практических занятий. В итоге мы получим каналы нужного нам калибра, а дополнительно ты научишься плести заклинания, затрачивая минимальное количество энергии.

Я глубоко вдохнул, чувствуя, как внутри зарождается предвкушение - то самое, которое испытываешь, когда стоишь на пороге чего-то нового, большого, способного изменить всё. Впервые за долгое время я ощутил, что действительно начинаю учиться магии - по-настоящему, шаг за шагом, под руководством опытного наставника.

- Эх, красиво говорит, - пробормотал я про себя, чувствуя, как где-то на задворках сознания ворочается, въевшийся в кровь цинизм. - Вот только не привык я верить в безвозмездную благотворительность. Вполне возможно, это лишь хитрая уловка, позволяющая усыпить бдительность, а потом нанести удар в спину.

- Учитель, - начал я голосом прилежного ученика, и в этом голосе было столько почти-тельности, сколько я смог в него вложить, - мне очень нравятся все ваши наработки, но разве мы не должны сначала закрепить наши отношения клятвой?

- Что тянуть, произноси клятву ученика, а я её приму, - без колебаний ответил Де`Крабро, и его готовность, его полное отсутствие сомнений застали меня врасплах.

Я просто обалдел от его слов. Клятва ученика - это, конечно, не рабство, но ученик брал на себя обязательство подчиняться и соблюдать верность своему учителю. Наказание за нарушение клятвы зависело от величины проступка. То бишь, сказав слова клятвы, я сам надевал на свою шею хомут. Добровольно, с улыбкой на устах и с чувством глубокого удовлетворения от того, что всё делаю правильно.

- Де`Крабро, не кажется, что это сверхнаглость? - осадил я призрака, чувствуя, как внутри закипает глухое, недовольное раздражение. - Вам не стоит забывать, что хранители отдали меня вам в подчинение!

- Да-да, я помню! - сказал он, и впервые в его голосе проскользнуло недовольство - такое же острое, как укус осы. - Клянусь научить своего ученика всему, что знаю, ничего не скрывая, не искажая, не замалчивая и не причиняя вреда!

Звук грома, прозвучавший над головой, подтвердил истинность произнесённой клятвы. Он прокатился по долине, заставляя вздрагивать листья на деревьях и водную гладь покрываться мелкой, нервной рябью.

- Я хочу, - потребовал призрак, и в его голосе зазвучали стальные нотки, - чтобы вы дали клятву, что будете прилежно выполнять порученные мною задания, иначе я ничего не гарантирую.

Не знаю, что меня дёрнуло, но я ответил, чувствуя, как где-то внутри, на самой границе сознания, что-то подсказывает мне эти слова:

- Клянусь в точности и со старанием выполнять учебные задания учителя, если они не несут мне вреда.

В тот момент я думал, что я самый умный. Что нашёл лазейку, оставил себе пространство для манёвра. Утро следующего дня быстро убедило меня в обратном.

Кто-то самым наглым образом облил меня ледяной водой - прямо в ту минуту, когда в сонной неге мне снова явилась прекрасная гнома. Её улыбка, золотистые волосы, струящиеся по плечам, мягкий, ласковый взгляд... Я уже протягивал руку, чтобы коснуться её щеки, чувствуя, как где-то в груди разливается тепло, такое настоящее, такое живое...

И тут - хлёсткая, ледяная струя в лицо!

Я вскочил, разбрызгивая воду, хватая ртом воздух, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, а по спине бегут мурашки - от холода, от обиды, от невыносимой тоски по ушедшему сну.

- Ты ещё спишь?! - завыл в моей голове сиреной Де`Крабро. Его голос пронзал сознание, как раскалённая игла. - Сколько можно?! Вставай! Начался первый учебный день!

Так началась изматывающая тренировка - с утра и до вечера, без перерывов, без поблажек, без права на ошибку.

Мало подтянулся? Получай болезненную стимуляцию - лёгкий, но резкий разряд маны, бьющий по нервам, заставляющий мышцы сокращаться в конвульсиях, а зубы - скрежетать от бессильной ярости. Не успел пробежать за назначенное время? Снова стимуляция - и снова этот пронизывающий, мерзкий разряд, от которого темнеет в глазах и подкашиваются ноги. Слишком много маны потратил на заклинания? Значит, в конце занятий не хватит запитать щит - и вновь получаешь пытку болью, от которой хочется выть, но гордость не позволяет.

Всё-таки мой учитель ненормальный - весь учебный процесс стимулировался через боль. Где-то в глубине души я понимал: и спецназ готовят тяжело, трудно, порой невыносимо. После экстремальной подготовки люди становятся словно киборгами - в программе которых закладываются базовые настройки: драться и выживать. Именно это помогает выжить там, где не под силу остаться в живых обычным людям. Но понимание не облегчало страданий.

Де`Крабро каждый час, словно мантру, внушал мне:

- Чем сложнее задание, чем больше отвлекающих факторов, тем быстрее растёт потенциал ученика!

Поэтому я запускал файерболы с любой дистанции, из любого положения - стоя, сидя, лёжа, на бегу, кувыркаясь через голову, - и во всех возможных направлениях. Причём этот зловредный старик-мучитель всё время маячил своей полупрозрачной рожей перед моими глазами, в неизменно угрюмо-раздражённом настроении. Он то подбрасывал камни, которые приходилось отбивать щитом, то создавал иллюзии врагов, набрасывающихся со всех сторон, то менял гравитацию на доли секунды, заставляя тело терять равновесие - всё, чтобы сбить концентрацию, заставить ошибиться, чтобы потом снова и снова прогонять через боль.

Однако его душевное состояние менялось в лучшую сторону, когда во время занятий фехтованием его призрачная шпага или дага погружались в моё тело. Несколько раз испытал от призрачного ранения жуткую, невыносимую боль - такую, что мир перед глазами мерк и начинал кружиться в бешеном, пугающем танце, - я закричал:

- Э-э... Учитель! Это никак не согласуется со словами клятвы «не навреди»!

- Можешь не переживать за меня, - спокойно ответил Де`Крабро, и в его голосе не было и тени раскаяния. - Я ничего противоречащего клятве не делаю. Я насыщаю с помощью точечных воздействий твои внутренние органы маной. А это в умеренных дозах полезно. Мышцы, получив избыточную энергию, приобретают небывалую силу, скорость и выносливость. Внутренние органы, костная система и связки становятся крепче. А ещё улучшается память и растёт скорость реакции.

Он сделал паузу, давая мне осознать сказанное, и продолжил, и в голосе его зазвучали лекторские, профессорские нотки:

- При увеличении количества маны извне растут и возможности человека: параметры жизнестойкости и даже долголетия. В общем, на первый взгляд всё отлично. Однако организм, привыкнув к внешним вливаниям энергии, приобретает самую настоящую зависимость - как у наркомана! Без энергетической дозы уменьшается работоспособность, наблюдается сонливость, слабость мышц. Вот по этой причине маги в бою без маны долго не живут.

- Прошу посмотреть в истинном свете, - добавил он, и в его голосе появилась торжественность, - как я буду наполнять маной мышцы правой ноги.

Как всегда, объяснил подробно, доходчиво - и с демонстрацией. На мой вопрос, почему так больно, он сказал, и в голосе его не было и тени сомнения:

- Боль нужна для усиления терапевтической эффективности и выработки условных рефлексов организма. Тело при поступлении избыточной энергии в минуты опасности должно быть готово к повышенным нагрузкам и боли, а в остальные моменты - испытывать дискомфорт. Таким способом мы избежим привыкания.

- Мы с тобой не будем уподобляться магам, для которых антимагический ошейник является смертельным приговором, - строго произнёс учитель, и в его словах мне почудилась не просто угроза, а предостережение. - Поэтому первые месяцы не будем применять никаких заклинаний, магически усиливающих тело. Наоборот, с помощью изматывающих тренировок подготовим его к принятию высшей магической энергии. Пойми, ученик: лишь глупцы, одержимые гордыней, могут считать, что магом достаточно родиться! Лишь тот, кто готов двигаться вперёд, не торопясь, шаг за шагом, через тяжёлый и ежедневный труд, не терпя слабости к себе, может стать высокочеловеческим магом.

После такой активной стимуляции мой организм потребовал немедленно подкрепиться и нарисовал в воображении огромный, сочащийся соком кусок жареного мяса. От которого, не смотря на то, что он был воображаемый, мой нос улавливал такой аромат, что слюна собралась во рту. А желудок свело судорогой от голода.

Я напомнил Де`Крабро, что пришло время обеда и пора достать их хранилища, что-нибудь вкусное и питательное.

Учитель согласился - и позволил мне взять брикет из смеси сухофруктов, орехов и эльфийского мёда. Жадюга!

Я было возмутился, но вновь был простимулирован, уколом призрачной шпаги. И теперь уныло грыз брикет, откусывая по кусочку. Сладость мёда смешалась с терпкостью орехов, но голод не утих - наоборот, разыгрался ещё сильнее, превратившись в тупое, ноющее чувство, которое, казалось, никогда не пройдёт, чем ввёл в печальные размышления.

- Печалька... Облом, - подумал я с иронией, чувствуя, как где-то в глубине сознания просыпается привычный, спасительный цинизм, - зато теперь я точно не привыкну к роскоши. Со мной случилось так же, как у героя песни Владимира Высоцкого... Ни каких чудес... одни мучения.

Тут я понял: это - джинн, он ведь может многое,

Он же может мне сказать: «Враз озолочу!»

«Ваше предложение, - говорю, - убогое.

Морды будем после бить - я вина хочу!

Ну а после - чудеса по такому случаю:

Я до небес дворец хочу - ты на то и бес!..»

А он мне: «Мы таким делам вовсе не обучены,

Кроме мордобития - никаких чудес!»

Не получится у меня стать богатырём за один день с помощью магии. Да и магом, с таким учителем-мучителем, мне на раз-два не стать.

А недалеко, чем вчера вечером Де`Крабро, рассматривая мои артефакты и довольно сверкая зелёными глазами - они горели изумрудным, ненасытным огнём, переливаясь оттенками от болотного до яркого, весеннего, - пообещал научить фехтованию и артефакторике, передав слепок своих знаний в мою ауру. Мог! Но не стал. А я, как последний дундук, поверил ему. Раскрылся всей душой и показал все заныканные амулеты. Хвастливо разложив их на циновке перед ним, как перед отцом. Рассказал о своих заветных мечтаниях и планах на будущее. Словно мне не девятнадцать лет, а всего двенадцать или тринадцать. Скорей всего, под воздействием гормонального подросткового всплеска, когда мозг отказывается соображать, а язык развязывается сам собой, без спроса у разума.

Что делать... В детстве почти все подростки так же доверчивы и искренне уверены в доброте окружающего мира. Да и Де`Крабро, показал мне наглядно свой профессионализм: без всякого пускания пыли в глаза взломал жезл архимага Дин О`Гиора, переподчинив его себе. Это было поистине величайшее зрелище - его полупрозрачные пальцы скользили по поверхности жезла, выплетая тончайшие нити магии, разрывая старые узы и завязывая новые, и всё это с такой лёгкостью, будто он разматывал старый, надоевший свитер. Потом он устроил для меня прекрасный ужин, достав из привязанного к жезлу пространственного кармана огромную кучу изысканных яств. Вкуснотища необыкновенная! Умеют же архимаги себя побаловать: там были и запечённые перепела, и нежные сыры с голубой плесенью, и какие-то фрукты, названия которых я даже не знал, но от одного запаха которых слюнки текли... Я наивный, думал, что так всегда будет.

Вспомнив вчерашний ужин, я мысленно возмутился и ещё раз, так же мысленно перечислил все оскорбления которые смог вспомнить. Жадюга и гад, были самыми безобидными. Обидно было то, что деликатесами, хранящимися в пространственном кармане жезла архимага Дин О`Гиора, можно накормить целую дивизию. А он пичкает меня какими-то сладко-кислыми батончиками, которые только разжигают аппетит, не утоляя его! А ещё Де`Крабро вливает в меня горькие микстуры и травяные настойки - типа для подготовки организма к восприятию интенсивных физических нагрузок. На вкус они были как полынь, смешанная с соком чистотела и ещё чем-то, от чего язык немеет, а в горле встаёт ком.

Обед плавно превратился в лёгкий перекус за десять минут. Мой саботаж, я молча лежал на песке и не реагировал на команды, был вновь простимулирован, всё той же призрачной шпагой. Следующим этапом моей тренировки было изучение комплекса оборонительных и атакующих техник, выполняемых в строго установленной последовательности. Де`Крабро продемонстрировал движения, и в его призрачном, но от того не менее стремительном танце было что-то гипнотическое, завораживающее.

В юности я занимался в «Каратэ-До Шотокан» и даже сдал на коричневый пояс, выполнив ката и выдержав тридцать боёв свободной схватки. Поэтому я после пяти показательных выступлений, с удивительной для Де`Крабро лёгкостью запомнил комплекс и повторил его. Моё тело за помнило, как двигаться, как дышать, как переносить вес - и учитель довольно кивал, пока я после оттачивал каждое движение.

Однако работу с метательным оружием я завалил. То руки от усталости дрожали так, что метательные ножи летели куда угодно, только не в мишень. То пот заливал глаза, превращая окружающий мир в мутное, расплывчатое пятно, мешая видеть движущиеся в хаотичном порядке цели, то балансировка была мне незнакома или тело, не привыкшее жестким нагрузкам, никак не хотело подчиняться новым требованиям. В общем, тысяча и одна «отмазка»...

Честно признаюсь: ростовую мишень с четырёх до семи метров, я ещё мог поразить - благо на сборах в «Томской Заставе» нас этому учили. А то, что требовал призрачный учитель - поражать цели, движущиеся с разной скоростью, с разного расстояния, из разных положений, - было бы запредельно не только для меня.

На завершающем этапе тренировки эта полупрозрачная рожа-мучитель обучила меня трём видам стихийных щитов: огня, воздуха и воды. И мы начали играть в игру типа: - «камень, ножницы, бумага». Де`Крабро уверял меня, что это прекрасное упражнение на развитие интуитивного чувствования с использованием метода болевого воздействия.

Так вот, несмотря на всё моё старание и болевое стимулирование, внутреннее чутьё подставило меня все сорок пять раз - на большее не хватило маны. Если я окружал себя куполом огненного щита, Де`Крабро молниеносно наносил удар заклинанием воздушного кулака, продавливая мой щит. Из-за этого мои ресницы, брови и волосы на голове сгорели. Кожа на лице приобрела красный воспалённый цвет, горела, как после долгого пребывания на палящем солнце, и при каждом движении вызывала болевые ощущения.

После такого фиаско я отказался от огненных щитов, перейдя на магию воды, - и вновь потерпел неудачу. Мощные удары заклинанием того же воздушного «кулака» раз за разом сносили мою «водную защиту», обливая меня обжигающе холодной водой с кусочками льда. Я заподозрил, что учитель ведет себя не совсем честно и к атакующему воздушному заклинанию подмешивает стихию льда, потому что вода после контакта с воздушным «кулаком» становилась ледяной, почти замерзающей на лету.

В конечном итоге у меня руки и ноги свело судорогой, мурашки вздулись на моей коже огромными волдырями, каждый из которых пульсировал и ныл. Однако мучителю Де`Крабро этого показалось мало. В самом конце урока, когда мана плескалась на дне моего внутреннего резерва тонким, едва заметным слоем, он хлестнул по мне малым разрядом молнии.

Тело выгнуло дугой, бросило на землю, и где-то ещё с десятков секунд я, выпучив глаза, как рыба, поднятая с глубины, беззвучно хватал воздух широко открытым ртом. Внутри всё горело, каждый нерв был обнажён и бился в агонии, а в ушах стоял звон, сквозь который едва пробивался чей-то далёкий, встревоженный голос.

Злость во мне возросла, как пар в котле с неисправным клапаном, и, быстро достигнув опасного предела, взорвалась слепой яростной атакой, осушив до дна мой внутренний источник. Если бы я не потерял сознание от усталости и боли, то мог увидеть, как Де`Крабро пугливо шарахнулся от выпущенного мною небольшого файерболла.

Как ни удивительно, но большая часть знаний Духов долины каким-то образом сохранилась, а моё подсознание, активизировавшееся в опасный для жизни миг, подсунуло нужное мне плетение.

Надо сказать весьма витиеватое плетение с малым потреблением маны, несущее для призраков маленькую такую гадость - астральные призрачные лезвия. Они вращались внутри огненного шара, как лезвия в мясорубке, и старик, видимо, знал, на что способна эта игрушка.

Меня, пребывающем в невменяемом состоянии от боли или мертвецком полусне от усталости и магического истощения наконец уволокло в бессознательную тишину. Но и там мне не позволили отдохнуть. В темноте появился светящийся шар, оказавшийся при ближайшем рассмотрении огромным сияющим шатром. Он пульсировал мягким, золотистым светом, и от него исходило необыкновенное тепло и спокойствие.

Я приблизился и с опаской заглянул внутрь. За пологом, на ложе, украшенном фигурами сражающихся гномов, их суровые лица были искажены яростью, а оружие занесено для удара, возлежала прекрасная гнома. Вокруг горели ярко-жёлтым пламенем магические светильники, отбрасывая причудливые, танцующие тени на стены и оживляя нарисованные фигуры гномов.

Я узнал её и смело шагнул внутрь, произнося слова благодарности. Она приветливо улыбнулась, принимая их, и благосклонно указала мне на край ложа, сделав это жестом, исполненным подлинного королевского величия.

- Милый, милый мальчик, - жалостливым звонким голосом произнесла гнома, едва я присел, и в этом голосе, в этом «милый» я ощутил что-то приторное, тягучее, как слишком сладкий сироп, от которого начинает першить в горле. - Кругом враньё и лицемерие. Тебя в очередной раз обманули.

Услышав её слова, я внутренне напрягся, зная, что за этой фальшивой жалостью и показным участием может вновь скрываться обман и лицемерие.

- Де`Крабро, бывший дух голема, - медленно поднявшись, продолжила она, и её голос приобрёл стальные, обвиняющие нотки, - поклялся перед богами не причинять вреда, однако нарушил клятву, едва не убив тебя во время тренировки. Ты должен покарать клятвопреступника.

Гнома подошла ближе и строго огромными иссиня-зелёными глазами посмотрела на меня. В их глубине мерцало что-то древнее, холодное, и я, замороженный, не в силах отвести взгляд, молча кивнул, давая понять, что согласен.

Она обняла меня, её руки были прохладными, пахли цветами и ещё чем-то неуловимым, древним, и улыбнулась ещё более очаровательной улыбкой:

- Не бойся, мой милый мальчик, я не оставлю тебя без помощи. Но и ты должен помочь мне. Наша последняя надежда, будущий король Подгорного королевства Тинбалбен, попал в беду. Ты ведь не откажешь своей спасительнице в её маленькой просьбе?

Я, преодолевая любовное томление, вспыхнувшее огнём в сердце, проговорил, чувствуя, как голос становится чужим, не своим:

- Да, моя госпожа, я готов отправиться на поиски Тинбалбена, когда вы скажете.

- Завтра с утра и пойдёшь.

С помощью нечеловеческих усилий - таких, что, казалось, я слышу, как трещат цепи, которыми она опутала мою волю, - я сумел приостановить зов страсти и задал очень важный для моего выживания вопрос:

- Моя госпожа, пусть моё тело после трансформации способно пройти по любой самой узкой гномьей тропе. Однако без знания тайных гномьих путей отыскать пропавшего Тинбалбена невозможно.

Гнома замерла и в задумчивости поправила локон волос, выбившийся из причёски. Движение было таким естественным, таким женственным, что у меня перехватило дыхание.

- А ведь она чертовски красива, - мелькнуло у меня в голове. - И умеет пользоваться своим женским очарованием, отточила женские штучки за свою долгую жизнь. Вон как мне от её прикосновений ударило в голову, затуманивая мозг, не смотря на четырнадцатилетнее тело.

- Ты прав, магл, - деловито заговорила гнома, и в её голосе исчезла вся прежняя сладость, оставив лишь холодную, расчётливую деловитость. - Прикажи Де`Крабро обучить тебя заклинаниям «потайный лаз» и «поиск тайных троп». Даю тебе на изучение и тренировку два дня. От учителя избавься - он даже будучи големом был неуправляем. На что я мысленно возмутился и задал себе вопрос, если я для них важен, то почему они мне всучили неликвид? Не хотят, меня делать сильным?

Очнулся я резко и почувствовал, что лежу на спине, причём несколько острых камней врезались мне в спину, принося невыносимые страдания. Каждый вздох отдавался в позвоночнике тупым, ноющим толчком. Импульс ослепительного белого света откуда-то сверху начал заполнять каждую клеточку моего тела, изгоняя боль и принося ощущение бодрости и силы. Свет струился сквозь меня, пронизывал насквозь, и в этом потоке растворялась усталость, боль, сама тяжесть бытия.

Едва целебное излучение закончилось, я вскочил на ноги - нет, не от любопытства: «Кто это меня лечит?» Просто голод не тётка, а есть хотелось до безумия. В желудке было пусто и тоскливо, не считать же маленький батончик едой, а в голове пульсировала одна-единственная мысль, простая и первобытная: еда. Поэтому единственные слова, произнесённые при виде моего учителя, были не слова возмущения и угроз, а «жрать давай».

От стола с продуктами я отвалился, как обожравшийся удав. Бедный мой живот походил на огромную гору, но я нисколько не переживал по этому поводу. Впервые после перерождения в новом теле внутри было тепло, сыто, спокойно. От накотившей сытости глаза помимо моей воли закрылись, уставшие мышцы расслабились, напряжение последних дней спало - засыпающий разум унёсся куда-то очень далеко-далеко, туда, где не было учителей, тренировок, заклинаний и обязательств.

Спал я поистине мёртвым сном - да и немудрено после такого тяжёлого и длинного дня. Ни снов, ни видений, ни той прекрасной гномы - только чернота, мягкая, глубокая, всеобъемлющая.

Проснулся я с первым лучом восходящего солнца. Свет скользнул по векам, разбудил, и я, ещё не открыв глаз, на автомате поставил воздушный щит. Мышцы среагировали быстрее мысли, быстрее, чем я успел сообразить, что делаю. Сразу ощутил эманацию разочарования: это призрачное зло в облике старика-мучителя с седыми серебристыми волосами и длинной бородой попыталось облить меня ледяной водой. Я чувствовал его досаду - она исходила от него, как жар от раскалённой печи.

Из-за неудачи глаза Де`Крабро приобрели голубой льдистый цвет - холодный, неприятный оттенок, который мне уже доводилось видеть вчера, перед особо изощрёнными пытками. Я лишь злорадно улыбнулся: «Не всё коту масленица». А зря - призрачный учитель отыгрался за свой утренний провал.

Как вы уже поняли, я не бросился сразу выполнять указание гномки, а подчинился Де`Крабро и продолжил учёбу.

Утренний кросс всё так же изобиловал неприятными неожиданностями. Под ногами, откуда ни возмись, то появлялась яма, то вырастал холмик на абсолютно ровной базальтовой плите. Моей интуиции приходилось трудиться по полной, и, к моему удовольствию, она сегодня почти ни разу не подвела. Наверное, пыталась оправдаться за прошлое поведение. Я бежал, петлял, кувыркался, и каждый раз, когда нога должна была нащупать пустоту или споткнуться о невидимую преграду, тело само находило правильное движение, обходило ловушку, ускользало. Я был доволен.

За завтраком я вновь ощутил зверский аппетит и съел бы быка - да кто ж его мне даст? Сладко-кислый брикет, пусть и с эльфийским мёдом, его бы только раззадорил. Чувство голода сделало меня злым и агрессивным. Тем не менее я сумел сдержаться и не накинуться с обвинениями на Де`Крабро. Поэтому неприятный разговор состоялся в спокойных тонах. В первую очередь я обвинил его в нарушении клятвы. Удивительно, но ДеКрабро не отпирался, согласившись со всеми моими требованиями. Он слушал меня, кивал, и в его прозрачных глазах не было ни раскаяния, ни сожаления - только спокойное и деловое любопытство.

Де`Крабро даже пошёл на уступки, скорректировав учебный процесс под мои «хотелки». Поэтому я под чутким руководством Де`Крабро уже полдня чах, как Кощей, над кристаллами бесцветного кварца, выводя магические плетения, тем самым убивая сразу двух зайцев.

Первое: у меня появится «карманная артиллерия», которая пригодится как при нападении, так и в обороне.

Второе: мне нужно было «поставить руку» - приобрести определённые двигательные навыки, приучить себя к правильным движениям и абсолютному контролю над исходящей силой на уровне инстинкта, довести механику действий до автоматизма.

Только когда рука «набита», можно браться за более сложные задачи, не отвлекаясь на технику и не думая «как сделать», - поскольку остаётся только вопрос «что сделать».

А сделать мне за оставшиеся полтора дня нужно много. Благо, знания артефакторики, полученные от Алкеса, к моей радости, почти в полном объёме сохранились. Однако без помощи учителя с созданием мощного артефакта со встроенными заклинаниями «потайная лаз» и «поиск тайных троп» я провозился бы целую вечность.

Почему не скопировал заклинание в книгу магии? Да потому, что для безопасного использования заклинания из книги нужно на тренировках повторить магическое плетение более тысячи раз, отыскать ошибки - и лишь потом напиться магией.

Из воспоминаний Алкеса я знал, что на выпускных экзаменах в академии перепуганные студенты частенько ошибались в плетениях. Предсказать, во что преобразовалось заклинание из-за их оплошности, было практически невозможно. При наплевании маной творений студентов случались разные каверзы, порой довольно опасные даже для многоопытной экзаменационной комиссии.

В студенческой среде ходили как трагические, так и смешные истории. Например, чаще всего рассказывали, как ученик факультета перевоплощений превратил себя в гигантскую двупарноногую многоножку и сошёл с ума. Другой адепт лечебного факультета вместо суперногового массового целительства приворожил всех членов экзаменационной комиссии. Если маги в порыве обожания поставили ему высший балл, то магессы долгое время покушались на его честь.

Казалось бы, чего тут такого? Магессы ослепительно красивы - и обыкновенные мужчины при взгляде на них тут же теряли голову. Вот только магессам было более четырёхсот лет, и наложенные на них обворожительные иллюзии слетели, показав их реальную «красоту». Однако молодого мага испугал не вид колдуний, а страх потерять силу после страстных любовных баталий. Дело в том, что магессы в миг наивысшего блаженства не контролируют себя и могут опустошить силу своего любовника до дна, при этом ещё и помолодев на пару сотен лет.

В действительности все эти байки были выдумками - но, как говорится, в каждой небывлице есть доля правды.

Де`Крабро, наблюдавший за моими размышлениями, хмыкнул. Его лицо, обычно бесстрастное, издала едва заметная усмешка.

- Ты слишком много думаешь, ученик, - сказал он, и в голосе его прозвучало нечто, отдалённо напоминающее терпение. - Артефакт - это не шутка. Он требует не только знаний, но и точности, сосредоточенности, а главное - понимания сути плетения. Смотри внимательно.

Он взмахнул полупрозрачной рукой, и передо мной возник мерцающий контур будущего артефакта. Кристалл кварца, зажатый в моих пальцах, задрожал, начал медленно принимать нужную магическую формулу, впитывая первые нити энергии. Они опутывали его, как паутина, сплетались, перекрещивались, и в этом узоре чувствовалась, отточенная веками логика.

Я глубоко вдохнул, сосредоточился, отгоняя посторонние мысли, и начал повторять за учителем, стараясь уловить мельчайшие нюансы плетения, каждый поворот его призрачных пальцев, каждое изменение в ритме пульсации кристалла. От этого зависело слишком многое. От этого зависело всё.

- Неплохо для первого раза, - остановил меня Де`Крабро, когда я заканчивал двадцать девятую заготовку. - Отдыхай. Продолжим завтра на рассвете.

Я набив полный желудок - на этот раз учитель расщедрился, постелил циновку и укрывшись, прикрыл глаза. После чего позволил себе провалиться в сон, краем сознания отмечая, что сегодняшний день всё же не прошёл даром. Завтра потружусь и в путь, надоело мне уже здесь. Опасаюсь я получить от местных горных духов очередную гадость.

Глава 7. В лабиринтах подземелий.

Отзвуки зла, древних былин К нам проникают из тёмных долин
Армия тьмы точит клинки Опустошая свои рудники

Те орды отродий ведёт некромант И ликуют приспешники зла
Королевство вновь окутала мгла

Но тёмную ночь сменит алый рассвет Верный предвестник наших побед
Демонов тьмы встретит звон топоров Им не сберечь в этой битве голов
Рой метких стрел нашу песню споёт Каждый, кто жаждет войны, тот умрёт

(Radio Tapok - Отзвуки тьмы)

- Больно, блин! - вскрикнул я, заработав очередную шишку на голове. Боль пронзила череп тупой, пульсирующей волной, отдаваясь в висках, и я на мгновение ослеп от ярких, плывущих кругов перед глазами. - Зря я согласился, ох зря...

Я размахнулся киркой и решительным ударом разнёс небольшой сталактит, посмевавшийся нанести ущерб моей и без того глупой голове. Камень разлетелся с сухим, хрустящим звуком, но, по закону подлости, мелкое крошево осыпалось за шиворот, колючими осколками впиваясь в разгорячённую спину. Я вздрогнул, поёжился, чувствуя, как по позвоночнику стекают холодные, злые крупницы.

Сегодня явно не мой день: локти и колени сбиты в кровь о шершавый камень, на голове - уже третья шишка, и каждая пульсирует в такт сердцу. Кругом - только тьма, камень и гнетущая тишина, такая плотная, что кажется, её можно потрогать руками. Такое ощущение, будто меня замуровали в каменном склепе. Хорошо, что клаустрофобией я не страдаю - иначе давно бы уже выл, царапая стены.

Впереди маячил ещё метров «надцать» или больше «шкуродёра» - очень узкого лаза, который, судя по всему, был естественного происхождения. Стены его сходились так близко, что даже при беглом взгляде захватывало дух.

Вернуться назад? Ага, как развернуться в этой каменной трубе, где и плечи-то не распрямить? Поэтому - только вперёд, и никаких истерик. Я где-то читал, что у настоящего подземника обязательно должен иметься «синдром мышонка», пусть и глубоко запрятанный в недрах подсознания. У меня он точно есть - больно ловко я нырнул в эту норку, спасаясь от разгневанного голема-охранника, чьи каменные кулачищи едва не раздавили меня в лепёшку.

Запустив небольшой светящийся шарик - он вырвался из ладони дрожащим, неровным огоньком, - я ухватился пальцами за холодный, влажный выступ и, извиваясь подобно червяку, подтянулся вперёд. И обомлел. Впереди хода не было. Сердце пропустило удар, а потом забилося, выстукивая паническую дробь. Меня аж холодный пот прошиб - крупные капли скользнули по спине, вызывая дрожь, смешанную с липким, ледяным страхом.

Светляк, словно почувствовав моё настроение, заметался по стенам, вспыхнул ярче, на миг ослепив меня, - и исчез в отверстии, уходящем вертикально вниз. Я глубоко выдохнул от облегчения и подполз по ближе. Осторожно заглянул в чёрный зев.

И тут по закону подлости, мелкие камешки под телом дрогнули, зашевелились, а потом осыпались вниз, увлекая меня за собой. Я рефлекторно сгруппировался, вжал голову в плечи, треснулся спиной о стену, содрал до крови бок, и застрял, свесившись головой вниз в позе Винни-Пуха. Голова и плечи на воле, а всё остальное, в каменном лазе, зажатое, будто в тисках. В отличие от сказочного медвежонка Вини Пуха, худеть мне некуда.

Светляк, продолжая метаться по синусоиде, позволил рассмотреть небольшую пещеру высотой метра два с половиной. На дне её, в полумраке, угадывались очертания камней, что-то блеснуло металлом. Нашупав пальцами выемку, я заскреб ногами, пытаюсь протолкнуть себя

вниз. Безуспешно. Лишь вызвал очередной обвал камней, которые сковали конечности так, что стало невозможно пошевелить ими. Давление на голени и бёдра стало почти невыносимым.

Но я не испугался и не впал в панику. Наоборот, голова заработала круче мощного восьмиядерного процессора, анализируя события последних дней.

- Ну зачем я связался с духами? - думал я, стискивая зубы от бессилия. - Возомнил себя таким Балдой из народной сказки, способным торговаться на равных с бесами, прожившими не одно тысячелетие. Мой двадцатилетний жизненный опыт для них настолько же мал, как для меня опыт бабочки-однодневки. Причём провели меня как дурака, как мальчишку! Вместо морковки подсунули наживку в виде заклинаний высшей магии - и я её проглотил. Три раза! Может, меня околдовали или опоили? - попытался я себя оправдать. - Остаётся только радоваться, что живой остался...

Я зажёл ещё одного светляка, влив в него побольше маны. Шар раздулся, засветился ровным, насыщенным янтарным светом, и в пещере разлилось мягкое, тёплое сияние, отбрасывая дрожащие, причудливые тени на стены. Кирка, с помощью которой я мог бы освободить себя, лежала подо мной, на полу пещеры, присыпанная кучей камней. Лезвие её тускло поблёскивало в свете светляка, словно дразня, обещая свободу.

Рядом я обнаружил рассыпавшегося на составные части Лошарика. Теперь понятно, куда пропал Де`Крабро. Его новое жилище оказалось непрочным - или мана кончилась, или старый интриган просто не захотел больше тратить силы на поддержание этой формы. Надо сказать, что на Лошарика мы потратили почти десяток артефактов: жезл архимага Дин О`Тиора преобразовали в туловище и голову с рубиновыми глазами, пяток амулетов вместе с десятком прозрачных шариков кварца пошли на ноги и хвост. Когда я прочитал заклинание и напитал его магией, из артефактов сложилась маленькая забавная и удивительно прикольная лошадка. Куда Де`Крабро перебрался с огромной неохотой и потребовал отдельного канала для подпитки маной. В жезле накопитель оказался совершенно пустым.

Это была исключительно моя инициатива. После всех происшествий я не мог больше доверять духу, живущему в моём теле. Но и избавиться от паука тоже не мог - помнил наставление Дин О`Тиора: «Пока паук сидит в твоём теле, злобные бесы не смогут управлять тобой».

«Похоже, с такой жизнью я скоро параноиком стану, - мелькнула горькая мысль. - Не зря всех великих правителей обвиняли в излишней подозрительности. Жить захочешь - ещё не так извернёшься».

Правда, сейчас мне не изворачиваться надо, а выскальзывать. Я с трудом снял лямки вещевого мешка, стянул халат, который болтался на мне, как балахон, и оголился настолько, насколько это было возможно. Кожа, влажная от пота, противно скользила по камню. Я, что было силы, упёрся руками, пытая от натуги, чувствуя, как каждый мускул спины напряжён до предела. Спустя ещё несколько попыток я обнаружил, что у меня получилось вылезти всего на пару сантиметров. Однако все дальнейшие рывки были безрезультатны и причиняли невыносимую боль - казалось, рёбра сейчас треснут. Помучившись ещё немного, я с тоской посмотрел на кирку.

«Сейчас взять и выпустить паутину, как Питер Паркер... Притянуть к себе кирку. Вдарить так, чтобы камни в разные стороны полетели...»

Моё подсознание вновь подсказало мне возможный путь решения проблемы. Для этого нужно воспользоваться серебристым паучком, устроившим гнездо в моём теле. Страшно... А куда деваться? Как там говорят - «грудь в крестах или голова в кустах»?

Я мысленно потянулся к нему, перебросив фокус внимания внутрь, - и неожиданно провалился, словно в открывшийся «люк». Окружающий мир потерял свою чёткость, краски померкли, звуки стали глухими, далёкими. Всё поплыло, как на фотографии плохого качества. Бег мыслей в голове прекратился. Внутри поселилось равнодушие ко всему происходящему - спокойное, холодное, почти мёртвое.

Не знаю, сколько времени это длилось - минута, час или сутки. Однако безвременье прервала необъяснимая тревога и расплывчатый образ мамы, протягивающей ко мне руки. Я сосредоточился - и ясно, словно наяву, увидел перед собой её лицо: добрые, красивые серые глаза, мягкую улыбку, чётко очерченные губы и лёгкое, беззвучное их шевеление, как будто в немом кино. Мама молилась.

- Сынок, я знаю, ты слышишь меня, - говорили её губы. - Мы с отцом верим: Пресвятая Владычица Богородица не оставит тебя в беде, и ты вернёшься к нам.

От мамы я почувствовал исходящее приятное и необычное тепло, такое родное, такое далёкое, и мой взор наполнила яркая, словно взрыв сверхновой, вспышка. Чёрно-белый мир рассыпался, обретая краски, звуки, запахи, боль.

Это была западня. Я и название заклинания вспомнил - «Сон разума». **Де`Крабро мой мучитель постарался.**

Мой взгляд с любопытством помчался по комнате без окон и дверей. Стены напоминали экран монитора и были увешаны иконками с анимационным эффектом - они мерцали, переливались, складывались в замысловатые узоры. Что-то подсказало мне: если внимательно посмотреть на ярлык, появится подсказка. Тут же предлагался другой путь познания - в виде огромной книги, раскрытой на середине. Я не рискнул. Мой мозг, как мозг человека компьютерного мира, и так легко разобрался в назначении иконок. Например, для управления телом артефакта нужно напитать маной ярлык шевелящего лапами паука.

Эксперименты я отложил на потом. Моя воспалённая осторожность потребовала вернуться назад - в своё тело.

Открыв глаза и обнаружив себя в полной темноте в положении застрявшего Винни-Пуха, я расстроился. Тело затекло так, что каждая мышца ныла, голова раскалывалась от тупой, пульсирующей боли, а желудок от голода пекло и скручивало в узел - будто внутри ворочался голодный зверь, требуя пищи. Если в ближайшее время не предпринять каких-то действий, то из меня при окружающей температуре в тридцать градусов получится высохшая мумия.

Установив светляка - тот вспыхнул мягким золотистым светом, отбрасывая дрожащие тени на шершавые стены, - я убедился, что кайло никуда не исчезло. Оно лежало внизу, присыпанное мелкими камнями, но всё ещё в пределах досягаемости. Сосредоточив сознание, я переместился - вновь погрузился в артефакт, в мир «виртуальной» реальности, созданной магией.

Вернувшись в артефакт, я, не раздумывая, влил ману в иконку паука. Погружение в «виртуал» было полным: я ощущал каждую из восьми лап, их тонкие, чувствительные волоски, их зазубренные, острые коготки, готовые вцепиться в любую поверхность. Осторожно выбравшись из плеча - это было странное, непривычное ощущение, будто часть меня отделяется, - я перебрался на свисающую одежду и крепко вцепился в ткань, направив брюхо вниз.

После прицелился, сфокусировав взгляд на кирке. Мир вокруг стал чётким, почти гиперреалистичным - я видел каждую трещинку на лезвии, каждую песчинку, прилипшую к металлу, каждую ворсинку на рукояти. Выпустил несколько липких нитей - они блеснули в свете светляка, словно серебряные струны, и легли точно на цель. Не скажу, что это было легко: мышцы артефакта не привыкли к таким манипуляциям, а контроль над паутиной требовал предельной, почти нечеловеческой концентрации. Но у меня получилось.

Тяжелее всего было наматывать паутину на кулак, ожидая каждую секунду, что она не выдержит веса кирки. Сердце билось так громко, что, казалось, его стук разносится по всему подземелью, отражаясь от стен и возвращаясь многократным эхом. Когда верёвочный темляк обхватил мою кисть, надежда на спасение окрепла и переросла в уверенность.

Выбрал место, как мне показалось, самое непрочное - там, где камни лежали неплотно, образуя хрупкую арку. Начал долбить. Добавить магии огня - удар. Камень нагревался, трещал, менял цвет на багровый. Добавить магии льда - удар. Гранит резко охлаждался, покрывался

мелкими, паутинообразными трещинами, издавая звук, похожий на звон разбитого стекла. Не зря учил физику в школе. Так, поочерёдно, с нагревом и резким охлаждением, я освобождал себя из цепких лап горы.

В последнюю секунду перед обвалом я успел уцепиться рукой за выступ и с кувырком упал на пол пещеры, чуть в стороне от сыплющихся булыжников. Да, мне повезло. Ничего не сломано - только пара ссадин, ободранный при падении бок, несколько синяков, которые наливались лиловой болью. Обувь при падении слетела, но это пустяки. Главное - я жив и дышу.

Немного передохнув, собравшись с мыслями, я сел, прислонившись к стене. В груди закипала обида.

- Эх, надо было послушаться прекрасной гномы и покарать Де`Крабро, - пробормотал я, сжимая кулаки так, что ногти впились в ладони. - Но кто же знал, что он мне подлую ловушку устроит? Так старательно помогал, советовал, учил...

- Эта скотина для себя моё тело готовил! - пришло понимание, и злость подстегнула меня, заставив забыть о голоде, о дрожи в руках. - Ну ничего, сейчас разберётся.

Я бросился к завалу - как был без обуви, полуголый, не чувствуя боли, - и начал лихорадочно разгребать камни, доставая жезл архимага Дин О`Гиора. Я понимал: нужно поторапливаться. Через созданный канал между мной и жезлом к Де`Крабро утекала МОЯ мана. Если я не успею, то он, почувствовав угрозу, нападёт первым.

«Помяни чёрта всуе - он и появится», - мелькнула горькая мысль, когда камни за моей спиной вздрогнули.

Разгневанный призрачный старикашка, сверкая льдисто-голубыми глазами, выскочил из кучи камней, как чёрт из табакерки. При его появлении я на автомате поставил воздушный щит - и вовремя. Куча камней вспухла взрывом, щит выдержал, но меня отшвырнуло назад, с размаху приложив спиной о стену.

- Да сколько можно, - сипло проворчал я. - С трудом поднимаясь на ноги.

Не прошло и пары секунд, как на очистившемся полу пещеры начало собираться существо, напоминавшее собой скорпиона: сегментированное тело, клешни, хвост с ядовитым жалом - всё это медленно, со скрежетом, соединялось в единую хищную конструкцию. Я не раздумывая швырнул в самую гущу всё тот же плазменный файербол с призрачными астральными лезвиями. Он летел, оставляя за собой огненный, пульсирующий след. Удар пришёлся в самый центр хищной конструкции. От температурного воздействия драгоценные камни, вставленные в жезл, разлетелись цветным крошевом, а существо, не успев завершить соединение, рассыпалось на составные части, которые с глухим стуком упали на каменный пол. Я услышал звук, похожий на разрыв плотной ткани. Это к моему великому огорчению, вместе с жезлом разрушилась привязка пространственного мешка архимага со всеми богатствами внутри и всё, что было там накоплено за долгие годы, исчезло в небытии. Самое печальное я остался без еды.

- Плохо, очень плохо, - подвёл я итог, оглядывая обломки. - Путешествие под землёй, без еды и воды, на одной подпитке маной. Сколько еще сможет выдержать моё мальчишеское тело?

Именно с такими мыслями и дурным предчувствием я занялся собой. Натянул халат, надел башмаки, проверил вещевой мешок - вроде всё цело. А вот с едой полный швах. Пара сухариков и полупустой бурдюк с водой. Достал один сухарик, и тщательно его разжевал, стараясь растянуть удовольствие, взболтал бурдюк и сделал пару глотков. Вода была тёплой, с привкусом кожи, но живительной. Подумал немного и выпил ещё чуть-чуть - может, подземное озеро или ручеек где-нибудь на пути встретится.

Посмотрел карту, составленную Де`Крабро с помощью заклинания «поиск тайных троп». Магический автонавигатор показал, что до Тинбалбена Дубовая Голова по прямой линии около трёх километров. Казалось рядом, но в подземных лабиринтах нет прямых дорог - поэтому

мне придётся проползти или пройти на карачках как минимум двадцать или более километров по извилистым гномьим ходам.

Завязав горловину, закинул за спину вещевой мешок, сразу поправив лямки на плечах. На мгновение собрался с духом и двинулся усталой походкой по поисковой нитке. Впереди меня ждал новый узкий «шкуродёр».

Примерно через два часа я обнаружил, небольшое подземное озерцо в довольно просторном гроте и устроил там привал. Вода оказалась приятно тёплой, и потому я раздевшись больше часа нежился в ней, смывая с себя кровь, грязь и усталость. Светляк выпущенный мною высветил сводчатый потолок испещрённый полупрозрачными причудливыми сталактитами - они свисали вниз, словно каменные сосульки, и с каждой из них срывались капли хрустальной влаги, падая на жёлтую от сияния светляка гладь водоёма с монотонным, успокаивающим звоном. Однако любоваться этим я не смог. Обессиленный физически и морально, я после купания мгновенно заснул, прямо на сыром и жестком камне.

Проспал я часов семь-восемь, и чувствовал себя по-настоящему отдохнувшим и голодным. Съел последний сухарь, кроша его пальцами и собирая каждую крошку, а желудок и бурдюк наполнил до краёв слегка солоноватой водой из подземного озера. Усталость, после отдыха и очень лёгкого перекуса ушла, я был вновь полон сил и готов к новым путешествиям и опасностям.

Из грота выбрался через крохотное «окно» в тесный проход, который вывел меня в небольшую пещеру. Стены были рукотворно ровными, а пол гладким, словно его шлифовали веками. Потолок светился едва различимым зеленоватым светом, словно в камне были встроены крошечные люминесцентные кристаллы. Я обрадовался, понимая, что дальше мне будет идти уже легче. Однако, воспоминания, как безрассудно и смело я начал своё путешествие по поиску Тинбалбена, заставило прислушаться к шепчущей тишине подземелий.

Верхом на коне, держа в руке повод выючной лошади, не позаботившись о разведке... Наивный, опираясь на слова гнома, я полагал, что в тоннелях безопасно пока не спят светлячки. Оказалось, Тинбалбен ввёл меня в заблуждение, а точнее обманул. Големы охраняли свои тоннели круглосуточно. Меня они восприняли как чужака, покусившегося на сокровища гномов, и неспешно бросившись в погоню загнали меня в тупик. Спасение я нашел в небольшом ходе, спрятавшись там подобно мышке в норке. Бросив лошадей, оружие и провизию.

- Больше таких ошибок я не совершу, - в очередной раз я твёрдо пообещал себе, чувствуя, как где-то глубоко внутри ворочается злость на собственную глупость.

Искорки поисковиков сорвались с моей руки и полетели на разведку - крошечные мерцающие светлячки, заскользили по стенам, заглядывая в каждый небольшой ход. Ещё немного посидев в своём укрытии и убедившись, что вокруг никого нет, я выбрался из пещеры в пробуренный гномами тоннель, по которому и шёл следующие двенадцать часов. Он закручивался спиралью с небольшим уклоном вверх, явно вёл к поверхности. Я спешил, так как меня подгонял голод. Однако обнаружив границу некропятна я остановился.

Ноздри наполнил запах тлена и смерти, мною он ощущался как сладковато-гнилостный, и вызывал тошноту. Впереди даже стены были черными и покрытыми каким-то маслянистым налётом, а мох и светлячки пересекая невидимую черту ссыпались на пол тоннеля кучкой серого, безжизненного праха. Если разум толкал меня вперёд, обещая скорое спасение, то душа сопротивлялась отчаянно: некроэфир влиял не только на тело, но и на вечную душу.

Я поддался уговорам души и принял решение чуть-чуть повременить, чтобы дать передышку измученным ногам, и с помощью амулета «потайённый лаз» составить более точную трёхмерную карту. Плюхнувшись на каменный пол и вытянув ноги, которые гудели от долгого пути, я крепко сжал в ладони амулет и приступил к процессу зарядки плетения магической энергией. Пальцы слегка дрожали - не от холода, а от того изнурительного напряжения, которое накопилось за последние часы. Каждый жест давался с трудом, но я сосредоточился, направляя

поток энергии в артефакт, чувствуя, как мана покорно течёт по каналам, наполняя кристалл ровным, спокойным светом.

Буквально через минуту передо мной возникла трёхмерная карта - мерцающая, полупрозрачная, словно сотканная из лунного света, пролившегося сквозь толщу земли. Она парила в воздухе, медленно вращаясь, и на ней я и Тинбалбен были обозначены в виде светлых точек, пульсирующих в такт биениям сердца.

На полную обрисовку скрытых ходов ушло более двух часов. Я следил за тем, как линии медленно проступают в воздухе, изгибаются, разветвляются - будто корни древнего дерева, проросшие в толще камня. Тонкие нити сплетались в причудливые узоры, уходили вглубь, пропадали, появлялись вновь, и я невольно залюбовался этой подземной географией, рождающейся на моих глазах. Меня порадовал ещё один маленький бонус: на карте нежить обозначалась чёрными точками. Причём чем жирнее точка, тем больше в ней некро-энергии. Тёмные сгустки скапливались в нескольких местах - там, где, видимо, обитали самые опасные создания подземелий. Они пульсировали медленно, тяжёло, и даже на карте от них веяло угрозой.

Наиболее безопасный маршрут начинался в отстойнике, далее шёл по каналу главного коллектора в ливневую канализацию, затем - до дренажного колодца, оттуда до гнома и рукой подать. Ближайший вход в нужный мне отстойник находился на расстоянии километра.

Однако я не смог себя заставить двигаться дальше. Какое-то смутное предчувствие тревожило меня, будто где-то рядом затаилась невидимая угроза, которая следит, ждёт, оценивает. Волоски на руках встали дыбом, по спине пробежал холод-ок. Поэтому я поставил охранный контур - тонкие нити магической энергии заискрились вокруг, образуя защитный купол, - и провалился в объятия тревожного сна.

Спать на голодный желудок - то ещё испытание. Во сне передо мной проплывали картины пиршественных столов: румяные пироги, от которых исходил пар, жареное мясо, сочащееся соком, свежие фрукты, покрытые капельками влаги... Но стоило проснуться - и реальность обрушивалась на меня с новой силой: еды по-прежнему не было. Желудок охватывало жгучее разочарование, а в голове надоедливо крутилась мысль о всевозможных вкусах, находящихся в вещевом мешке гнома. И куда только делись душевные страхи? Разум подсказывал: если вдруг у Тинбалбена мешок пуст, то можно уйти из Чернобада через телепорт. А там, за горами, еды много.

До канализационного отстойника я добрался быстро. Зловонное амбре с запахом фекалий, к моей радости, уже давно выветрилось, а на дне огромной ёмкости остался лишь толстый слой сухой грязи, потрескавшейся, как пересохшее русло реки. Канал коллектора, куда вела поисковая нить, оказался узким и непривычно низким - приходилось двигаться по нему, согнувшись чуть ли не в три погибели. В мёртвой тишине отчётливо слышалось, как предательски громко под башмаками ломалась тонкая корка грязи. Временами мне казалось, что издаваемый шум слышен на весь Чернобад.

Дальше стало не до иллюзорных страхов: двигаться приходилось где на четвереньках, а где - как маленькой ящерице, на животе. Пот струился по спине, смешиваясь с пылью и превращаясь в солёную, липкую жижу, мышцы ныли, но я упорно полз вперёд, ведомый тонкой, едва заметной нитью заклинания.

До тесного квадратного дренажного колодца дополз совсем без сил - на одной лишь силе воли. Сверху, из-за чугунного узора решётки, струился тусклый свет, слегка рассеивая мрак на дне. В стену колодца были вбиты толстые скобы, служившие для подъёма или спуска. Цепляясь за них руками, чувствуя, как холодный металл впивается в ладони, я поднялся на самый верх и, прильнув к решётке, попытался разглядеть, что происходит снаружи.

С трудом мне удалось сквозь решётку и сумрак разглядеть грязный, обветшалый потолок с уродливыми кусками лепнины. Я не стал даже пытаться поднять кованую решётку. Во-первых, могло сил не хватить. Во-вторых вначале нужно разведать обстановку, незаметно. Для

этого я спустился вниз, и лёг на пол, покрытый сухим мусором. Обхватил колени руками, подтянул их к груди, практически свернувшись в клубочек. Поза эмбриона, вызывала хоть какое-то чувство защищённости. Мысленно потянулся к пауку, перебросив фокус внимания внутрь. Переход в этот раз прошёл быстро и на удивление легко - мир вокруг потерял объём, стал плоским, словно картина, написанная на холсте, а я ощутил восемь лап, шевелящихся в такт моим мыслям.

Управлять телом паука,двигающегося по горизонтальной поверхности, - одно, а подниматься по стене - совсем другое. Две первые попытки окончились неудачей: я свалился вниз, не сумев подняться и десяти сантиметров. Потом приспособился: цепляюсь коготками передних лап за неровности в камне, подтягиваюсь, одновременно перебирая следующей парой ног, и отталкиваясь задними, медленно продвигаюсь вверх. Так поднимался всё выше и выше, подчиняясь решительным командам мозга, пока не упёрся в потолок.

Там замер на секунду, приклеил к стене паутину в качестве страховочной верёвки и, выискивая мелкие трещины, неторопливо отправился дальше - по потолку. Выбравшись из дренажного колодца, сразу юркнул под ближайший кусок упавшей с потолка лепнины и замер, надеясь, что меня не заметят. Для меня, находящегося в теле паука, помещение казалось огромным - каждая трещина в полу выглядела как пропасть, а обломки лепнины - как горные утёсы. Кляксы флуоресцировавших пятен на стенах освещали силуэты скульптур, изваянных в виде изящных фигур молодых женщин, поддерживающих потолок. Их каменные лица, освещённые зеленоватым свечением, казались живыми, и мне на миг почудилось, что они следят за мной. За ними царила темнота - сколько я туда ни вглядывался, ничего рассмотреть не смог.

Сориентировавшись на местности, я выбрал направление где находится Тинбалбен и определился с дверью и побежал. Ну как побежал, у моего паука восемь лап. Пока их все переставишь.

Не без труда преодолел завал из мусора и обломков лепнины, и обнаружил входную дверь за поворотом. Однако ни одной щели, сквозь которую мог бы пролезть паук, я не нашёл. Весьма качественное подогнанное дверное кованое полотно изрядно удивило меня и нарушило все мои планы. Но я не отчаивался - помнил, что во всех зданиях у гномов предусмотрены вентиляционные отдушины. Долго искать не пришлось: такое отверстие обнаружилось над дверью, высоко под потолком.

Примерно через полчаса я был наверху и, слегка высунувшись, внимательно обшарил взглядом полутёмное помещение. Моему удивлению не было предела на полу была начерчена ритуальная семилучевая звезда мага. В её слабом флуоресцирующем свете нарисованной едва угадывались стены, потолок и была видна прикованная к стене фигура. Если это гном, то мне повезло. Судя по карте, стационарный портал также находится в этом помещении. Если всё пройдёт удачно, то я одним выстрелом убью двух зайцев: выполню просьбу Катрин - освобожу Тинбалбена - и сбегу из опостылевшего мне Подгорного королевства через телепорт.

Моё радостное возбуждение омрачили два рыцаря смерти в полном рыцарском облачении, вооружённые мечами со светящимися на лезвиях загадочными символами. Они уверенно двигались в мою сторону. Под их сапогами жалобно хрустели обломки лепнины, и каждый шаг отдавался в полу глухим, тяжёлым эхом. Следом за ними тяжёлым шагом шёл архилич, державший в своих мумифицированных руках посох с черепом, полыхавшим голубым пламенем. Широкие плечи укрывал тёмный плащ, а на безволосом черепе сверкала драгоценными камнями корона короля гномов. Его горящие зелёным огнём глаза, словно два колодца потустороннего света - внушали страх и ужас, пронизывали насквозь, заставляя душу сжиматься в комок.

Один из рыцарей смерти, подошёл к дренажному колодцу, где находилось оставленное моё тело. Используя меч в качестве лома, выковырял решётку и расширил проход под свои размеры. Потом к моему ужасу, засунул руку в колодец и пошарил там, достал моё тело -

и на руках, словно какую-то тряпичную куклу, поднёс к архиличу. В мертвенном свете моя брэнная оболочка выглядела особенно жалко - краше в гроб кладут. Бледное, измождённое лицо, запавшие щёки, синева под глазами. Настоящий узник «Бухенвальда»...

Стало нестерпимо себя жаль. Захотелось домой, проснуться в кровати, ощутить под боком тёплый бок кота, услышать, как за окном шумит дождь, и подумать: «Ах, какой ужасный сон!» Однако эта фэнтэзийная реальность, от которой мне никуда не сбежать, и не в силах изменить.

Время бежало, а я по-прежнему не знал, что делать. Мои паучьи лапки дрожали - не от усталости, а от страха, который я с трудом подавлял, загоняя его в самые дальние уголки сознания.

Между тем мёртвый король гномов творил колдовство. С навершия посоха слетела туманная дымка - вязкая, словно кисель, - и окутала моё тело злым голубоватым светом. Он обволакивал, проникал внутрь, и я видел, как магия липнет к коже. Тщедушное тело забилося в судорожной агонии, из искривлённого рта пошла пена, и вырвался страшный хрип - такой, что кровь стынет в жилах.

От осознания, что могу умереть в пытках, меня прошиб нервный озноб. Однако Архилич не стал мучить долго моё тело и не увидев нужной ему реакции прекратил мучения сразу. Архилич, приблизившись, сотворил ещё одно плетение в котором я узнал заклинание диагност. Напитав маной, запустил над телом.

- Проверяет, - понял я. - Не прикидываюсь ли бесчувственным.

Проверив, результат магического воздействия, он внимательно осмотрел так и не прошедшее в сознание моё измученное тело, король-лич повернулся в сторону двери и взмахнул рукой. Я вздрогнул. Неужели заметил?! Но испуг оказался напрасным. Дверь подо мной, открываясь, закрипела - протяжно, жалобно, - а в помещении вспыхнули магические лампы, осветив Тинбалбена, прикованного к стене цепями. Их зеленоватое мерцание придавало его лицу нездоровый оттенок, подчёркивало глубокие морщины и тёмные круги под глазами, делало его похожим на статую, высеченную из потемневшего от времени камня.

Нежить тяжёлыми шагами вместе с моим телом направилась к двери. А я, приняв решение переместиться поближе к своему телу, и немного опоздал. Торопливость при управлении восемью маленькими лапками недопустима, особенно при приклеивании паутины - липнет, зараза. Рыцари смерти успели войти и встать рядом со светящейся звездой. Поэтому мне пришлось буквально прыгнуть на голову короля гномов и спрятаться в короне, словно маленькому Нильсу под шляпой бывшего старшего боцмана Розенбума.

Дальнейшее стало для меня полной неожиданностью.

Архилич, обойдя ритуальную звезду мага по дуге, обратился к сидящему на полу гному:

- Катрин, - безжизненно-скрипуче просипел он, и голос его напоминал скрежет ржавого железа, - ты не выполнила своего обещания, мальчишка, которого ты мне отдала, вот-вот умрёт.

- Тугон, сын Дугона, - голосом евнуха, визгливо проговорил гном, и в этой визгливости, в этих интонациях я вдруг узнал ту самую, прекрасную гномку из снов. - Парень живуч и легко выдержит ритуал. Отпусти будущего короля гномов и немедленно приступай к обряду воссоединения.

- Ты забываешься, колдунья! Король гномов - я! Ты меня поняла, Катрин?!

- О, великий Тугон, сын Дугона, зачем тебе королевство гномов? Тебе уготовано править миром, или ты решил нарушить свою клятву?!

- Это вы, тринадцать хранителей долины водопадов, не боитесь покрыться позором клятв-воступников, а мне, королю Тугону, сыну Дугона, это не пристало.

- Ты не вправе нас обвинять в нарушении клятвы! Доппи и Ворчун, с кем ты заключал договор, погибли, выполняя свою часть сделки. Поэтому клятва ни в одной запятой не нарушена.

- Они заключали договор от имени всех духов, и порукой был глава хранителей Грампп!

- Вот с него и требуй! Он не имел на это ни права, ни власти. Грампп обязан был вынести на голосование, а уж потом принимать решение.

- Почему он не явился?!

- О, это поучительная история для всех клятвопреступников. Грампп заключил договор с маглом, и нарушил его. Боги такое не прощают, в наказание у него отобрали силу, а я забрала себе власть!

- Хорошо, - надменно растягивая гласные, процедил архилич, и в его голосе послышалась плохо скрываемая ярость, - я подтверждаю договор, однако «Око провидения» я отдам тебе после ритуала. Уходи!

Архилич махнул рукой, и луч мертвенного света из навершия посоха ударил в кандалы, сковывающие гнома. Оковы посыпались ржавой трухой на пол, образовав небольшую кучку - бурую, рассыпчатую, пахнущую вековой ржавчиной.

Гном тяжело поднялся, разметал ногой всё, что осталось от кандалов, и, не оглянувшись, вышел на подгибающихся ногах из помещения. Рыцари смерти, не обращая внимания на гнома, с излишней осторожностью положили моё тело в середину звезды, а по вершинам разложили неизвестные мне ингредиенты - какие-то высушенные корни, кристаллы неизвестного происхождения, пучки трав - и тоже вышли, повинувшись приказу своего повелителя.

Тугон наклонился, рассматривая мальчишечье тело, и тихо про себя заговорил:

- Ничего не понимаю... Где душа? Неужели эта глупая гусыня Катрин знает то, что не знаю я? Так, а что это за таинственные вензеля у него в ауре? Ого, да это защита от ментального воздействия - это мне подходит. Соединительная линия с накопителем... Оставим пока как есть. А вот с обманкой внутреннего резерва перестарались - такое низкое количество маны слишком подозрительно. Суставы и связки слишком слабы... Поправим! В моей власти редчайший артефакт «Око провидения» - грех не воспользоваться.

Архилич совершил над моей головой несколько пассивных движений - движения были плавными, отточенными, словно он проводил какой-то древний обряд, - и, опираясь на посох, выпрямился. А я, как заправский альпинист, спустился на паутине вниз. С ходу нырнул под халат и, ранив своё тело зазубренными коготками, рванул в сторону плеча.

Переход - и я ощутил, что сил шевелиться у меня нет. Тело после жёсткой экзекуции отказалось мне подчиняться. Отчаяние и безысходность накатили волной, и я чуть не расплакался - слёзы подступили к горлу, застряли там колючим комом, не давая дышать. Вдруг в голове раздался тихий голос отца:

- Ты слышишь меня, я верю:

Смертью таких не взять.

Держись, мой мальчик: на свете

Два раза не умирать.

Никто нас в жизни не может

Вышибить из седла!

В детстве, когда я проигрывал на соревнованиях или разбивал в кровь коленки, отец шептал мне эти слова стихотворения Константина Симонова на ухо - так, чтобы никто не слышал. И что удивительно, я, как и в юности, загнал страх и неуверенность назад - в самый тёмный и глубокий подвал души, захлопнул дверь и повернул ключ. Пусть и шансы выпутаться из неприятного положения почти нулевые, но пальцы сами собой нащупали спрятанную в подкладке халата заточку

- ту самую, которую я нашёл ещё в тюрьме под столом. Если судьба даст шанс на выживание, я им воспользуюсь.

Вдруг пространство комнаты наполнилось энергией и силой. Даже сквозь неплотно прикрытые веки я заметил какое-то золотистое мерцание и украдкой скосил глаза. Архилич, несколько не беспокоясь о своей горячей плоти - от его одежды поднимался едкий, удушливый дым, - держал в руке шар, светившийся золотым сиянием. Он пульсировал, как живое сердце, и от него исходило тепло, которое я чувствовал даже на расстоянии.

«Это за ним нас посылали», - сообразил я.

Узкий светящийся сноп света, как от прожектора, ударил мне в грудь, налитывая тело энергией жизни и маной. Я внезапно остро и ясно ощутил, как мощно забилося сердце, как кипящая кровь легко и свободно струится обжигающим потоком по жилам, как каждый мускул наполняется силой. Луч погас внезапно и мгновенно, заставив меня вздохнуть с сожалением. От бушевавших энергий осталось лишь разливающееся по всему телу тёплое ощущение и решимость дорого продать свою жизнь.

Обострившийся слух уловил, как зашуршали мелкие камешки под ногами у подходившего ко мне архилича. Он вновь что-то шептал себе под нос - монотонно, заунывно, словно читал древнюю молитву. Мне с трудом удалось уловить пару фраз:

- Я молодец, телесную оболочку подлечил... Ещё осталось пространственный карман привязать...

Архилич остановился, простер руки надо мною и неторопливо принялся творить плетение со сложным узором, подпитывая его маной. Стоило плетению наполниться энергией, как оно развернулось, как парус от ветра и сверкая в истинном свете, медленно опустилось на меня. Перед глазами заплескали тысячи разноцветных искр, очертания окружающего мира дрогнули на мгновение и обрели невероятную четкость.

- Прекрасная работа, - произнес король архилич глухим безжизненным голосом. - Пора одеть новое тело...

Он наклонился надо мною, зачем-то вглядываясь в лицо. В нос тут же ударил омерзительный смрад горелого тухлого мяса, такой густой, что запершило в горле и защемило глаза. Однако я перехватив поудобнее рукоять заточки и с разворота ударил в основание черепа архилича. Оружие в руках завибрировало от проходившей через него силы, моя внутренняя магическая емкость раздулась как воздушный шар грозя лопнуть. Мне повезло. Излишнее давление маны перетекло через соединительный канал в накопитель. В глазницах нежити ярко вспыхнувшее зеленое пламя погасло. Кости короля архилича ударяясь друг о друга упали на пол, и сложились горкой. Череп остался в моих руках и укоризненно смотрел пустыми глазницами на меня.

А меня из-за острого чувства дежавю и нервного напряжения разобрал смех, граничащий с истерикой. Он вырывался из груди судорожными, рваными толчками, и я не мог его остановить. В восьмом классе, перед уроком анатомии, если я не ошибаюсь, я так же, подняв руку вверх, стоял и пытался воспроизвести монолог Гамлета перед одноклассниками.

- Бедный Йорик! - произнёс я тогда, стараясь придать голосу трагическую глубину. - Я знал его, Горацио...

В миг моей театральной славы дверь резко распахнулась, и в кабинет биологии вошла учительница. Ребята быстренько расселись по своим местам, а я замер столбом с поднятым в руке черепом - муляжом, который использовался для демонстрации.

- Алексей, - проговорила она, приподняв бровь, - по литературе ставлю тебе отлично. По биологии пока два, но вы можете пройти к доске и показать нам место в мозгу, где обитают мысли.

Весь класс над немудрёной шуткой ржал, в том числе и я. Тогда я сумел выкрутиться, получив три балла. Удастся ли это сделать сейчас?

В этот раз дверь не открылась, однако глухие громкие удары, наносимые рыцарями смерти, заставили меня прекратить смеяться. Пора сматывать удочки.

Вначале я бросил взгляд на порталную площадку. Увиденное меня огорчило: обломанные колонны арки портала торчали из груды камней рваными сколами и напоминали остатки гнилых зубов во рту какого-то полусгнившего существа. После такого изощрённого акта вандализма портал вряд ли будет работать.

В поисках спасения я обежал глазами помещение и заметил, как из щели в стене пробивается свет - ровный, золотистый, живой. Сердце радостно застучало у самого горла, и я бросился вперёд, надеясь увидеть проход. Но там меня поджидала волшебная птица обломинго. За толстой сейфовой дверью находилась небольшая пещера Али-Бабы, забитая до самого верха драгоценностями, которую освещал золотым сиянием артефакт «Око провидения».

Я отмёл желание спрятаться в ней. Без еды и воды можно протянуть несколько дней, а дальше - смерть. Торопливо высыпал всё своё имущество из вещевого мешка и рассортировал по мощности свою «карманную артиллерию» - магические гранаты, кристаллы, амулеты. Буду пробиваться.

Клинок со светящимся синевой лезвием вновь засунул на своё место, а корону и череп архилича забросил внутрь пещеры. Взамен взял ключ-кольцо с золотистого цвета камушком из ящика на двери и закрыл.

Я зря торопился: на взлом дверей у рыцарей смерти ушло долгих пятнадцать минут. Как только в щель приоткрывшейся двери боком протиснулось плечо рыцаря смерти, я катнул шарик бесцветного кварца ему под ноги и поставил щит. Мощный удар воздушного взрыва потряс стены и отправил нежить на встречу с потолком. Видимо, я немного перестарался, потому что доспех разлетелся на составные части, с грохотом рассыпавшись по полу.

Однако мне этого показалось мало, и я бросил за дверь поочерёдно, один за другим, ещё десять шариков. Как только хлопнули взрывы, не теряя времени, бросился вперёд. За дверью никого не было - лишь остовы разбитых скульптур, всё ещё поддерживающих потолок, и густая, удушливая пыль, витавшая в воздухе.

Я торопливо, будто ящерица, безмолвной тенью нырнул в дренажный колодец. Неровные шершавые стены узкого дренажного канала больно царапали бока, плечи, разбитые в кровь локти. А я бежал, полз, пока от усталости не подкосились ноги, и я, запнувшись, рухнул на колени, а затем повалился на пол.

Несмотря на бесконечную усталость во всём теле, я заставил себя вызвать трёхмерную карту. Где-то рядом с канализационным отстойником должна проходить подземная река, куда сбрасываются сточные воды Чернобада. Зная гномов, можно с уверенностью сказать, что течёт она, скорее всего, в земли людей. Ну не к эльфам, это точно: не любят они, когда в речке гномье дерьмо плавает. Могут и войной пойти.

Множество чёрных отметок нежити на карте,двигающихся в мою сторону, мешали сосредоточиться. Поэтому я заставил себя подняться. Разбросал по ближайшим ходам кварцевые мины - пусть замедлят погоню. Выбрал первый попавшийся проход и быстрым шагом двинулся дальше.

Не успел я пройти половину пути, как от раздавшихся взрывов пол под ногами задрожал, а по стенам тоннеля пронёсся треск. Сверху на меня посыпались мелкие камушки, и удушливая пыль заполнила воздух. Я бросился вперёд, испугавшись, что навсегда буду погребён в этом тоннеле. Однако, к моей радости, свод выдержал.

Вскоре светляк, летевший впереди, осветил грот, в центре которого с глухим рокотом несла свои чёрные воды подземная река. По размерам она была не очень широкая - всего метра четыре. Если верить карте, водный поток должен был выйти на поверхность метров через пятьсот.

Немного поколебавшись, я, положив одежду и обувь в вещевой мешок, решительно направился к центру водной стремнины. Холодная вода подхватила меня и понесла в неизвестность. Бурля и пенясь, от неукротимой страсти водный поток то широко разливался, замедляя бег, то, словно спохватившись, стремительно бросался вперёд, протискиваясь сквозь тесные узкие коридоры.

Уровень воды постепенно поднимался, а потолок надо мною опускался ниже и ниже. Стены справа и слева были отполированы водой - гладкие, скользкие, зацепиться за них было невозможно. За очередным поворотом для головы осталось небольшое узкое пространство, и я, прижав лицо к потолку, хватал губами последние глотки воздуха.

Я хотел поставить воздушный щит, но вдруг течение вырвало из рук и унесло снятый вещевой мешок, а потом схватило меня за ноги и потащило вниз. Я не стал с ним бороться, понимая бесполезность сопротивления, - наоборот, сильными гребками наращивал скорость. Лёгкие раздирало на части, а на глаза начала опускаться пелена...

Глава 8. Браконьер.

Путь мой лежит
В страну снов и чудес,
Я прошёл сквозь Врата
И попал в Волшебный Лес
Речка бежит,
Но время не ждёт -
Мой дракон из лазури
Несёт меня вперед.
Есть причина, по которой
Мне теперь нет сна -
Мне откроет свою тайну
Чудная страна!
(Эпидемия - Загадка волшебной страны)
Я выжил, доверившись советам отца.

- Плыть против течения может только очень сильный человек. А ты, мой маленький, попав в водоворот или обратное течение в море, помни: течение всё равно сильнее тебя. Сопротивляясь ему, ты просто истратишь свои силы впустую. Наоборот, набери скорость и смотри во все глаза. Найди слабое место и, действуя хладнокровно, вырвись из него, - звучали в голове его слова, спокойные, уверенные, те самые, что когда-то заставляли меня верить, что отец знает всё на свете.

Так я и сделал.

Едва светлое пятно забрезжило впереди - размытое, дрожащее сквозь толщу воды, - я изменил направление движения, сконцентрировал все оставшиеся силы и, как пробка из бутылки шампанского, вылетел из-под воды, отчаянно размахивая руками. Воздух обжёг лёгкие, и я жадно, с хрипом, вдохнул его, чувствуя, как мир возвращается ко мне с шумом, светом, болью. Следом выплыл украденный течением вещевой мешок.

Вот только после приключений в горах Алтаида я на восемьдесят пять процентов состоял из костей и ни одного процента жира. Поэтому я, как свинцовое грузило, с лёгким плеском шлепнулся назад в воду и пошёл ко дну, увлекаемый собственной тяжестью. Вода сомкнулась над головой, и на миг мне показалось, что это конец. Но тут на помощь пришёл вещевой мешок, он был частично заполнен воздухом и поэтому я использовал его как спасательный круг.

Уцепившись за него я сумел удержаться на плаву. Работая руками и ногами, глотая воздух и воду, чувствуя, как мышцы горят огнём, я держась за вещмешок, доплыл до кромки и вылез на пологий берег, стуча зубами от холода. Меня колотило так сильно, что я не мог унять дрожь, - казалось, каждая клетка тела вибрирует, пытаясь согреться.

В предрассветном сумраке из молочно-белой завесы поднимавшегося вверх тумана прорисовывались горы - тёмные, суровые, словно стражи этого края. По обеим сторонам широкой реки, насколько хватало взгляда, тянулся лес из плотно стоящих высоких деревьев с опущенными вниз ветвями и тёмно-зелёной кроной, сплетённой в плотный, почти непроницаемый полог. По земле между ними, создавая зелёный природный ковёр, стелилась густая сочная трава, влажная от росы. Студёный утренний ветер с реки, обдувая мокрое тело, пробирал до костей, и я, обхватив себя руками, поспешил к лесу.

Дойдя до опушки, я собрал сухих веток, сложил их в кучу. Магия в этом деле оказалась незаменимой - лёгкий импульс, и пламя, словно живое, лизнуло хворост, разгораясь всё ярче. Я разжёг костёр, развесил мокрую одежду на палках, воткнутых в землю, и поставил воздушный щит, чтобы тепло от огня не сдувал ветер. Огонь танцевал свой вечный танец на

горящих веточках, языки пламени тянулись вверх, пожирая сухую древесину, и постепенно, медленно, тепло начинало растекаться по телу, отогревая застывшую плоть. Мозги размякли, а глаза начали слипаться.

Однако расслабиться мне не позволил урчащий живот - он громко, на весь лес, требовал еды, и этот звук был таким настойчивым, что я невольно усмехнулся: даже после всех испытаний организм требует своего.

Натянув на ноги сырые башмаки - они противно хлюпали при каждом шаге, - я отправился исследовать лес. Золотистые лучи солнца с трудом пробивались сквозь густую листву столетних исполинов, пробивая в сумраке зелёные туннели, полные таинственного полумрака. Хотя утренний туман рассеялся, от земли всё ещё тянуло сыростью, и каждый шаг утопал во мху, издавая тихий, чавкающий звук.

Высокая трава скрывала настоящее кладбище деревьев - густо обросших изумрудными шапками мха, покрытых сверкающими бисеринками росы, которые вспыхивали радугой, когда на них падал свет. Мне приходилось пробираться сквозь заросли кустарника, раздвигая колючие ветки руками, и перелезть через многочисленные упавшие стволы деревьев, скользкие от влаги. Влетев в непролазный колючий куст, я с ворчанием проговорил:

- Поздравляю, Алексей, ты - балбес. Рядом река, где много жирной рыбешки.

Вернувшись назад, я подбросил валежника в костёр - пламя взметнулось выше, рассыпая снопы искр, - взял вещмешок и направился к реке глушить рыбу. Из-за маленького веса кварцевой «карманной артиллерии» взрыв получился на поверхности воды - громкий, но не самый эффективный метод, однако рыбалка удалась. Я насобирал чуть больше двух десятков крупных рыбешек, обмазал их глиной и запекал в углях, пока глина не потрескалась, а от рыбы не пошёл умопомрачительный запах. Съел не глядя, обжигаясь, хватая горячее мясо пальцами, - вкуснота, пальчики оближешь! На сытый желудок жить веселее, и все проблемы почему-то кажутся менее серьёзными, будто их можно отложить на потом.

К людям решил выбираться по реке на плоту. Из истории я помнил, что практически все древние города строили рядом с крупными реками - вода кормила, поила, защищала.

Постройка плота оказалась хлопотным делом. С огромным трудом нашёл сухое дерево недалеко от берега - оно лежало в стороне от троп, присыпанное листвой, и я едва заметил его. С помощью магии нарезал двухметровые брёвна, скатил их к речке, ровненько сложил. Прожёл плазменными файерболлами в брёвнах отверстия - огонь прожигал дерево с шипением, оставляя ровные, обугленные дыры, - куда просунул стволы молодых деревьев для скрепления. К вечеру на берегу реки стоял неказистый плот шириной метра полтора, с тремя шестами и камнем вместо якоря.

Вновь воспользовавшись «карманной артиллерией», наловил рыбы, приготовил её и завалился спать. Естественно, установил с помощью родового перстня сигнальные струны - тонкие, почти невидимые нити магии, натянутые вокруг лагеря, - а сверху для верности наложил иллюзию: пусть случайный путник увидит лишь кучу плавника, а не лагерь юного мага.

Утром я проспал. Поэтому, когда отправился в плавание, солнце стояло уже высоко и довольно жарко пригревало, заливая реку золотыми бликами. Вокруг на разные голоса весело пели птицы, радуясь новому дню, а я чувствовал уверенность и силу постоять за себя. Два поисковика, отправленных вперёд - серебристые искорки, заскользившие над водой, - в ближайших окрестностях ничего не обнаружили. Так что я лежал на нагретых брёвнах плота, скинув одежду, загораю под тёплыми лучами солнца и с наслаждением вдыхая речной свежий воздух, наполненный ароматами лета, влаги и цветущих трав.

Ближе к вечеру я обнаружил небольшой тихий затон, заросший камышами, и, толкаясь шестом, направил туда плот. На ужин я приготовил трёх уток, подстреленных небольшими молниями - разряды вырвались из пальцев с тихим треском, и птицы беззвучно упали в воду.

Я жив, сыт - что ещё надо? Как говорил кто-то из великих:

- В жизни всё временно. Если всё идёт хорошо - наслаждайся, это не будет длиться вечно. Но я почему-то не мог блаженствовать. Может, как говорила мама, у меня шило в одном месте.

Вначале я внимательно рассмотрел ключ-кольцо, которое взял в тайнике архилича. В истинном свете и визуально, во всех ракурсах. На первый взгляд ободок кольца сделан из серебра, с изысканным орнаментом ручной работы - тонкие, изящные линии, складывающиеся в причудливые узоры, которые можно было рассматривать часами. На нём таинственно мерцал золотом звёздчатый камень неправильной формы, обрамлённый кружевом золотой оправы. В истинном свете в камне я рассмотрел светящийся незнакомый мне герб - сложное переплетение символов, пульсирующее ровным, спокойным светом. Внутреннюю сторону кольца покрывала паутина рунических символов, таких мелких, что, казалось, их вырезал не человек, а само время. Пристальной вглядевшись, я обнаружил в глубине кольца четыре замаскированных слоя магических плетений - они переплетались, как нити в сложной ткани, и каждый слой был отдельным, законченным произведением искусства.

Поковырявшись в остатках памяти Алкеса, я понял: это настоящее произведение искусства. Уровень мага-артефактора, изготовившего такую вещь, легендарный.

В детстве каждый юный маг мечтал найти сокровища, спрятанные в тайной комнате или в пространственном кармане. Не избежал этого и Алкес. Он, как и все мальчишки, знал несколько простых заклинаний для поиска и открытия скрытых пространственных карманов, а также для доступа к содержимому. Я воспользовался одним из них и заметил отклик - слабый, едва уловимый импульс, который, казалось, пульсировал в такт моему сердцу.

Теперь оставалось лишь подобрать ключ-форму. Методом научного «тыка» - или, может, что-то другое помогло, не менее «чудесатое», - я сумел открыть пространственный карман, привязанный к кольцу. Правда, не смог определить, что там хранится. Примерно с тридцатой попытки неожиданно для себя вытащил огромный самородок золота - килограмма на три, - и он тяжело упал мне на колени, обжигая холодом металла. На первых порах я сильно обрадовался.

«Я сказочно богат!» - пронеслось в голове, и сердце забилося чаще, наливаясь предвкушением.

Но тут же отрезвило: такое богатство может обернуться смертельной бедой. Одинокого, беззащитного мальчишку-сироту всяк обидеть может, и не заступится никто. Особенно если кто-то заметит, что у меня золото. Мне бы горсть меди... Да откуда она у короля гномов?

В расстройстве забросил самородок назад и уснул.

На следующее утро всё повторилось - я снова проспал. Так как первый день показал, что сидеть и лежать на брёвнах плота очень неудобно, я нарвал травы и мха, насобирав хвой. Устроившись на этой куче как на перине, медленно дрейфовал весь день, глядя, как проплывают мимо берега, как меняется свет, как солнце совершает свой неспешный путь по небу.

К вечеру речка свернула на закат, и вдалеке показалась деревня. Впрочем, «деревня» - громко сказано. Несколько покосившихся от тяготы времени избушек, разбросанных вдоль берега реки, с почерневшими крышами и покосившимися заборами. Лес вокруг деревушки был расчищен - виднелись пни и молодые поросли, ещё не успевшие сомкнуться в чащу. Неподалёку от домов виднелись огороды и поля, засеянные хлебом, колосья которого мягко колышались на ветру.

Внешне всё было спокойно, и я, причалив к берегу рядом с мостком, бросил якорь. Ещё раз окинул внимательным взглядом окрестности и смело зашагал по тропинке, стараясь не обращать внимания на внутреннюю борьбу любопытства и осторожности.

Я остановился у хорошей добротной крестьянской избы, окружённой частоколом, - она сильно отличалась от неухоженных соседок. Стены были свежесвежены, крыша аккуратно покрыта дранкой, а во дворе чувствовалась хозяйская рука. Из трубы шёл лёгкий дымок, а

возле крыльца стояла кадка с чистой водой. Я глубоко вдохнул, собрался с духом и постучал в дверь.

Увидев меня, на крыльцо вышла пожилая дородная женщина средних лет в простом домотканом платье, с платком на голове и руками, привыкшими к тяжёлой работе.

- А тебе чо надо? - с прищуром разглядывая меня, сурово спросила она.

- Здравствуйте, сударыня, - начал я разговор, стараясь придать голосу как можно больше кротости. - Мне бы водицы испить, а то есть хочется и переночевать негде!

Женщина, услышав мои слова, не на шутку призадумалась, разглядывая мою одежду, моё измождённое лицо, мои руки, висевшие плетью.

- Сударыня, помогите бедному путнику, - продолжил я громче. - А я вам за доброту работой отплачу!

- Ох ты, господи боже ж мой! - жалостливо запричитала женщина, наконец-то разглядев мою худобу. Она всплеснула руками, и в её глазах появилось искреннее, бабье сочувствие. - Откуда ты такой, прям кожа да кости...

Пришлось рассказать заранее придуманную легенду. Мой отец приехал сюда по торговым делам - на встречу с компаньоном, - и меня взял с собой. Тёмной ночью злые разбойники напали на караван и убили всех, лишь один я сумел сбежать в лес. Сильно испугался, бежал, бежал и заблудился в лесной чаще. Блуждал более двух недель, а два дня назад вышел к какой-то неизвестной реке. Соорудил плот и приплыл в деревню.

Благиня - так она представилась - ни на миг не усомнилась в моём вранье. Она только ахала, качала головой и причитала, пока я ел её похлёбку. Накормила и... заставила работать. Со словами «кто не работает, тот не ест» я поил свиней и коров, полол грядки, а вечером до темноты носил воду из речки в огромный бочонок. За это она накормила от пуза и полностью сменила мой гардероб. Пусть одежда была не новой, но чистой и аккуратно заштопанной, и пахла она не едким потом, а травами и солнцем.

Спать меня Благиня уложила на сеновале. Я так устал за день, что едва моя голова коснулась постеленного поверх сена тюфяка и я вытянул отёкшие за день ноги - сразу уснул, провалившись в чёрную, без сновидений, пропасть.

Утром за завтраком мы разговорились. Оказалось, мужа и сыновей, вместе со всеми мужчинами в деревне, местный барон призвал на работу - по-нашему, на барщину. Ну а на её плечи легла вся тяжесть забот по домашнему хозяйству. А у неё, между прочим, ноги болят, - жаловалась она мне, потирая колени. Также поставила в известность, что дня через три в замок к барону с припасами должен поехать староста. Если у меня есть желание, то я могу поехать с ним до замка барона. Потом староста Тихомир пристроит меня к обозу, следующему в земли графа Переяслава.

Благиня меня не обманула. Староста заехал рано утром третьего дня. Мы погрузили в крестьянскую крытую телегу мешки с мукой и зерном, несколько кругов сыра, а также бочку с мёдом. Я не просто тепло попрощался с гостеприимной женщиной - в благодарность я направил лечащее заклинание на её больные ноги. Золотистый свет скользнул по её коленям, и она охнула, сначала от неожиданности, а потом - от облегчения. Будет бегать не хуже молодой.

Фургон повёл староста, а мне досталась небольшая подвода, забитая глиняной посудой. Лошадь досталась смирная - она, как привязанная, не спеша шла за едущим впереди фургоном. Где-то после полудня повозка старосты съехала с дороги и остановилась на поляне. Во время обеда староста долго меня выпытывал, кто я такой и откуда взялся. Я повторил легенду слово в слово. Так и не понял, поверил он мне или нет.

Дорога извилистой лентой петляла среди непроходимых лесов. Лошадь фыркала и переступала копытами, её густой пушистый хвост со свистом гонял паутов. А меня стали одолевать беспокойные мысли о будущей судьбе: смогу ли найти себе место в этом мире?

Лишь к вечеру мы въехали на узкую улицу городка. В центре, на высоком холме, грозно возвышался замок барона - каменный, тёмный, с узкими бойницами и дозорными башнями, уходящими в небо. Староста направил лошадей к бревенчатому амбару, где сдал припасы уса-тому приказчику. После чего мы остались ночевать в каком-то сарае. Тихомир чуть свет под-нял меня и подвёл к старшему обоза, следующему в земли графа Переяслава. Что-то шепнул ему на ухо, и меня пристроили на облучок последней повозки.

Пришлось ехать в пыли добрых два дня. На удивление, никто не напал, и никто не пытался сделать мне плохо. А я навывдумывал! Даже питался отдельно, хотя меня приглашали к общему котлу.

К крепостной стене приехали, когда солнце уже садилось. В город я решил не ехать и незаметно соскочил перед мостом через маленькую, но быструю речушку. Мне требовалось помыться - я был в пыли с головы до кончиков ушей, - а моя обострившаяся паранойя говорила: лучше перестраховаться, чем потом сожалеть. Уж больно мне шепчущий староста показался подозрительным.

Я поднялся выше по течению, убедился, что выпущенные ранее поисковики не обнару-жили двуногих, развёл костёр и с удовольствием искупался в речке.

На противоположном берегу мне составляли компанию большие бизоны, покрытые иссиня-чёрной шерстью, с горбатыми холками и тяжёлыми, широкими головами. Стоя в воде, они лениво трясли густой бородой, а на их спинах сидели птицы и склёвывали насекомых.

- Ого, сколько бесхозного мяса пасётся, - прошептал я тихо под нос, чувствуя, как желу-док снова напоминает о себе.

А в голове мелькнула безумная мысль:

- Рядом ходит триста килограмм чистого мяса. Почему бы не поохотиться? Заготовлю мяса, наемся, остальное уберу в пространственный карман. К тому же можно в городе продать за медяк-другой.

Я помечтал ещё чуток и вспомнил о маленькой проблеме: разделять тушу бизона нечем. Не маленьким же шилом с синим клинком...

Ладно, поем и продолжу эксперименты по доставанию вещей. Надо теперь не о золоте думать, а о колюще-режущем инструменте. На крайний случай и боевой топор сойдёт.

С горем пополам к рассвету мне удалось подобрать заклинание и получить полный спи-сок вещей - состоявший из абракадабры, случайного набора букв, который поначалу казался бессмыслицей. Сложная на первый взгляд задача решилась достаточно просто.

В пятнадцать лет я подружился с самой красивой девочкой из соседнего класса. Что скрывать, я был без ума влюблён. Мне казалось, это первая и единственная любовь на всю жизнь. Однако её родителям не нравился мальчик-непоседа и драчун. Наши совместные про-гулки и походы в кино пресекались на корню. Поэтому о свиданиях мы договаривались шиф-рованными записками. Шифр самый простой: в понедельник алфавит сдвигался на единицу - то есть вместо «А» нужно было писать «Б», в воскресенье - соответственно на семь. За учеб-ный год мы так поднаторели, что могли читать и писать, не смотря на алфавит.

Летом её увезли на море. И я впервые испытал горечь разлуки, а затем горечь измены. Там она познакомилась с мальчиком, который очень сильно нравился её родителям. А я полу-чил от ворот поворот. Больно признаться, но она совсем не любила меня, а дружить со мной стала просто для статуса. Типа, у меня мальчик не такой как все.

Благодаря этой любовной истории, помаявшись ещё час, я прочитал первую абракадабру: «Иявяд Зяхэ» - Топор Войны.

Я протянул руку и мысленно представил его в руке. И ощутил тяжесть настоящего бое-вого топора гномов в кожаном чехле. Он притягивал взгляд - не блеском, не украшениями, а той суровой, первобытной силой, которая чувствовалась в каждом изгибе металла. Топор, как

всякое боевое оружие, был прост. Полотно было покрыто защитным чернением и не бликовало на солнце, словно вбирало в себя свет. Я снял чехол и проверил остроту лезвия.

Из неглубокого пореза на пальце брызнули капли тёплой крови, растекаясь и впитываясь в полотно, а по всему лезвию вспыхнул алым цветом рунный узор - сложные, витиеватые знаки, которые горели несколько мгновений, а потом погасли, оставив на металле едва заметный багровый отсвет. Ну, а что я хотел? В кладовке короля гномов всякое «Г» не валяется.

Следующим предметом я извлёк нож для разделки бизона. Он тоже оказался непростым: клинок из тёмного металла, тоже покрыт рунным узором, который слабо мерцал в сумерках, словно живой.

Сходил в лес и на пробу срубил два молодых деревца - практически без замаха. Лезвие вошло в древесину, как в масло, и стволы с тихим шелестом, завалились в сторону. Я посмотрел на срезы: гладкие, как отполированные, без единой щепки, без единой задоринки. Хорошее оружие. Настоящее.

Не успел я восхититься остротой, как недалеко от речки, примерно в ста шагах от меня, послышался пронзительный, утробный рёв двух бизонов. Звук был такой силы, что, казалось, воздух содрогнулся, а где-то в груди отозвалась глухая, древняя дрожь. Между ними происходило так называемое состязание самцов по рёву - кто громче, кто страшнее, кто дольше протянет ноту. Я сдуру и попёр узнать, что за шум. Откуда городскому парню, видевшему бизонов лишь на картинках, где они спокойно жуют траву, знать, что эти создания в брачный период становятся агрессивными, как демоны?

Едва только я, движимый глупым любопытством, приблизился, как один из бизонов почувствовал меня. Его огромная, горбатая туша развернулась с неожиданной для таких размеров лёгкостью. Глаза налились кровью, ноздри раздулись, выдувая облачка пара в утренний холодный воздух. Он угрожающе наклонил голову, выставив вперёд страшные, изогнутые рога, и сердито стал бить себя по бокам длинным, мускулистым хвостом - демонстрируя мне, что очень сердит и вот-вот пойдёт в атаку.

Я тихонечко попятился назад - и это было моей очередной ошибкой. Прикинуться пеньком, замереть, не дышать - наверное, был бы лучший вариант. Но страх уже пульсировал в крови, заставляя ноги двигаться, а сердцу колотиться.

Буквально в одну секунду глаза бизона налились такой густой, непроглядной кровью, что зрачков стало не разглядеть. Он коротко, хрипло взревел - и, выставив вперёд рога, бросился на меня. Земля задрожала под его копытами, и этот топот, нарастающий, как лавина, едва не парализовал волю.

В голове мелькнула мысль: если такой «танк» ударит - мало не покажется. Я рванул в сторону, уходя с линии атаки, - стремительно, как учил Де Крабо на своих изматывающих тренировках, - и одновременно запустил файербол. Всё как учил призрачный наставник: движение - удар, движение - удар, не думая, не сомневаясь, на рефлексах.

Шар с шипением врезался в голову зверя. От удачного попадания бизон содрогнулся всем телом - мышцы вздрогнули, шкура пошла волной, - колени подогнулись, и девятисоткилограммовая туша рухнула, окрасив кровью зелёную траву. Земля глухо ухнула, принимая его. Я на мгновение загордился. Но гордость быстро улетучилась, когда я понял, что мне предстоит теперь с этим делать.

Разделка - грязное и вонючее дело, я убедился на собственном опыте. Причём делать всё приходилось наугад: интернета нет, и подсказать некому. А я за свою короткую двадцатилетнюю жизнь максимум что видел - это как мама кур разделяет. Тут же передо мной лежала гора мяса, шкуры, костей и кишок, и я понятия не имел, с какого бока к этому подступиться.

Долго провозился. Солнце поднялось высоко, перевалило за полдень, начало клониться к закату, а я всё ещё возился, по локоть в крови, отгоняя мух, которые слетались на запах

свежей плоти. Закончил уже в сумерках, когда лес погрузился в синий, прозрачный сумрак, а на востоке зажглась первая, самая яркая звезда.

Мяса получилось гораздо больше, чем я ожидал. Огромные куски, которые я едва мог удержать в руках, лежали на расстеленной шкуре, и от них исходил пар. Я для удобства нарезания слегка подморозил их - магия холода вырвалась из пальцев тонкими, голубоватыми нитями, и мясо покрылось инеем, - разрубил топором гномов приблизительно на пятикилограммовые куски. Топор входил в мясо с тем же лёгким, почти невесомым хрустом, что и в дерево. Потом каждый шмат мяса подверг шоковой заморозке - ещё более мощному удару холода, от которого куски покрылись толстой коркой льда, - и спрятал в пространственный карман. В списке моментально появилась ещё одна абракадабра - «пвфс-148».

В город попал утром на следующий день, пристроившись к проходящему мимо моста обозу. Его охранники - двое мужиков с заспанными лицами и копьями наперевес - на худого, безобидного парнишку не обратили внимания. Так же, как и два воина, стоящих на страже ворот, которые даже не подняли глаз от своей неспешной беседы.

Пройдя вместе с торговым обозом до рынка, я полдня внимательно наблюдал за торговлей: как торгуют, чем торгуют и какая цена на товары. Приглядывался к лицам, к тому, как продавцы переглядываются, как считают выручку, кого подзывают к себе шёпотом. Выбрав мясника, который, по моему мнению, проворачивал незаконные торговые операции - уж больно часто он оглядывался по сторонам и прятал часть выручки в отдельный мешочек, - обратился к нему, предложив взять под реализацию пару кусков замороженного мяса. Объяснил тем, что мне за работу выделили, а готовить негде, да и не умею я.

Он долго не мог меня понять. Смотрел на меня, как на сумасшедшего, переспрашивал, крутил в руках мои куски мяса, рассматривая ледяную корку. Потом согласился - пятьдесят на пятьдесят - и даже выделил мне мешок с торговым ярлыком, что бы я мог принести следующую партию. Пообещал, что если не вернусь, то сдаст страже. В его глазах я увидел жадный блеск, и понял - этот не упустит своей выгоды.

Чтобы меня не обманул мясник, я побежал к трёхэтажной башне, где на втором этаже находился стражник, следящий за порядком на рынке. Войдя, поднялся по каменной лестнице на две ступеньки вверх, прислушался - никого. Только где-то наверху, на третьем этаже, ходил кто-то тяжёлыми шагами, да половицы скрипели. Быстро бросил в мешок два куска и побежал назад к торговцу. Пусть думает, что у меня какие-то мутные дела с рыночной стражей.

Не прошло и десяти минут, как мои куски были проданы, словно горячие пирожки, - и мне вновь пришлось повторить манипуляции. На третий раз я всё-таки поднялся вверх по ступенькам на второй этаж, но уже с подарком - как бы от моего отца, который просил приглядеть за мной, чтобы не обижали. Трёхлитровый бочонок пива и солёные сухарики понравились охраннику - он сразу оживился, подобрел лицом, и благосклонно прогулялся со мной по рынку. Показывая всем, что я под его охраной. Естественно, после показательной прогулки со стражником, мясник и не думал обманывать меня и даже повысил процент моей доли.

День закончился, а я был «богат», в кошельке за пазухой лежали, десять серебрушек и меди десятка два. Причем я приоделся - купил добротную куртку, штаны, сапоги, что были мне впору, - в дорогу взял лоскут одеяла и войлока, чтобы можно было спать на земле. В общем, выглядел я как минимум сыном небогатого купца. За пару медных монет напросился ночевать к старушке, торговавшей рядом с мясником пирожками.

Феномен, почему мороженое мясо улетало как горячие пирожки, я выяснил на следующий день. Дело в том, что в этом мире уже существовало что-то вроде холодильников. Однако магический амулет, встроенный в ларь, не замораживал продукты - он их охлаждал до температуры, близкой к нулю. При этом время хранения мясных продуктов увеличивалось всего дня на три, не более. Ещё охлаждение тратило заряд, соответственно потом нужна была дополнительная магическая подзарядка амулета, что было затратно. Ну а замороженные продукты

ниже ноля градусов, хранились под воздействием этих амулетов полгода, причем значительно экономя на зарядке.

Наряду с этим выяснилось, почему стада бизонов пасутся и никто их не трогает. Оказалось, по местному закону они находились в собственности графа, владельца этих земель. Приговор за охоту на собственность местного владельца один - четвертование.

Вот тут-то я испугался по-настоящему. Вдруг кто-то донесёт на подозрительного мальчишку. Кроме того я неожиданно заметил, что за мной следят какие-то подозрительные личности. Двое, а может, трое - они постоянно маячили на периферии зрения, сменяя друг друга. Похоже, местный нечистый на руку народец смекнул, что на мне можно «срубить по-быстрому бабла». От нападения их пока удерживала моя «дружба» с охраной рынка, но я понимал: долго это не продлится.

Ночевать вновь напросился к старушке и, как только она уснула, с помощью амулета «Потаённый лаз» составил трёхмерную карту подземных коммуникаций города. Карта развернулась передо мной, как сложный, извилистый лабиринт, где каждый ход, каждая нора были подсвечены тусклым, голубоватым светом.

С рассветом, едва взошло солнце, не медля ни минуты, привычно ринулся под землю. По дороге встретила парочка ранних, контрабандистов, однако я, предупреждённый «поисковиками», переждал, спрятавшись в одном из ответвлений подземного хода. Извилистый лаз привёл меня к речке, под мост на южной стороне города. Выход был замаскирован парой старых горбылей, поросших склизким, зелёным мхом.

Выбравшись под мост, я прислушался. Сверху раздавался грохот телег, ехавших по мосту, и голоса возниц, перекликающихся между собой. Я затаился в тени, чувствуя, как холодный воздух с реки заползает под одежду. Выждав несколько минут, после проезда очередного воза, осторожно выглянул из-под моста - и понял, что попал.

На меня во все глаза смотрела ватага мальчишек пятнадцати-четырнадцати лет. Их было человек десять, не меньше. Они, заметив меня, встали полукругом, перегораживая путь, и в их глазах горел хищный, азартный огонёк, который я хорошо помнил по своей прошлой жизни. Отступить под мост было поздно: банды малолеток всегда бросаются догонять убегающих. В них, так же как и в диких хищных животных, силен инстинкт охотника, и бегство только разжигает его.

Я спокойно встал на край моста и развернулся к ним лицом. Сердце колотилось, но я старался дышать ровно, не показывать страха. Мальчишки молча осмотрели мою одежду и поклажу и приблизились ко мне, а самый старший - коренастый, с наглым, уверенным лицом - вышел вперёд.

- Гони монеты, купченок, - хмуро сказал он, и в его голосе чувствовалась уверенность того, кто привык брать, а не просить.

Ага, плавали, знаем: оберут подчистую, поглумятся и скинут в речку. Мой отец всегда говорил мне: выбирая между дракой и позором, выберешь позор - получишь и драку, и позор. Так подростковая банда поступила с моим знакомым, который попытался откупиться от них. Со мной у них такой финт не прошёл, а я заработал погоняло «Бешеный» и кучу «друзбанов». Однако я и многие другие пацаны не считали его трусом. Он мог подраться с одним, на крайний случай - с двумя, но когда угрожают расправой десять или двенадцать... Не каждый взрослый сможет преодолеть барьер страха перед количеством. Я встречал таких, но они были полностью безбашенные. О себе могу сказать лишь одно: я нормальный. Меня отец натаскал на тактику групповой драки.

Первый принцип - шокировать противника. Что я и сделал.

Молча, без предупреждения, нанёс быстрый, резкий удар в основание носа - место под нижней часть носовой перегородки, где находится нервный узел, близко подходящий к поверхности. Этот удар, вызывает сильную боль и слезотечение.

Мальчишка взвыл, согнулся пополам, а слёзы градом потекли из его глаз, заливая лицо.

- Не понял, - громко сказал я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и насмешливо. -

А что это он завыл?

Я обвёл взглядом толпу - медленно, с вызовом - и указал пальцем на мальчишку, стоявшего рядом с поверженным:

- Тебе тоже нужны монеты?

Он отчаянно замотал головой, в его глазах мелькнул испуг, и он попятился, увлекая за собой остальных. Я уже понадеялся, что на этом всё и закончится. И едва не пропустил удар, отвлекшись на всадника, который остановился на мосту недалеко от нас и внимательно разглядывал нашу разборку.

Удар пришёл сбоку - от мальчишки, претендующего на место жоака. Я встретил его кроссовым встречным - тем самым, который отрабатывал на тренировках сотни раз. Кулак вошёл в челюсть, и я почувствовал, как тело противника теряет жёсткость.

Щёлчок от моего удара оказался громким, но не он заставил мальчишек разлететься, как кегли в боулинге.

Неизвестный всадник вмешался в драку, применив магический воздушный удар. Я почувствовал, как воздух сгустился, уплотнился, а потом рванул во все стороны волной, от которой заложило уши. Всего пять секунд - и я остался стоять на мосту в гордом одиночестве. Малолетние разбойники с испуганными криками, спотыкаясь и налетая друг на друга, бежали в сторону городских ворот.

Всадник подъехал ближе.

Это оказался юноша лет семнадцати, с острым, цепким взглядом и лёгкой, едва заметной усмешкой на губах. Одет он был в дорожный плащ тёмно-зелёного цвета, под которым угадывалась кольчуга, а на поясе висел короткий меч в простых, но добротных ножнах. Он окинул меня оценивающим взглядом - быстрым, цепким, как у человека, привыкшего определять цену вещам и людям с одного взгляда.

Конец первой книги. Томск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.